

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 4, 2014 г.

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ В АРКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ

Ананьев Д.А. Проблемы истории освоения Российской Арктики в XIX – начале XX в. в освещении англо- и германоязычных авторов.	5
Ламин В.А., Кузнецова Я.А. Дороги жизни в челястях холода.	9
Элерт А.Х. К истории изучения «самоедов» Северо-Западной Сибири в XVIII в.	15
Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческие кадры северных территорий Азиатской России во второй половине XIX – начале XX вв.	19
Дамешек Л.М., Кушнарева М.Д. Роль представителей торгового дома «Коковин и Басов» в освоении Северо-Востока Сибири в начале XX в.	23
Матханова Н.П. Участие деятелей западносибирской администрации XIX в. в освоении северных территорий.	28
Комлева Е.В. Государственная политика и частная инициатива в области освоения Северо-Востока России в конце XVIII – первой половине XIX в.	32
Николаев А.А. Хэнское общество потребителей в Северном Приобье: состав участников и организация торговли в начале 1920-х гг.	36
Тимошенко А.И. Особенности государственного управления в Арктике в 1920-1980-е гг.	41
Куперштох Н.А. Вклад сибирских ученых в изучение нефтегазоносности Арктики во второй половине XX в.	45

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

Панич Т.В. Тема защиты православия в сочинениях писателей патриаршего круга второй половины XVII в.	50
Старухин Н.А. Неизвестное сочинение сибирского белокриничского писателя Г.А. Страхова «Оправдание старообрядствующей иерархии по пророку Ездаре»	54
Савенко Е.Н. «Власть и свободу всему народу»: история нелегальной молодежной организации конца 1920-х гг. в свете документов следствия	57
Лизунова И.В. Национальная пресса Сибири и Дальнего Востока в контексте российской истории XX – начала XXI вв.	61

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Манькова И.Л. Мужской монастырь в православном ландшафте Тобольска XVII в.	67
Добжанский В.Н. Новые документы о названии Верхнего Чулыма и местонахождении Кизыльской волости в XVII в.	71
Пивоваров Н.Ю. Формирование кооперативной элиты в России в конце XIX – начале XX вв.	76
Кротт И.И. Новые знания и технологии земледелия в предпринимательских хозяйствах Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.	81
Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства: дискурс 1920-х гг.	85
Шишкин В.И., Савин А.И. Социальная мобильность в России в эпоху войн, революций и радикальных трансформаций первой половины XX в.: основные направления и результаты изучения.	89
Шмаков В.С. Сельский социум России: динамика развития.	94
Бондарь В.А. Современные концептуальные подходы к изучению понятия «документ»	98

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Тимофеева Ю.В. Благотворительность в библиотечном строительстве в Западной Сибири (конец XIX – начало XX вв.)	103
Лбова Е.М. Издательская деятельность эсеров в 1919–1921 гг. в Париже (на примере периодического издания «Pour la Russie»)	106
Корнилов Г.Е. Рец. на кн.: GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946 / В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Л.И. Бородин, Г.А. Гончаров, М.В. Гонцова, В. Кригер, А.Я. Нахтигаль, Н.П. Палецких, А.А. Цепкалова, Б.Д. Шмыров, С.В. Аминова. М.: МСНК; Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. Т. 4. 1030 с.	110
Журавлев В.В., Введенский В.В., Ильина Д.В., Слугина В.А. Гуманитарная экспертная школа – научно-образовательный проект в области методологии истории	112
Summary	113

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН, профессор *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), д-р ист. наук, профессор *Е.Т. Артемов* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), академик РАН, профессор *А.П. Деревянко* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В. Дёнингхаус* (Германия), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *О.Н. Катионов* (Новосибирск), доктор *К. Мацузато* (Саппоро, Япония), академик, профессор РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), доктор *А. Патнаик* (Нью-Дели, Индия), доктор ист. наук, профессор *Е.Б. Сыдыков* (Астана, Республика Казахстан), д-р ист. наук, профессор *Н.А. Томилов* (Омск), доктор, профессор *С. Чаттерджи* (Калькутта, Индия) д-р ист. наук, профессор *М.В. Шилловский* (Новосибирск), д-р ист. наук, профессор *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, канд. ист. наук *Н.А. Куперитох*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *И.В. Лизунова*, д-р ист. наук *А.Ю. Майничева*, д-р ист. наук, *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, канд. ист. наук *В.М. Рынков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *А.И. Савин*, д-р ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *И.П. Гемуева*
Художественный редактор *Е.Н. Сентябова*

Подписано к печати 22.12.14. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 500 экз. Заказ № 316.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

**Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA**

N 4, 2014

CONTENTS

РОССИЯ В АРКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ

Ananyev D.A. Problems of History of the Russian Arctic Development in the XIX – Early XX Centuries as Depicted by the English- and German-Language Authors	5
Lamin V.A., Kuznetsova Ya.A. Roads of Life in the Jaws of Cold.	9
Elert A.Kh. On the History of Studying the Samoyedic Peoples of the North-Western Siberia in the XVIII Century	15
Shilovskiy M.V. Administrative-Territorial Units and Administrative Staff of the Northern Areas of Asiatic Russia in the Second Half of the XIX - Early XX Centuries	19
Dameshek L.M., Kushnareva M.D. The Role of Representatives of the Firm «Kokovin and Basov» in the Development of the North-East of Siberia in the Early XX Century	23
Matkhanova N.P. Participation of West-Siberian Administrators in the Development of Northern Territories	28
Komleva E. V. State Policy and Private Initiative in Colonization of the North-East of Russia in the Late XVIII – First Half of the XIX Century	32
Nikolaev A.A. Consumer Society of the Village of Khe in the Northern Ob Region: Membership and Organization of Trade in the Early 1920s	36
Timoshenko A.I. Specific Features of Public Administration in the Arctic in the 1920s-1980s	41
Kuperstokh N.A. Contribution of the Siberian Scientists to the Study of Arctic's Petroleum Potential in the Second Half of the XX Century	45

BOOK CULTURE

Panich T.V. The Theme of Advocacy of the Orthodoxy in the Writings of the Authors from the Patriarch's Circle of the Second Half of the XVII Century	50
Starukhin N.A. Unknown composition of the Siberian Belokrinskiy writer G.A. Strakhov "Justification of the Old-believers hierarchy from prophet Ezra"	54
Savenko Ye.N. "The Power and Freedom to All People": The History of the Illegal Youth Organization in the Late 1920s: Based on Investigation Documents	57
Lizunova I.V. National Press in Siberia and Far East in the Context of Russian History of the XX – Early XXI Centuries	61

PROBLEMS OF HISTORY

Mankova I.M. The Men's Monastery in the Russian Orthodox Landscape of Tobolsk in the XVII Century	67
Dobzhansky V. N. New Documents on the Name of Upper Chulym River and Location of the Kizyl Volost' in the XVII Century	71
Pivovarov N.Yu. Formation of the Cooperative Elite in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries	76
Krott I.I. Diffusion of European Innovations: Developing Agriculture in the Entrepreneurs Farms of Western Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries	81
Ilyinykh V.A. Social Mobility of Siberian Peasants: Discourse of the 1920s.	85
Shishkin V.I., Savin A.I. Social Mobility in Russia during the Wars, Revolutions, and Radical Transformations of the First Half of the XX Century: Discourses and Research Results	89
Shmakov V.S. Rural Socium of Russia: Historical Resource	94
Bondar V. A. Conceptual Research Approaches to the Term "Document" At the Present Stage	98

REPORTS, BOOK CULTURE

Timofeeva Yu.V. Charity in Library Construction in Western Siberia (Late XIX – Early XX Century)	103
Lbova E. M. Publishing Activities of Social Revolutionaries in Paris in 1919 – 1921 (As Exemplified by the Periodical «Pour la Russie»)	106
Kornilov G.E. GEDENKBUCH: The Book of Memory of Germans – Labour Army Members in the Labour Camp Baykalstroy-Chelyabmetallurgstroy (GEDENKBUCH: Kniga pamyati nemtsev-trudarmeytsev ITL Baykalstroy-Chelyabmetallurgstroy. 1942-1946. T.4.) Vol.4. Moscow: MSNK; Nizhniy Tagil: NTGSPA, 2014. – 1030 p.	110
Zhuravlev V.V.; et al. Expert School for the Humanities– Education and Research Project in Methodology of History	112
Summary	113

**ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC MAGAZINE
“GUMANITARNIYE NAUKI V SIBIRI”**

Published since January 1994
Publication frequency: 4 issues per year

**Founders: Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences**

EDITORIAL COUNCIL

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *V.A. Lamin* (Chairman of the Board, Novosibirsk), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.V. Alekseyev* (Yekaterinburg), Doctor of historical sciences, Professor *Ye.T. Artyomov* (Yekaterinburg), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences *B.V. Bazarov* (Ulan-Ude), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *A.P. Derevyanko* (Novosibirsk), Doctor, Professor *V. Döninghaus* (Germany), Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinykh* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *O.N. Kationov* (Novosibirsk), Doctor, Professor *K. Matsuzato* (Sapporo, Japan), Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor *V.I. Molodin* (Novosibirsk), Doctor, Professor *A. Patnaik* (New Dehli, India), Doctor of historical sciences, Professor *Ye. B. Sydykov* (Astana, Republic of Kazakhstan), Doctor of historical sciences, Professor *N.A. Tomilov* (Omsk), Doctor *S. Chatterjee* (Kolkata, India), Doctor of historical sciences, Professor *M.V. Shilovskiy* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Shishkin* (Novosibirsk), Doctor of historical sciences *A.Kh. Elert* (Novosibirsk)

EDITORIAL BOARD

Chief editor – Doctor of historical sciences *V.A. Ilyinyh*
Executive secretary – Candidate of historical sciences *S.N. Andreenkov*

Candidate of historical sciences *D.A. Ananyev*, Doctor of historical sciences, Professor *N.S. Guryanova* (deputy chief editor), Doctor of historical sciences, Professor *V.A. Zverev*, Doctor of historical sciences, Professor *V.I. Isaev*, Doctor of historical sciences, Professor *V.A. Isupov*, Candidate of historical sciences *N.A. Kupershtokh*, Doctor of historical sciences *L.V. Kuras*, Doctor of historical sciences *I.V. Lizunova*, Doctor of historical sciences *A.Yu. Maynicheva*, Doctor of historical sciences, *N.P. Mathanova*, Doctor of historical sciences *S.P. Nesterov*, Candidate of historical sciences *V.M. Rynkov* (deputy chief editor), Candidate of historical sciences *A.I. Savin*, Doctor of historical sciences *O.N. Shelegina*

E d i t o r i a l a d d r e s s : 630090 Novosibirsk, Ul.Nikolaeva, 8
Institute of History, SBRAS, room no. 301, tel. 8-383-330-24-31
<http://www.sibran.ru>
gumnauki@gmail.com
Editorial staff manager: Smirnova, Vera Ivanovna

The Journal is registered by the Ministry of Press and Information of Russian Federation on June 17, 1993, № 0110807

The Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
630090, Novosibirsk, Morskoy Pr., 2

РОССИЯ В АРКТИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ОСВОЕНИЯ

УДК 930 (57)''15/19''

Д.А. АНАНЬЕВ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. В ОСВЕЩЕНИИ АНГЛО- И ГЕРМАНОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

На рубеже XIX–XX вв. в зарубежной литературе все чаще отмечались успехи России в освоении северных широт. Наиболее активно данная тема обсуждалась на страницах периодических изданий, выходивших в США, Великобритании, Германии – крупнейших военно-морских держав того времени. В настоящей статье предпринята попытка обзора основных работ, опубликованных англо- и германоязычными исследователями, с целью выявления основных тенденций в изучении истории освоения Арктической зоны России в XIX – начале XX вв. Отмечая активные действия России на «арктическом направлении» (Ф. Шватка, Дж. Мелвилль, А. Грдличка), западные авторы дополняли тем самым общую картину имперской экспансии и могущества России. В первые десятилетия XX в. по мере роста активности европейских держав в Арктике все чаще обсуждался вопрос о статусе арктических территорий. Одним из способов подтверждения прав на эти территории являлась организация экспедиционных исследований, описанию которых посвящены работы Р. Бартлетта, В. Стефанссона, Н.А. Транзе, Х. Абеля, У. Барра. История освоения Северного морского пути освещалась в известных монографиях К. Криптона (Г.К. Молодечко), Т. Армстронга, У. Батлера. Арктическая политика Российской империи в дореволюционный период анализировалась в работах П. Хоренсмы, Дж. Маккэнона, Д. Дальманна, опубликованных в 1990-х – начале 2000-х гг. Особая тема в работах англо- и германоязычных исследователей связана с проблемами взаимоотношений русских с коренными народами Крайнего Севера (А. Каппелер, Ю. Слезкин, Д. Андерсон). При этом для современных исследователей темы, отмечающих преимущественно негативные последствия «патерналистской» политики в отношении аборигенного населения, характерно стремление отказаться от «русскоцентричного» подхода и рассматривать историю коренных народов Крайнего Севера с позиций самих этих народов.

Ключевые слова: Арктика, Российская империя, коренные народы Крайнего Севера, западная историография.

В истории освоения Арктической зоны России исследователи выделяют XIX – начало XX вв. как особый период, когда в условиях растущей международной политической и экономической конкуренции государство продемонстрировало решимость ускорить интеграцию арктических территорий в общеимперское пространство и защитить от возможных притязаний со стороны соседей. В указанный период появились первые государственные программы поддержки коренных народов Крайнего Севера, изучались возможности дальнейшего хозяйственного освоения и развития транспортной системы региона [1].

В настоящей статье предпринята попытка обзора основных работ, опубликованных тогда англо- и германоязычными исследователями, с целью выявления основных тенденций в изучении темы.

Во второй половине XIX – начале XX вв. о достижениях русских в Арктике писали известные американские полярные исследователи Ф. Шватка и Дж. Мелвилль, антрополог А. Грдличка [2–4]. Отмечая активные действия России на «арктическом направлении», западные авторы дополняли тем самым общую картину имперской экспансии и могущества России – страны, которая, по определению У.Ф. Мейсона Маккарти, «не имела реальных соперников в Азии» [5–7]. Анализируя перспективы развития России как мировой державы, известный экономист Ч. Конант полагал: «С учетом ее потенциала, при сохранении существующих темпов экономического развития, по завершении строительства Транссиба Россия через тридцать лет станет главной соперницей “англо-саксонской расы” в борьбе за экономическое и военное господство» [8].

О грядущей гегемонии России писал Б.Д. Ремедж, подчеркивавший роль транспортных систем и утверждавший, что с их развитием (прежде всего, с сооружением Транссиба), Россия получит «огромные преимущества на Востоке – главной арене для будущих сражений, как экономических, так и военных» [9].

В то же время повышенный интерес западных авторов вызывал вопрос о возможности практического использования Северного морского пути (в терминологии зарубежных авторов – «Северо-восточного прохода»). Анализируя результаты многочисленных арктических экспедиций, Дж. Мелвилль отвечал на этот вопрос утвердительно, рассматривая, впрочем, сугубо техническую сторону дела и не затрагивая военный или экономический аспекты. Сотрудник географической службы Германии И. Герман был настроен менее оптимистично. Признавая определенные успехи российских исследовательских экспедиций, он отмечал, что участок от Карского моря до Берингова пролива оставался почти не изученным, а в отсутствие регулярной навигации паровых судов и отсутствия развитой инфраструктуры практическое значение Северного морского пути было не велико» [10].

В первые десятилетия XX в. по мере роста активности европейских держав в Арктике все чаще обсуждался вопрос о статусе территорий, которые ранее считались «ничьей землей» (например, Шпицберген или о. Медвежий), и даже тех участков Арктики, которые Россия неизменно считала своими владениями (в частности, предметом таким споров в 1910 г. стала Новая Земля) [11, р.12]. По мнению Дж.Б. Скотта, высказанному на страницах «Американского журнала международного права» в 1909 г., все это вело к более серьезным политическим противоречиям и столкновениям интересов различных государств в Арктической зоне [12]. Следует заметить, что во избежание таких конфликтов канадский сенатор П. Пуарье еще в 1907 г. предлагал разделить Арктику на сектора, прилегающие к северным границам Норвегии, Швеции, России, США и Канады.

Одним из способов подтверждения прав на арктические территории являлась организация экспедиционных исследований. Описанию арктических экспедиций конца XIX – начала XX в. были посвящены работы известных полярных исследователей Р. Бартлетта, В. Стефансона, Н.А. Транзе [13–16]. Во второй половине XX в. данная тема затрагивалась в серии публикаций Х. Абея и У. Барра [17–21]. История освоения Северного морского пути освещалась в известных монографиях К. Криптона (Г.К. Молодцова), Т. Армстронга, У. Батлера [22–24].

Комплексному изучению проблем, связанных с освоением Арктики, должны были способствовать специализированные научные центры, созданные на Западе в XX в. В 1920 г. в Кембридже был основан Институт полярных исследований им. Р.Ф. Скотта – старейший университетский центр международных полярных исследований. В 1930-х гг. этот институт послужил базой для организации научных экспедиций

в полярных широтах, в годы Второй мировой войны он помогал правительству проводить исследования, связанные с созданием оружия, одежды и оборудования, необходимых для ведения войны в холодном климате. Сотрудники института (в их числе – известный историк-сибиревед Т. Армстронг) изучали широкий круг общественно-политических, социально-экономических, естественнонаучных проблем, связанных с жизнью в полярных широтах. В 1960-х гг. при институте начала действовать Шеклтонская мемориальная библиотека, фонды которой представляют большой интерес для специалистов, занимающихся арктической проблематикой.

В 1945 г. американские и канадские специалисты учредили Арктический институт Северной Америки, с отделениями в Нью-Йорке и Монреале. С 1947 г. в Арктическом институте началась работа по составлению «Арктической библиографии» (Arctic bibliography), предназначавшейся для Министерства обороны США и ставшей ценным справочником для исследователей. С 1947 по 1975 г. вышло 16 томов «Арктической библиографии», включающей сведения о публикациях как советских, так и зарубежных исследователей [25]. С 1948 г. Институт также публиковал журнал «Арктика», до 1951 г. выходивший трижды в год, а затем – ежеквартально. С 1975 г. Арктический институт является подразделением Университета Калгари.

По мнению С.И. Бояковой, с конца 1980-х гг. начался новый этап в изучении полярной проблематики, обусловленный демилитаризацией Арктики, открытием Северного морского пути для свободного плавания, расширением международного сотрудничества и интеграционных процессов [1]. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились новые исследовательские структуры, ориентированные на изучение Арктики. В Германии с 1999 г. проведением исследований по арктической проблематике занимается Институт социальной антропологии в г. Галле (Халле), где действует Центр сибирских исследований («Сибирская группа»). Сотрудники Центра занимаются изучением проблем коренных малочисленных народов Крайнего Севера, в целом – социокультурных трансформаций в Западной Сибири, Якутии, Эвенкии, на Чукотке и Камчатке.

В Австрии в 1997 г. группа исследователей, изучающих культурную антропологию и интересующихся проблемами Крайнего Севера, основала ассоциацию «Арктика и Субарктика». Целью ее деятельности является проведение конференций и публикация исследований, посвященных Арктике, прежде всего по проблемам экономики, экологии, социального развития и проблем этничности.

В конце XX – начале XXI вв. проблемы российского Крайнего Севера оказались в сфере внимания сотрудников Центра арктических исследований Смитсоновского института (США). С 2001 г. Центр издает серию «Contributions to Circumpolar Anthropology», где, среди прочего публиковались исследования, посвященные Джесуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции 1897–1902 гг. [26, 27].

В 1990-х – начале 2000-х гг. вышли в свет работы П. Хоренсмы, Дж. Маккэннона, Д. Дальманна, в которых, в частности, анализировалась арктическая политика Российской империи в дореволюционный период [11, 28, 29]. Рассматривая историю попыток проложить судоходный морской путь в Заполярье во второй половине XIX в., Д. Дальманн отметил заслуги многих коммерсантов (Й. Лида, М.К. Сидорова, А.М. Сибирякова, Л. Кнопа) и мореплавателей (Дж. Уггинс, А. Норденшельда, Э. Дальманна). Историк пришел к выводу, что «русские эти инициативы воспринимали со смешанным чувством», видя в них, с одной стороны, шанс установить прямые торговые связи Сибири с Западной Европой, с другой – угрозу серьезной экономической конкуренции. С немалыми затратами был связан и военный контроль над арктическими территориями, поэтому «вопрос о Северном морском пути для петербургского правительства не являлся делом первоочередной важности».

На рубеже XIX – XX вв. ситуация начала меняться, что показал в своей монографии «Советская Арктика» Пиер Хоренсма – сотрудник Института Восточной Европы в Университете Амстердама. Обратившись к арктической проблематике по совету и при поддержке Р. Воона и Т. Армстронга, П. Хоренсма определил целью своего исследования выявление преемственности между арктической политикой Российской империи и СССР. По его мнению, основные принципы этой политики были выработаны уже в 1897–1917 гг.

Характеризуя международную обстановку, сложившуюся в Арктике на рубеже веков, исследователь напомнил, что такие страны, как Норвегия, Швеция, Великобритания, США и Германия, все чаще направляли экспедиции на север, изучая возможности для рыболовства в Баренцевом море, угледобычи на Шпицбергене и возобновления китобойного промысла. В таких условиях Россия была вынуждена проводить в регионе более агрессивную политику. В силу растущих масштабов полярных исследований правительство встало перед дилеммой – либо предпринять активные действия, либо уступить эти земли другим странам. Таким образом, руководствуясь стратегическими соображениями, Россия оказалась заинтересована в использовании экономического потенциала Крайнего Севера. [11, р. 6–7].

Особое внимание в работах англо- и германоязычных исследователей уделялось проблемам взаимоотношений русских с коренными народами Крайнего Севера. Несмотря на собранный европейскими исследователями XVII–XIX вв. богатый этнографический материал, история взаимоотношений коренного и пришлого населения Арктики не получила в их работах обстоятельного освещения, что во многом было обусловлено политикой царского правительства, препятствовавшего распространению сведений о фактическом положении дел в Сибири и Русской Америке.

Американский историк Ф.А. Голдер первым из западных историков подверг комплексному анализу

проблему русско-аборигенных отношений в контексте изучения правительственной политики в Сибири. Особое внимание он уделил истории покорения Чукотки и Камчатки. Сущность процесса колонизации северо-восточных территорий, в его представлении, проявилась в бесчинствах промышленников и приказчиков, ограблении местного населения, истреблении пушного зверя, что, в свою очередь, вызывало упорное сопротивление аборигенов.

Несмотря на то, что Ф.А. Голдер писал о более раннем периоде истории «русской восточной экспансии», его концепцию усвоили многие западные исследователи-сибиреведы [30]. Так, в русле концепции Ф.А. Голдера следовал известный британский журналист и советолог В. Коларц, указывавший на агрессивный, военный характер русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, на сходство методов русских и западноевропейских «колонизаторов» [31].

Т. Армстронг призывал различать достаточно взвешенную политику правительства и действия местных властей. Он отмечал, что русские редко вмешивались в дела инородцев, отношение к ним со стороны правительства было достаточно либеральным, хотя поведение некоторых чиновников отличалось бессмысленной жестокостью [23].

Швейцарский историк А. Каппелер также признал определенную гибкость национальной политики самодержавия в отношении «кочевников, охотников и собирателей» Севера, но полагал, что азиатские области России без каких-либо оговорок могут быть характеризованы как колонии [32].

Данный вывод поддержал американский историк Ю. Слезкин – автор монографии «Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера». Предметом его исследования стала история взаимоотношений пришлого и коренного населения Крайнего Севера, а также изучение взаимосвязи между правительственной политикой в регионе и общественными настроениями в ту или иную эпоху. Историк пришел к выводу, что несмотря на реформу М.М. Сперанского, который, по словам Ю. Слезкина, создал в Сибири систему управления, более эффективную, чем в губерниях Европейской России, в течение всего XIX в. территорию Крайнего Севера в наименьшей степени затронули правительственные проекты, направленные на «модернизацию, колонизацию и экспансию» в Северной Азии [33].

В отличие от Ю. Слезкина, изучавшего представления русских «о человеческой и национальной (в том числе собственной) идентичности», современные западные антропологи и этнографы интересуются в первую очередь жизнью и мировосприятием самих аборигенов. При этом, по словам П. Верта, они «полны решимости выработать практику этнографических исследований, свободную от отпечатков колониализма, стоявшего у истоков этой научной дисциплины» [33].

Изучению последствий такого «колониализма», а также выяснению роли этнографической науки в выработке государственной политики в отношении

аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока, посвящена монография канадского антрополога Д. Андерсона. Затрагивая проблему взаимосвязей между различными традициями этнографической мысли и интересами империй и национальных государств, Д. Андерсон пришел к выводу, что этнография часто использовалась в качестве «первичного инструмента социальной власти». Результатом применения данного инструмента становилось «официальное установление» этнической принадлежности, формирование чувства «сопричастности» к определенной народности, «ранжирование» этносов и т. п. [34].

На примере изучения прошлого и настоящего народов, проживающих в низовьях Енисея (в их числе – ненцы, долганы, энцы, эвенки и др.), исследователь попытался опровергнуть главное предположение русской «государственной» этнографии о том, что у каждого индивида должна быть определенная этническая принадлежность. Так, начиная с 1835 г. в правительственных и научных кругах развернулась дискуссия по вопросу – как следует классифицировать «долган». По мнению А.Ф. Миддендорфа и М.А. Кастрена, это было одно из якутских племен, хотя многие ученые относили долган, скорее, к тунгусам. В итоге их не удавалось вписать в классификацию инородцев, установленную М.М. Сперанским.

По мнению Д. Андерсона, ранжирование народностей служило не только целям более качественного управления или удовлетворения научного интереса. Главными были цели русского заселения и колонизации. Описание технологий аборигенов, социальной организации и торговых связей показывало, какие территории были пригодны для земледелия или скотоводства или же богаты золотоносными жилами.

В начале XX в., не отказываясь от привычных попыток «ранжирования» инородцев, ученые обратились к государству с патерналистским призывом всячески оберегать своих подданных. Описывая стоическое преодоление коренным населением многочисленных трудностей на фоне безразличия со стороны коррумпированного чиновничества, исследователи давали понять, что эти «исчезающие народы» заслуживают изучения и защиты, поскольку не в состоянии самостоятельно о себе позаботиться.

Следует заметить, что предложенный Д. Андерсоном подход к оценке истории этнографических исследований коренных народов Севера вызвал острую дискуссию, начало которой положило выступление известного этнографа Е.А. Хелимского на конференции, посвященной проблемам Арктики и состоявшейся в Вене в июне 2000 г.

Таким образом, англо- и германоязычные исследователи, обращавшиеся к истории освоения российской Арктической зоны в дореволюционный период, анализировали преимущественно геостратегическое положение региона; принципы российской государственной политики в Арктике; проблемы хозяйственного освоения и развития транспортной системы. Для

зарубежных авторов было характерно представление о ведущей роли государства в освоении Арктической зоны в рассматриваемый период, о начале формирования принципов «патерналистской» политики в отношении аборигенного населения. При этом современным исследователям темы, отмечающим преимущественно негативные последствия такой политики, присуще стремление отказаться от «рускоцентричного» подхода и рассматривать историю коренных народов Крайнего Севера с позиций самих этих народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боякова С.И. Освоение Арктики и народы Северо-Востока Азии: XIX – 30-е годы XX вв.: автореф. дис. ... д-ра ист.наук. Якутск, 2004.
2. Schwatka F. The Next Polar Expedition // *The North American Review*. 1889. Vol. 148, N. 387 (Feb.). P. 151–160.
3. Melville G.W. The Baltic Fleet and the Northeast Passage // *The North American Review*. 1904. Vol. 179, N. 573 (Aug.). P. 161–167.
4. Hrdlicka A. Recent Explorations in Siberia // *Science*. New Series. 1913. Vol. 37, N. 940 (Jan. 3). P. 13–14.
5. Mason M'Carty W.F. Russia's Plans and Purposes // *The North American Review*. 1904. Vol. 164, N. 486 (May). P. 585–591.
6. Hourwich I.A. The Economic Condition of Russia // *Journal of Political Economy*. 1904. Vol. 12, N. 4 (Sep.). P. 555–563.
7. Boulger D.C. Antagonism of England and Russia // *The North American Review*. 1900. Vol. 170, N. 523 (Jun.). P. 884–896.
8. Conant Ch. C. Russia as a World Power // *The North American Review*. 1899. Vol. 168, N. 507 (Feb.). P. 178–190.
9. Ramage B.J. The Hegemony of Russia // *The Sewanee Review*. 1899. Vol. 7, N. 3 (Jul.). P. 303–322.
10. The North East Passage // *Bulletin of the American Geographical Society*. 1906. Vol. 38, N. 1. P. 25–27.
11. Horensma P. The Soviet Arctic. L.; N.Y., 1991.
12. Scott J.B. Arctic Exploration and International Law // *The American Journal of International Law*. 1909. Vol. 3, N. 4 (Oct.). P. 928–941.
13. Bartlett R.A. The Log of Bab Bartlett: the true Story of Forty Years of Seafaring and Exploration. N.Y., L., 1928.
14. Bartlett, R.A., Hale R.T. The Last Voyage of the Karluk. Boston, 1916.
15. Stefansson V. The Adventure of Wrangel Island. N.Y., 1925.
16. Transehe N.A. The Siberian Sea Road: the Work of the Russian Hydrographical Expedition to the Arctic, 1910–1915 // *Geographical Review*. Vol. 15. P. 367–398.
17. Abel H., Jessen H. Kein Weg durch das Packeis / Anfänge der deutschen Polarforschung (1868–1889). Bremen, 1954.
18. Abel H. «Commerzielle Pionierfahren» zur westsibirischen Eismeerküste (1876 bis 1884) // *Schriften der Wittheit zu Bremen*. Bd. XXII. Bremen, 1978.
19. Barr W. (1972): The voyages of Taymyr end Vaygach to Ostrov Vrangelya, 1910–1915 // *Polar Record* 16 (101). 1972. P. 213–234.
20. Barr W. Rusanov, Gerkules and the Northern Sea Route // *Canadian Slavonic Papers*. 1974. Vol. 26 (4). P. 569–611.
21. Barr W. A Tsarist Attempt at Opening the Northern Sea Route: The Arctic Ocean Hydrographie Expedition, 1910–1915 // *Polarforschung*, 1975. Vol. 1. P. 51–64.
22. Armstrong T. The Northern Sea Route. Cambridge, 1952.
23. Krypton C. The Northern Sea Route and the Economy of the Soviet North. London: Methuen, 1956.
24. Butler W.E. Northeast Arctic Passage. Alphen aan den Rijn: Sijthoff & Noordhoff, 1978.
25. Arctic Bibliography. Prepared for and in cooperation with the Department of Defense under the direction of the Arctic Institute of North America. Vol. I–XI. Washington, D.C.: Department of Defense, 1953–

1963; Vol. XII–XVII. Prepared by the Arctic Institute of North America with support of Government Agencies of the United States and Canada. McGill–Queen's University Press, 1965–1976.

26. Contributions to Circumpolar Anthropology. N. 1: Gateways: Exploring the Legacy of the Jesup North Pacific Expedition, 1897–1902. / Ed. by I. Krupnik, W.W. Fitzhugh. Washington D.C.: ASC, 2001.

27. Contributions to Circumpolar Anthropology. N. 4: Constructing Cultures Then and Now: Celebrating Franz Boas and the Jesup North Pacific Expedition / Ed. by L. Kendall, I. Krupnik. Washington D.C.: ASC 2003.

28. McCannon J. Red Arctic: Polar Exploration and the Myth of the North in the Soviet Union 1932–1939. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1998.

29. Дальманн Д. Торговое судоходство за Полярным кругом во второй половине XIX века// Отечественная история. 2001. № 5. С. 21–32.

30. Golder F. Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914.

31. Kolarz W. The Peoples of the Soviet Far East. N.Y.: Frederick A. Pridger, 1954.

32. Armstrong T. Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965

33. Каннелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000.

34. Slezkine Y. Russia and Small Peoples of the North: Arctic Mirrors. Ithaca. L., 1994.

35. Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: The Number One Reindeer Brigade. Oxford, 2000.

Статья поступила
в редакцию 01.09.2014

УДК 94(98)

В.А. ЛАМИН¹, Я.А. КУЗНЕЦОВА²

ДОРОГИ ЖИЗНИ В ЧЕЛЮСТЯХ ХОЛОДА

¹чл.-кор. РАН,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lamin@history.nsc.ru
²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: scriptor@history.nsc.ru

В статье анализируются две противостоящие позиции в оценке экономического потенциала Севера и перспектив его хозяйственной реализации, сформировавшиеся в среде политической элиты – столичной и сибирской предпринимательской общественности конца XIX – начала XX вв. Этот период характеризовался не только внутренними коренными изменениями в стране, разрушением устоев Российской империи и установлением советской власти, но и тяжелой внешнеполитической обстановкой – Русско-японской и Первой мировой войнами.

На основе изучения идей, инициатив, замыслов и начинаний в сфере освоения и развития арктических территорий России показана бездейственность, дистанцированность правительства от проблем Севера, которая объяснялась не только отсутствием средств и возможностей, экстремальными климатическими условиями, но и неадекватностью государственных деятелей и политиков. На протяжении большей части XIX в. российский Север находился под печатью хозяйственного забвения. Механизм сопротивления его освоению действовал на всей территории страны. Местная администрация, находившаяся на столичном попечении, поддерживала данную политику, всячески препятствуя попыткам и инициативам сибирских предпринимателей и общественных деятелей, готовых инвестировать свои миллионные состояния в проекты транспортного и экономического развития Севера. Важное значение в проектах придавалось развитию сети железнодорожных коммуникаций, предлагавшиеся к постройке линии которых направлялись к Мурманскому побережью – будущему океанскому порту, который открывал России выход на трансокеанские торговые коммуникации. Однако частных средств было недостаточно для столь масштабного освоения северных территорий.

В 1920-е гг. с установлением советской власти и концентрацией всех финансовых ресурсов страны появилась реальная возможность для осуществления проектов строительства железных дорог и морских портов не только на Мурманском побережье, но и на Дальнем Востоке и т.д.

Ключевые слова: проекты, дискуссия, освоение Севера, Россия, железнодорожное строительство, концессионная политика.

Будущность арктических пространств России очень долгое время находится под воздействием двух противоборствующих позиций в оценке экономического значения северных территорий страны.

Первая, по историческому возрасту и, главное, по глубине и фундаментальности, разработка принадлежит академику М.В. Ломоносову. В его научных трудах обстоятельно и всесторонне прописаны ответы на

вопросы будущности северных территорий России – от возможных богатств их земных недр и судоходства в ледовитых морях до жизнеустройства людей на полуночных землях и условий, обеспечивающих прибыльность северного предпринимательства.

Суть другой противостоящей и, нередко определяющей, командной и решающей совокупности взглядов на будущность Севера образно, доходчиво и безапелляционно сформировал архангельский вице-губернатор А.Я. Софронов. Спустя 100 лет после деяний М.В. Ломоносова высокопоставленный чиновник в докладе на заседании II Отделения Вольного экономического общества, в частности, говорил: «Я сам был в Коле, посещал Мурманский берег, ходил по этим пунктам на оленях и по рекам, положительно, изучил его во всех видах, и скажу только то, что там борьба с природой едва ли выносима для человека. Желать развития торговли, промышленности какой бы то ни было, в особенности увеличения населения – значит желать невозможного, потому что население движется туда, где благоприятствует ему почва и климат, но кто пойдет на Север, в челюсти полюса?» [1, с. 22]

«Ученый» доклад архангельского администратора являлся своего рода оправданием почти вековой угасающей деятельности России на Севере, проекцией ее на будущее и ответом, все более энергичным во второй половине XIX в., инициаторам хозяйственного движения на Север. Главной фигурой в когорте так называемых патриотов отечественного Севера являлся феноменально удачливый сибирский золотопромышленник – миллионщик М.К. Сидоров, которого его единомышленники именовали «новым Ломоносовым». А региональные администраторы и некоторые весьма влиятельные чины – «сумасшедшим», поскольку он свои капиталы вкладывал в Север, заведомо самой естественной природой обреченный на безлюдье и хозяйственное забвение. В частности, генерал-адъютант Н.В. Зиновьев, воспитатель цесаревича, в разговоре с М.К. Сидоровым прямолинейно заявлял: «...на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно и никакие другие промыслы немыслимы, то, по-моему мнению и моих приятелей, необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства, а вы хлопчите наоборот, и объясняете о каком-то Гольфштреме, которого на Севере быть не может. Такие идеи могут приводить только помешанные» [1, с. 29].

Несмотря на такую смертельную диагностику хозяйственности будущности Севера, число «помешанных» на несбыточных фантазиях его экономической перспективы не убывало. Наоборот, прирастало. Особенно заметный всплеск критики правительственной позиции «ничегонеделания» на Севере произошел после того, как стало известно о келейно подготовленной и столь же негласно совершившейся продаже Аляски Соединенным Штатам Америки. Масло в пламя этой патриотической критики подливало само правительство, распорядившееся демонтировать пирсы Архангельского порта и продать их шведам на дрова. В правительственных кругах вызревало также намерение

отдать значительную часть беломорского и баренцево-морского побережья шведскому капиталу, столь же сочувственное отношение проявлялось к ходатайству финского сената и передаче Финляндии западного Мурман с Печенгенским заливом. Кроме того, английские, германские, голландские и австрийские экспедиции самочинно, без какого-либо обращения к русской администрации и даже без оповещения ее действовали на Новой Земле и других островах. Благо, что патриоты отечественного Севера в меру своих сил и возможностей, всеми способами старались воспрепятствовать этой раздаче российских владений на Севере. И одновременно загружали правительственные инстанции собственными инициативами, проектами и ходатайствами по поводу их разрешения.

Одним из наиболее значимых объектов, о котором творцы северных идей и проектов хлопотали особенно настоятельно, являлось Мурманское побережье с его незамерзающими бухтами. В случае сооружения в этих бухтах морского порта и военно-морской базы для России открывался выход на трансокеанские торговые коммуникации. Главное достоинство предполагаемого порта состояло в том, что выход из него в Мировой океан, в отличие от черноморской и балтийской трасс, находился за пределами возможности блокады во время любой войны в Европе. Сооружение океанского порта на Мурмане естественным образом обязывало к необходимости строительства железной дороги к нему, без которой терялись все его достоинства. В итоге получалось, что расходы на сооружение всего комплекса обойдутся в сумму, неподъемную для частновладельческого капитала. Поэтому инициаторы проекта однозначно считали, что только государственная казна в состоянии реализовать их замысел общегосударственного значения.

Большие надежды на этот счет возлагались на министра финансов С.Ю. Витте, слывшего деятелем прогрессивным, мыслившего категориями государственного масштаба. Один из наиболее активных инициаторов Мурманского проекта М.И. Кази – «флота отставной капитан-лейтенант», неоднократно обращался к С.Ю. Витте с предложением посетить Мурманское побережье, чтобы лично убедиться во всех отношениях исключительно благоприятных природных условиях для создания океанского порта и использования большого числа бухт, удобных для военно-морских гаваней. С.Ю. Витте не отказывался, но ссылаясь на чрезвычайную занятость и отсутствие средств в бюджете аппарата министерства на такую экспедицию.

Поездка состоялась в июне – июле 1894 г., когда «Архангельско-Мурманское пароходство», президентом которого являлся М.И. Кази, гарантировало взять на свой счет расходы, необходимые для обеспечения служебного путешествия министра финансов и сопровождавших его специалистов [2, с. 31, 32].

Ознакомление с Мурманским побережьем произвело на С.Ю. Витте и столичных специалистов благоприятное впечатление. Министр пообещал изыскать некоторые средства, необходимые для предпроектных

изысканий, и в случае их положительного результата – для начала строительства портовых объектов. По вопросу о соединении будущего океанского порта с действующей сетью железнодорожных линий тоже много говорилось в положительном плане. Однако надеяться на скорое исполнение этого замысла не приходилось, поскольку развернувшееся двумя годами раньше сооружение «Великого железнодорожного пути через всю Сибирь» состояло в ранге главного, небывало дорогостоящего, но совершенно необходимого проекта для утверждения позиций России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. К тому же С.Ю. Витте был одним из энергичных идеологов российской экономической гегемонии в Восточной Азии.

Важность постройки железнодорожной линии на Мурман не отрицалась, поскольку без нее будущий незамерзающий порт был бы обречен на судьбу пристани и довольствовался бы объемами грузооборота местного масштаба. Но реальная возможность начала постройки, примерно 1000-верстной, железной дороги на Север отодвигалась на неопределенное время.

Однако такое время наступило быстрее, чем происходило замедленное движение правительственной машины, надолго тормозившей претворение в жизнь какой-либо новой технико-экономической проблемы. Пионерные попытки подвинуть ее к разрешению мурманского железнодорожного вопроса были предприняты одним из участников экспедиции 1894 г. А.А. Борисовым, с которым С.Ю. Витте много беседовал как с природным северянином, обсуждая различные стороны быта и хозяйствования на Севере [2, с. 34].

Служение развитию Севера стало второй, параллельной художественному творчеству, программой жизни А.А. Борисова. Так в 1904 г. он обратился в Морское ведомство с запиской, в которой предлагал эскадру, формировавшуюся для разгрома вероломной Японии, тайно направить по трассе Северного морского пути. По его представлениям русский флот, неожиданно явившись с севера, мог бы разгромить и блокировать все японские порты и принудить Японию и ее флот к капитуляции.

Начиная примерно с 1908 г., он с возрастающей энергией бомбардировал правительственные инстанции указаниями на необходимость сооружения Мурманской дороги, подчеркивая, что дальнейшее промедление с ее постройкой ввиду военных приготовлений в Европе грозит России катастрофой государственного масштаба. Или, как минимум, тотальной блокадой транспортных коммуникаций с возможными западно-европейскими союзниками. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война воочию показала, что горькие пророчества, кажущиеся подчас фантастическими, имеют свойство сбываться. (В России такое происходит намного чаще, чем в ряде европейских стран.) Железную дорогу на Мурман пришлось строить в срочном, пожарном, мобилизационном порядке, в условиях войны, по временной схеме, облегченным нормам технического проектирования. Иначе говоря, на скорую руку, чтобы обеспечить какую ни на есть военно-транспортную

связь с западными союзниками. Между прочим сходная ситуация возникла и на Дальнем Востоке, где часть Сибирской железнодорожной линии была по настоянию С.Ю. Витте построена по территории Китая.

Принципиально важным уроком, извлеченным А.А. Борисовым из 20-летнего ожидания практического разрешения железнодорожного вопроса Мурманского порта, стала его убежденность в необходимости заблаговременной разработки программы железнодорожного строительства. И в первую очередь, такая необходимость диктовалась условиями Севера, странства которого без какого-либо преувеличения представляли собой «транспортную пустыню» в подлинном значении этого термина. В 1916 г. такая программа для Севера была с участием приглашенных специалистов разработана и в ноябре того же года представлена на рассмотрение Межведомственного совещания по выработке плана железнодорожного строительства в Российской империи на 1917–1922 гг.

Предложенная А.А. Борисовым программа предусматривала три направления формирования железнодорожных линий: Обь–Котлас–Сорока–Мурман; Котлас–Вельск–Коноша–Петроград и Котлас–Великий Устюг–Кострома [2, с. 122]. Первое из названных направлений представлялось одновременно и первоочередным, поскольку открывало возможность для движения грузов из Сибири к незамерзающему Мурманскому океанскому порту. К тому же А.А. Борисов еще в 1915 г. на собственные средства организовал на этой трассе предпроектные изыскания. Межведомственное совещание изучило предложения Борисова, оценило в принципе положительно, но в рекомендации для включения в пятилетний план отказало. Спустя год совершилась Октябрьская социалистическая революция.

Ложка меда одобрительной оценки Межведомственным совещанием доклада А. Борисова, конечно, не могла нейтрализовать горечь фактического отказа от железнодорожного движения на Север. Справедливо говоря, отказное решение этого совещания основывалось на извечной российской причине – недостатка средств и прочих реальных возможностей для устойчивого движения по пути набиравшего скорость технико-экономического прогресса. Например, значительная часть рельсошпальной решетки Транссиба – «станового хребта» Российской империи – монтировалась на старомодном рельсопрокате или закупленном в Англии. На действующей железнодорожной сети не хватало локомотивов, вагонов, современных средств организации движения и т.п. Начавшаяся война многократно умножила проблемы материально-технического дефицита. Конца войне не было видно. И даже в случае ее победоносного завершения приходилось принимать во внимание необходимость значительных затрат на восстановительные мероприятия, в том числе на железнодорожном транспорте. Поэтому выработанные Межведомственным совещанием рекомендации в области нового железнодорожного строительства носили ограничительный, лимитированный характер.

Совещание рекомендовало не препятствовать частному капиталу в железнодорожном строительстве на Севере, но исключительно за собственный счет, без каких-либо вливаний из государственной казны.

Художник А.А. Борисов был человек состоятельный, но фабриками и заводами, дворцами и пароходами и другими капиталами, сопоставимыми со стоимостью строительства предлагавшейся им системы железнодорожных линий на Север, не владел. Вероятность консолидации отечественного капитала на проблемах оснащения Севера железными дорогами представлялась ничтожной. Так, сибирское предпринимательское сообщество бредило желанием прямого выхода своих товаров на рынок западноевропейских стран. Однако от затрат на освоение Северного морского пути, за малым исключением, всеми способами самоустраивалось.

Сопредставители горевали и возмущались тем, что центральный российский торговый капитал, расположившийся у ворот транспортного выхода из Сибири, бессовестно наживается на сибирском товаропроизводителе. Чтобы освободиться от этой гнетущей зависимости, инициировались проекты создания на побережье к западу от Урала океанского порта с железнодорожной привязкой его к Обь-Иртышскому грузообразующему пространству и в перспективе с Транссибом. Однако когда речь заходила о реальном финансировании такого рода инициатив, пламенные порывы к торгово-транспортной самостоятельности моментально угасали.

Межведомственное совещание по выработке плана железнодорожного строительства не располагало директивными полномочиями. Это была площадка для экспертной оценки и согласования ведомственных позиций, прямо или опосредованно связанных с разрешением проблем формирования системы транспортных сообщений. Поэтому работа над северными проектами, отодвинутыми Совещанием на неопределенную перспективу, продолжилась. И с удвоенной энергией в расчете на положительное разрешение в последующих инстанциях. Деловой хватки, энергии, пробивной силы, обширных связей с сильными мира сего, и не только отечественными, но и зарубежными А.А. Борисову было не занимать. Доработка железнодорожных начинаний проводилась по трем принципиальным позициям.

Первая касалась обоснования развития линии Котлас–Обь на восток, за Енисей, до Якутска с последующим разветвлением ее на Чукотку, Камчатку, портопунктам на трассе Северного морского пути, на Охотском побережье и к удобным бухтам побережья к югу от устья Амура.

Вторая часть доработки сосредоточивалась на расчетах объемов и структуры грузопотоков на различных участках генерального направления линии и весьма протяженных ответвлениях. Предполагалось, что на начальном этапе эксплуатации будет преобладать продукция лесодобычи с последующим, быстро нарастающим объемом и широким спектром продук-

ции промышленной эксплуатации многообразных природных ресурсов.

Третья часть технико-экономического обоснования указывала на необходимость комплексного подхода к формированию системы транспортных коммуникаций на Севере. В конструкцию этой системы весьма смело по тому времени включались автомобильные и авиационные сообщения. Значительное внимание уделялось пароходному сообщению по рекам и, конечно, морскому торговому судоходству, преимущественно на экспортных направлениях.

Примерно через год после Межведомственного совещания 1916 г. новый вариант проекта был в основном завершен, и, в принципе, что имело исключительно важное значение, определился источник финансирования для его реализации. Представлялось, что наиболее подходящим инвестором может стать иностранный капитал, работавший в России на началах концессии.

На людей, пришедших к власти в России в 1917 г. в результате Октябрьской социалистической революции, А.А. Борисов возлагал большие надежды. В июне 1918 г. он обращался к председателю Совнаркома В.И. Ленину с просьбой о личном приеме. Объясняя причины необходимости личного разговора, А.А. Борисов писал: «Обстоятельства переживаемого времени, стратегические и экономические условия, крайняя необходимость использовать лесные богатства Севера заставляют меня срочно приступить к исполнению дела, давно задуманного мною, как уроженца и местного деятеля Севера. Эксплуатация северных лесов требует соединения в одном предприятии трех промышленных задач: доставка леса по рекам к железной дороге, перевозка его по железной дороге к портам и внутренним рынкам и, наконец, экспорт леса из приморских портов в иностранные порты».

Незамедлительной встречи не произошло. Однако концессионная заявка, адресованная председателю Совнаркома, была принята на условиях предварительного изучения.

Предварительное рассмотрение концессионного заявления происходило в параллельно работавших концессионной Комиссии СНК и образованной под председательством Г. Ломова Комиссии ВСНХ.

Комиссии сработали оперативно и пришли к одинаковым заключениям о категорической неприемлемости концессии. Прежде всего, потому, что заявители концессии рассчитывали на исключительно продолжительные сроки существования концессии. Они выговаривали себе право в течение 99 лет, считая с момента начала строительства Великого Северного пути (ВСП)¹, разрабатывать и использовать все виды природных ресурсов в 14-километровой полосе концессионного земельного отвода по обеим сторонам железной дороги. По истечении этого срока концессионное предприятие безвозмездно переходило в соб-

¹ Такое звучное название закрепилось за проектом после Межведомственного совещания в 1916 г.

ственность государства. Возможность выкупа государством концессионного хозяйства ранее оговоренного срока исключалась.

По единодушному мнению членов обеих комиссий, почти вековая и, в сущности, бесконтрольная деятельность иностранного капитала на территории социалистического государства представлялась недопустимой². Эксперты обратили также внимание на недостаточно полное и ясное освещение вопросов реального финансирования железнодорожного проекта, грандиозного не только по своему будущему значению, но и по фактическим затратам на его осуществление. Они могли превысить строительную стоимость Транссиба, которая первоначальной сметой определялась в 900 млн золотых рублей, а по факту составила почти на 300 млн руб. больше. Вопрос, где будущие концессионеры возьмут такие капиталы, с горем пополам освоенные казной Российской империи, являлся совершенно естественным. Правда, и формула ответа на него была достаточно отработана. В частности, в обсуждавшейся в правительстве в начале XX в. концессионной заявке франко-американского синдиката, хлопотавшего о концессии на постройку Сибире-Аляскинской железнодорожной магистрали. Ее инициаторы предполагали делать деньги на постройке железной дороги и извлекать прибыль из промышленного освоения природных ресурсов в полосе концессионного земельного отвода. По аналогичной схеме планировали организовать денежные потоки в постройку железной дороги и в собственную прибыль заявители испрашиваемой концессии на сооружение ВСП.

Переработанный пакет концессионных документов А.А. Борисов представил в правительство Советской России в июле 1918 г. В новом варианте проекта концессионного договора заявители уменьшили продолжительность концессии до 25 лет, по истечении которых у государства открывалось право выкупа предприятия с частичным возмещением затрат концессионного капитала. Более адресно определялся источник стартового капитала. Им должен был стать норвежский банкирский дом Ганневигов, глава которого Э. Ганнеvig, через своего представителя Г. Кране, заявлял о своем непосредственном участии в концессии. В доработанной документации значительно подробнее прописывался механизм финансового обеспечения строительства первой очереди сооружения ВСП, железнодорожной линии от Котласа до низовьев Обь-Иртышского речного бассейна. Здесь главная ставка делалась на интенсивную лесодобычу и столь же масштабную промышленную переработку и экспорт ее продукции на рынок западноевропейских стран. Концессионеры надеялись получить право на разработку 8 млн дес. лесных угодий. По их расчетам, на этих площадях открывалась возможность ежегодно заготавливать одних только пиломатериалов до 500 тыс. стандартов на экспорт, что обеспечивало доход не менее 300 млн руб. К этим доходам прибавлялись

бы столь же максимально оптимистические от добычи и переработки ухтинской нефти и от интенсивного, организованного по последнему слову прогресса сельскохозяйственного производства. Получалось, что столь солидные активы позволят очень скоро продолжить железнодорожную линию за Енисей, через районы золотодобычи и весьма перспективные на предмет алмазности. Расчет концессионеров на алмазные копи основывался на научной гипотезе, высказанной выдающимся английским геологом Р. Мургионом еще в середине XIX в. Его предположение о вероятности существования к востоку от Енисея кимберлитовых трубок вполне подтвердилось 100 лет спустя. Сибирская алмазодобыча, на колоссальные доходы от которой А.А. Борисов намеревался обустроить Север железнодорожными сообщениями, стала реальностью более 50 лет назад, а конечная цель его проекта – ВСП – по-прежнему остается сказочной мечтой.

В отличие от первого заявления, ответ на новый исправленный и дополненный вариант ВСП и проект концессионного договора пришлось ждать долго. Позднее в аппарате правительства извинительно объяснили, что в семимесячной задержке рассмотрения договора виноваты интервенты-англичане, высадившиеся в Архангельске. И все же, кроме проблем ликвидации английского десанта, имели место и другие обстоятельства. Главное из них состояло в том, что в целом одобрительная реакция на содержательную сторону ВСП осложнялась разновекторными взглядами на пользу и вред иностранных концессий для социалистического строительства.

Выразители категорического «недопущения» иностранных концессий в советском государстве, по видимому, еще находились под сильным воздействием эйфории всего лишь два года назад совершившейся социалистической революции. Они, образно говоря, еще не остыли от революционного накала. Из этого их состояния проистекала непримиримость с капиталистическим окружением и бескомпромиссная готовность к борьбе за чистоту коммунистической идеи. Другие члены обоих концесскомов не усматривали катастрофических последствий для советского государства от положительного решения по испрашиваемой концессии на ВСП и в целом вполне вероятных в будущем подобных предложений иностранного капитала. Острого противостояния при обсуждении – быть или не быть иностранным концессиям в советской России – не наблюдалось. Однако интрига взаимоисключающих позиций существовала, и ее надо было разрешать.

Во второй половине января 1919 г. В.И. Ленин с подобранной по его просьбе максимально возможной литературой по проблемам Севера исполняет просьбу А.А. Борисова о личной встрече. В списке литературы, изучавшейся председателем Совнаркома, несомненно, должна была быть изданная в 1915 г. брошюра А. Борисова «Обь-Мурманская железная дорога», обосновывавшая экономическое и военно-стратегическое значение первоочередной линии ВСП. Разговор занял вдвое дольше предполагаемого времени и вполне

² Известия, 1919, 6 февр.

обнадеживал в плане положительного разрешения концессионного заявления.

В эти же дни В. Ленин изучает материалы по испрашиваемой концессии на ВСП. Рассмотрение вопроса о концессии включается в повестку заседания Совнаркома на 28 января. Но, просматривая повестку дня перед началом заседания, В. Ленин против пункта «О предоставлении концессии А.А. Борисову и Э. Ганневику на Великий северный железнодорожный путь» делает пометку: «На субботу» [3, с. 479].

1 февраля происходит совместное заседание президиумов ВСНХ и ВЦСПС, на котором вырабатывается в основном одобрительное отношение к концессии. Одновременно В.И. Ленин собственноручно пишет проект постановления Совнаркома «О предоставлении концессии на Великий северный железнодорожный путь» и направляет его члену президиума ВСНХ Г.И. Ломову и наркому промышленности и торговли Л.Б. Красину с припиской: «С точки зрения купцовской (и дипломатической) что Вы думаете о такой резолюции?» [3, с. 479].

В субботу 4 февраля 1919 г. эта «резолюция», состоявшая из шести пунктов, стала предметом обсуждения на Совнаркоме. Первый и третий пункты принятого постановления почти текстуально повторили соответствующие положения проекта, подготовленного В.И. Лениным. Изменения и поправки, внесенные в 4, 5 и 6-й пункты, носили редакционный, дополняющий и уточняющий характер. В частности, более конкретным стало обязательство соискателей концессии «представить доказательства основательности их ссылок на связи с союзническими и нейтральными предприятиями и фирмами, способными финансировать дело, доставить необходимые материалы и оборудование и закончить постройку»³ [4, с. 618].

Дискуссия возникла по формулировке второго пункта «резолюции», в котором декларировалось, что СНК признает концессии представителям иностранного капитала вообще, с принципиальной точки зрения, допустимыми в интересах развития производительных сил. Это принципиальное положение, определяющее перспективу концессионной политики, встретилось с позицией принципиального недопущения иностранного капитала в экономику советской республики. В итоге окончательная формула второго пункта после слова «допустимым» конкретизирована фразой «во всех тех случаях, когда только таким путем может быть достигнуто развитие производительных сил».

Для А.А. Борисова эти внутренние разногласия в СНК, казалось, не имели значения. Для окончательно разрешения концессии оставалось лишь представить документы, свидетельствовавшие о финансовой состоятельности ее заявителей, что считалось возможным, как говорится, проще простого. Так, газета «Известия» уже 6 февраля, ссылаясь на сведения, полученные от норвежского консульства в России, сообщала, что Э. Ганневиг является совладельцем банков-

ского дома Ганневиг с конторами в Лондоне и Америке; ряда судостроительных верфей, паровых компаний и других предприятий. Из бумаг, представленных соискателями, следовало, что семья Ганневиг располагает значительными деловыми связями с предприятиями и фирмами, способными обеспечить поставку материалов, инструментов, машин и другого оборудования, необходимого для изысканий и постройки железной дороги⁴.

Столь скорое предоставление весьма важных свидетельств, а также их источник воспринимались недостаточно убедительно. Вполне естественно возникал вопрос: возможно ли такое консульство, которое будет действовать во вред интересам собственного государства? К тому же, как следовало из газетного сообщения, так называемая консульская информация получена была газетой не напрямую, а от доверенных лиц Э. Ганневига – Г. Кране и В.М. Воблого, которые оказались не способными представить какие-либо дополнительные подтверждения состоятельности Э. Ганневига из независимых источников. Они лишь пытались убедить сомневающихся членов Концесскома и руководство Комгоссоора⁵ и НКПС в истинности консульских.

В деле изобличения Г. Кране и В.М. Воблого в фальсификациях особенно усердствовал руководитель Комгоссоора М.П. Павлович. Он, ссылаясь на анонимных зарубежных знающих людей и таинственное лицо, приехавшее из Лондона, бил по В. Воблогу обвинениями в фабрикациях документов и призывал присмотреться к его махровому буржуазному прошлому. Затем, когда утром 4 апреля 1919 г. сидевшие всю ночь в засаде агенты ВЧК всех явившихся на работу 100 сотрудников бюро ВСП арестовали, М. Павлович высказал предположение: а не является ли профессор Воблый глубоко законспирированным агентом внешнеэкономической диверсии международного империализма?

Правда, в ВЧК все же разобрались и за отсутствием состава преступления всех, в том числе В.М. Воблого, отпустили на свободу. Но проект концессии, которой М.П. Павлович желал, чтобы она, по его словам, «прошла по возможности гладко»⁶, погиб в челюстях демократии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жилинский А.А. Россия на Севере (к описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1919.
2. Борисов Н.П. Художник вечных льдов. Жизнь и творчество А.А. Борисова. 1866–1934. Л., 1983.
3. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. М., 1975. Т. 6.
4. Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4.

Статья поступила
в редакцию 03.09.2014 г.

³ Декреты Советской власти. М., 1968. Т. 4. С. 618.

⁴ Известия. 1919. 6 февр.

⁵ Комгоссоор – Комитет государственных сооружений.

⁶ Экономическая жизнь, 1919, 10 апр.

УДК 94(47)“17”

А.Х. ЭЛЕРТ

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ «САМОЕДОВ» СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII В.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: alexandreiert@yahoo.com

В статье анализируются экспедиционные материалы участника Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) Г.Ф. Миллера, характеризующие этнический состав самодийских народов Северо-Западной Сибири, а также некоторые особенности их материальной и духовной культуры. Автор впервые вводит в научный оборот сведения, почерпнутые из немецкоязычных рукописей ученого, которые до сих пор не использовались специалистами (черновые материалы и наброски, легшие в основу «Описания сибирских народов», полевой дневник путешественника и др.). Показано, что эти источники существенно дополняют составленные Миллером словари, особенно в отношении этнонимии самодийских народов и их диалектных групп. Доказывается, что именно Миллер первым и на столетие раньше М.А. Кастрена установил принадлежность «остяков нарымского языка» (селькупов) не к угорской, а к самодийской языковой общности. Приведены уникальные данные по этнонимике народов Мангазейского уезда, позволяющие по-новому поставить вопрос об автоэтнониме тавгов (нганасан), а также о том, были ли самоеды-юраки самостоятельным народом или всего лишь ненецкой диалектной группой. Отнесение ученым юраков к самостоятельному народу со своим языком подтверждается большим массивом данных, полученных непосредственно от самих аборигенов Мангазейского уезда. Большое значение имеют рассматриваемые в статье материалы Миллера по этнографии самодийских народов. В отличие от большинства предшествующих авторов, сравнивавших представителей самодийских и угорских народов с дикими зверями, ученый настаивал на том, что указанные народы по антропологическим параметрам были очень близки к европейцам, отличались душевной добротой, неспособностью причинять сознательные обиды, сострадательностью и чувствительностью. Эти и другие подобные утверждения Миллера показывают, что он не только стоял у истоков этнографического изучения самодийских и угорских народов Севера, но и отличался доброжелательностью, непредвзятостью и готовностью увидеть в кочевниках тундры лучшие человеческие качества.

Ключевые слова: Вторая Камчатская экспедиция, Г.Ф. Миллер, самодийские и угорские народы Северо-Западной Сибири, этнография, лингвистика.

История изучения самодийских народов Северной Европы и Сибири, их языковой принадлежности и родства с другими народами насчитывает уже более трех веков. Уже в 1697 г. Г.В. Лейбницу и его коллегам был очевиден факт родства самоедского (ненецкого) языка с финским, лапландским (саамским), мордовским, остяцким (хантыйским) и рядом других языков. Некоторые упущения в этой схеме в 1730 г. восполнил Ф.И. Страленберг [1, с. 221]. Хотя разработанная Страленбергом классификация сибирских народов в первой трети XVIII в. и была наиболее совершенной на тот момент, необходимо отметить, что народы объединялись им в разные «классы» в одних случаях по языковому принципу, а в других – по образу жизни и роду хозяйственной деятельности или по принадлежности к той или иной религии. Деление на самостоятельные народы и установление родственных связей между ними в первой половине XVIII в. осуществлялось обычно на основе самых разных, подчас противоречащих друг другу признаков (подобные примеры встречаются, в частности, в работах Г. Новицкого, И.Б. Мюллера, В.Н. Татищева и

др.). Так, В.Н. Татищев, которого признают «пионером сопоставительного языковедения в России XVIII столетия» [2, с. 83], писал: «Главной поданных русских язык сарматской, но сей употребляют разные народы, яко финны и корелы, лапландцы и самоеды, вотяки, пермяки, зыряне, вогуличи, остяки, мордва, чувашы, черемисы и пр.» [3, с. 102.]. Языки ряда упомянутых народов действительно находились в родственной связи, однако в целом, с точки зрения современной науки, здесь объединены народы, относящиеся к финской, угорской и самодийской группам уральской семьи языков, к тюркской группе алтайской семьи, а также к кетской (енисейской) семье.

Подлинный переворот в языковой классификации почти всех сибирских народов, в том числе самодийских, стал возможен в результате десятилетней (1733–1743) работы в Сибири в составе Второй Камчатской экспедиции выдающегося историка, этнографа и лингвиста Герарда Фридриха Миллера. Долгое время лингвистические разыскания Миллера и десятки составленных им словарей сибирских народов оставались неизвестными научной общественности, для исследователей важнейшим источником являлся «Вокабуляриум...» 34 народов Сибири, составленный в 1763 г. участником упомянутой экспедиции И.Э. Фишером.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Лишь в 1870 г. П.П. Пекарский указал на вторичность лексических материалов Фишера, который, не ссылаясь на Миллера, использовал его словари. Но лишь в конце XX в., благодаря кропотливой архивной работе выдающегося лингвиста Е.А. Хелимского, приоритет Миллера в разработке важнейших проблем этногенеза и языковой принадлежности сибирских народов стал очевидным. Однако колоссальный по объему лексический материал содержится не только в словарях ученого, но и в других экспедиционных рукописях ученого, которые в большинстве своем до сих пор не переведены на русский язык и не введены в научный оборот.

Во время путешествия по Сибири Миллер первым предпринял попытку комплексного этнографического описания всех аборигенных народов Сибири – от Урала до Чукотки и от южных границ до Северного Ледовитого океана. И хотя итоговый труд ученого «Описание сибирских народов» остался незавершенным, в нем, а также в черновых материалах к этой работе («Известие о якутах и их шаманах...»), полевом дневнике и других немецкоязычных экспедиционных рукописях ученого можно обнаружить ценнейшую информацию практически по всем проблемам истории и этнографии коренного населения Сибири [4, с. 40–67]. Не являются исключением и сведения Миллера о народах Северо-Западной Сибири, содержащиеся на сотнях страниц экспедиционных рукописей ученого. Необходимо отметить то обстоятельство, что хотя Миллер и был единственным ученым из состава участников экспедиции, кто посетил все уезды Урала и Сибири, в своих путешествиях по рекам с юга на север, по Оби он проехал лишь до ее слияния с Иртышом, а по Енисею – до Туруханска. Таким образом, при описании самодийских народов путешественник лишь в незначительной степени мог опираться на личные наблюдения. Основу его источниковой базы, помимо наблюдений и документов из архивов сибирских городов, составили результаты опросов местного населения, как русского (промышленные, торговые и служилые люди, ясачные сборщики, приказчики ясачных острогов и зимовий, участники военных походов и др.), так и аборигенного (рядовые ясачные, князцы, шаманы и др.).

При характеристике народов Миллер значительное место отводил географическому фактору, который, по его мнению, во многом предопределил особенности их материальной и духовной культуры, характер взаимоотношений как между собой, так и с русскими, а также общий уровень развития, степень «цивилизованности». Поэтому в своей программе этнографических исследований («Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно») он предложил группировать народы «в главные разделения» не только по языкам, оседлости, преобладающей хозяйственной деятельности и религиозным верованиям, но и по среде обитания: «Разделять по различным странам Сибири на степных, на лесных и на таких, которые жительство имеют в северных местах» [4, с. 181]. Основной особенностью «северных мест» Миллер считал преобладание тундрового и ле-

сотундрового ландшафтов, а также суровые климатические условия.

По мнению Миллера, определенную общность можно было обнаружить не только у самодийских народов, но и в аборигенных культурах северных областей Европы, Азии и Америки. Исходя из этого, он полагал, что этнографическое описание североазиатских народов не может быть полноценным с научной точки зрения без сопоставления с данными о северных народах других частей света. Больше всего у него таких сопоставлений с народами европейского Севера. В одном из вариантов предисловия к «Описанию сибирских народов» Миллер называет, наряду с другими, следующие народы, «имеющие много общего с некоторыми сибирскими народами»: пермяки и зыряне (*komi-mart*); самоеды европейского Севера (*chasoa*), которые составляли один народ с березовскими самоедами; лапландцы, или лопари (*sambe*, или *same*) в России и на севере Скандинавии¹.

Используя собранные в ходе экспедиции богатейшие словарные материалы, а также другие источники, Миллер определил этнический состав и расселение всего аборигенного населения Северо-Западной Сибири, вплоть до самых малочисленных родов. Его выводы до сих пор не утратили своего значения, что может быть показано на примере так называемых самоедов. Он писал о них «Во всей северной части Березовского и Мангазейского уездов кочуют различные народы, которые все общим именем называются самоеды. Они говорят четырьмя совсем между собою отменными языками и так не по иному чему, как по разности языков, подлинное и неопровержимое свидетельство в различном происхождении какого народа произвестъ можно»². Согласно современным данным, самоеды XVIII в. разделялись не на четыре, а на три народа – ненцев, энцев и нганасан (таггов). По Миллеру, четвертый самоедский народ составляли юраки, которых современные исследователи обычно относят к ненцам. Для этого у Миллера были веские основания. Главное из них – язык юраков.

Единственным оригинальным источником сведений об этом исчезнувшем языке (Е.А. Хелимский называл его старовосточным ненецким диалектом) является словарь, составленный Миллером. По оценке Е.А. Хелимского, этот диалект был «переходным, занимавшим промежуточное положение между ненецким и энецким диалектами» [1, с. 52]. Миллер отметил и тот факт, что юраки, кроме родовых имен (*ngaiwuseri*, *selerti* и др.), имели общий автоэтноним *jurak*, тогда как автоэтноним всех самоедов-ненцев был *chasoa*, или *chasowa*. И, наконец, сами юраки отграничивали себя от соседних самоедов, а те в свою очередь считали юраков особым народом. В полевом дневнике ученый записал: «Самоеды с реки Таз, которые из-за убийства посланного к ним ясачного сборщика содержатся в Мангазее, рассказали. Они не имеют особого имени, которым бы

¹ РГАДА. Ф. 199. Портф. 509. Д. 6. Л. 1–3.

² Там же. Ф. 181. Д. 1386. Ч. 1. Л. 2.

они обозначали весь самоедский народ, кроме того, что имеют различные названия для разных родов. Например, на реке Таз есть асиды (по-самоедски *Ngaiwuseri*), соледы (по-самоедски *Selerti*), варейки, харутей, комарей. Все эти роды причисляют себя к юракам, которых они также называют *Jurák*, и это слово не должно означать воры, кроме того, они считают это ругательством, если их так называют, хотя они сами себя так именуют. Хантайских самоедов они называют *Mandù*, тавгов *Tau* (тавги сами себя называют *Ngangasana*, хантайские самоеды называют себя *Ennetsche*). Остяки по-юракски *Chobi*. *Mungánsi* – так называются по-юракски те самоеды, от которых возникло название Мангазея. Они сейчас платят ясак в Карасинское зимовье. *Mungansi* – родовое название, такое же, как *Asidi*, *Selerti*. Однако юраки не причисляют их ни к себе, ни к *Mandu*, ни к *Tau*, а говорят, что они являются особыми³. Здесь, помимо прочего, обращает на себя внимание автоэтноним тавгов (*Ngangasana*), поскольку в литературе можно встретить утверждение, что этноним «нганасаны» образован искусственно: «В отличие от этнонима ненец названия народов энцы и нганасаны образованы искусственно; хотя соответствующие слова означают “человек”, в качестве самоназваний они энцами и нганасанами не использовались [5, с. 68].

Относя самодийские народы к «исконным» обитателям Севера, Миллер, вместе с тем, отмечает тесную связь этих народов с древнейшим и современным населением тайги и южносибирских степей. Для него было очевидным, что «самоедская» языковая общность включает в себя, помимо собственно самоедов, селькупов («остяков нарымского языка»), а также ряд малых народностей бассейна р. Енисей вплоть до Саян (камасинца, маторы, тайгийцы, карагасы, койбалы). Упомянутые последними народы к моменту путешествия ученого были уже в значительной степени тюркизированы; так, к примеру, об языке тайгийцев современные исследователи могут судить только по единственному источнику – словарю Миллера. Считается, что лишь в середине XIX в. М.А. Кастрен впервые убедительно доказал, что так называемые остяки – это три разных народа (современные ханты, селькупы и кеты). Иногда, впрочем, признается, что подобный вывод был сделан участником Второй Камчатской экспедиции И.Э. Фишером еще столетием ранее. Мы полагаем, что есть все основания внести существенные коррективы в устоявшиеся историографические схемы, которые касаются указанной проблемы.

Основными антропологическими особенностями народов Севера Миллер считал их низкорослость, плоское строение лица, худое телосложение и «слабосильность членов». Особо он выделяет остяков и самоедов, находя некоторые их антропологические параметры наиболее близкими, в сравнении с другими сибирскими народами, к европейским. Он, в частности, пишет: «Я полагаю, что среди всех сибирских народов остяки и самоеды больше всего

подходят к европейским народам по чертам лица»⁴. Самоеды, по его наблюдениям, были ближе к европейцам и по цвету кожи (ученый объясняет это тем, что «они из-за холодного климата не так сильно загорают от солнечного жара»), а также по наличию среди них людей с серыми глазами, густыми черными или рыжими бородами (последнее – преимущественно среди юраков).

Близость самодийских и угорских народов к европейским ученый находит в самых неожиданных областях. Так, он на конкретных примерах показывает, что самоеды и остяки были ближе всего к русским по используемым ругательствам, в особенности «непристойным». Путешественник сначала предполагал, что эти ругательства могли быть заимствованы в процессе общения и представляли собой перевод с русского. Однако информаторы категорически отвергли данное предположение, уверяя, что они издавна так ругались⁵. Отмечая общую нечистоплотность сибирских народов, он все же делает некоторые исключения, касающиеся татар-мусульман и бурят-буддистов, а также самоедов: «Говорят, что самоеды, когда они идут в гости, будто бы большей частью моются и содержат себя в чистоте. Они также купаются летом»⁶.

Одним из важнейших результатов присоединения Сибири к России Миллер считал установившуюся здесь относительную политическую стабильность, сокращение числа межэтнических конфликтов. Однако он вынужден был констатировать, что на Севере до стабильности еще весьма далеко. Основные причины этого он видел в «упрямстве» и «строптивости» ряда народов, не желавших подчиниться русским, а также в том, что на Севере протекали интенсивные миграционные процессы (например, переселение части селькупов на север, в бассейн р. Таз). Результат вооруженных конфликтов, согласно Миллеру, во многом предопределялся военными качествами народов Севера. Из всех самоедов ниже всего он оценивает военные качества юраков, часто нападавших на русских и соседние аборигенные народы: «Среди самоедов Туруханского уезда самыми ловкими в стрельбе являются хантайские самоеды и тавги, они превосходят в этом юраков. Замечено, что когда юраки нападают на хантайских и тавгов, они всегда, даже если хантайские и тавги уступают им по численности, по большей части оказываются убитыми. В свою очередь хантайские самоеды превосходят тавгов»⁷.

Стремясь обнаружить сходство и различия у разных народов, Миллер часто пользовался понятиями «дикость» и «цивилизованность». Когда речь шла об общем уровне развития, он обычно относил народы Севера, в том числе и самодийские, к категории «диких». Основанием для этого служили не особенности материальной культуры, а общественные отношения

⁴ Там же. Ф. 181. Д. 1386. Ч. 1. Л. 40 об.

⁵ Там же. Л. 122.

⁶ Там же. Л. 48 об.

⁷ Там же. Ч. 2. Л. 9 об.

³ Там же. Ф. 199. Портф. 521. Ч. 2. Л. 337 об.

(наличие рабов, приниженное положение женщин и др.), взаимоотношения народов между собой и с русскими (грабительские набеги, нежелание покоряться русским, пренебрежение судьбой соплеменников, взятых в аманаты и др.), «умственная культура» и психология. Особенно часто ученый писал о дикости самоедов-юраков, чукчей и коряков – народов, которые оказывали русским наиболее ожесточенное сопротивление. Однако, когда Миллер пишет о самодийских народах вне проблемы их военной конфронтации с русскими, он существенно корректирует свои оценки и полемизирует с теми европейскими и русскими авторами, которые сравнивали аборигенов Севера с дикими зверями, считали самоедов каннибалами и т. д.

В целом крайне негативно оценивая институт рабства, Миллер отмечает, что у самоедов рабы появлялись почти исключительно в результате межэтнических вооруженных столкновений, при этом рабское состояние обычно длилось недолго. Так, во время набегов они захватывали, как правило, лишь девочек, девушек и женщин; женщин и девушек брачного возраста сразу брали в жены, девочек – по достижении брачного возраста. Самоеды-юраки, которые нередко нападали на русских, захваченных мужчин обычно лишь связывали и так оставляли на месте, а увозили с собой только женщин, которые, минуя рабское состояние, сразу становились их полноправными женами.

Одними из важнейших черт характера аборигенов Севера Миллер признает их немногословность, что было не характерно для большинства сибирских народов, «внутренние принципы порядочности», сострадателность и чувствительность. Особо путешественник выделяет остяков и самоедов, отмечая их «душевную доброту», неспособность к сознательным обидам. Примеры, подтверждающие данные характеристики, Миллер находит в самых разных сферах: «Собак не едят ни остяки, ни самоеды, преимущественно из-за чувствительности и уважения, а не потому, что они считают их нечистыми или невкусными»⁸; «Самоеды, когда они встречаются друг друга после того, как долго не виделись, целуют друг друга в обе щеки... Остяки при встрече целуются в губы... Родственники, которые долго не виделись, обнимают друг друга и плачут»⁹; и др.

Основным занятием большинства народов Севера Миллер признает оленеводство, возникшее в глубокой древности (доказательство этому он видел в том, что ни у одного народа ему не удалось обнаружить даже преданий об одомашнивании диких оленей). Некоторые выводы ученого относительно развития северного оленеводства в свете новейших данных выглядят по меньшей мере спорными. Так, ученый полагал, что крупностадное оленеводство существовало до русских у большинства народов Севера, но к 1730-м гг. оно ос-

талось только у тех, кто сохранил независимость от русских или мало контактировал с ними (ненцы, нганасаны, юраки и др.), а у других оно было подорвано реквизициями оленей служилыми людьми. Согласно мнению современных исследователей, само появление крупностадного оленеводства связано с изменениями в аборигенных хозяйственных комплексах уже после прихода русских [6, с. 46–52].

Ученый утверждает: «Вообще следует заметить, что все народы в самых северных областях Сибири живут, кроме рыбы, почти единственно и исключительно оленями»¹⁰. Ученый утверждает, что даже у тех народов, которые имели крупностадное оленеводство, основу питания составляли все же олени дикие, если же оленеводство было транспортным, то забой домашних оленей производился только в случае крайнего голода. Хотя Миллер и пишет об изобилии диких оленей на Севере, некоторые его данные свидетельствуют о том, что уже в первой половине XVIII в. стали проявляться последствия перепромысла. Как показывают материалы ученого, перепромысел оленей отчасти был связан с тем, что олени шкуры являлись важнейшим продуктом товарообмена, в который включались аборигены севера.

Одним из важнейших направлений полевой работы Миллер считал сбор этнографических коллекций. Им и его сотрудниками были собраны сотни предметов, характеризующих материальную и духовную культуру сибирских народов. Как известно, почти все они погибли во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. Сохранившиеся «реэстры» дают представление о многих особенностях утраченных экспонатов. Значительное количество указанных в описях предметов было получено от самодийских народов. Так, в 1741 г. Миллер отправил в Кунсткамеру из Тобольска очередную коллекцию из 111 предметов (в основном это была одежда и обувь), при этом 104 из них относятся к народам Севера, в том числе ненцам, нганасанам и селькупам. Приведем пример такого рода описаний из реестра: «Самояцкая женская шуба новая молодых оленей, белая с прошивами молодых же оленей, по подолу пушенная различным сукном и собачью кожей в два ряда. Под ней испод лебяжей с пришивными рукавицами. Из Березова»¹¹.

Г.Ф. Миллер стоял у истоков этнографического изучения народов Севера Сибири, для его трудов характерны лучшие черты отечественных этнографов последующих столетий – доброжелательность, непредвзятость, готовность понять культуры, столь непохожие на его собственную, максимальная объективность и точность. Отмечая разного рода ошибки ученых XVIII в. при определении этнического состава сибирских народов, современные исследователи обычно говорят о том, что они «в духе того времени», объясняются отсутствием научных традиций в данной области и т. п. При анализе этногенетических концепций

⁸ Там же. Ф. 199. Портф. 509. Д. 3. Л. 139 об.

⁹ Там же. Ф. 181. Д. 1386. Ч. 1. Л. 110

¹⁰ Там же. Ч. 2. Л. 16 об.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 68. Л. 75.

Миллера такие оговорки не требуются. Они, если не брать во внимание устаревшую терминологию и вышедшие из употребления этнонимы, выглядят вполне по-современному, отвечают самым строгим научным требованиям. Принципы, которыми руководствовался Миллер при делении различных этнических образований на самостоятельные народы и диалектные группы, а также при определении их родственных по языку связей между собой, выдержали испытание временем и подтверждены последующими исследованиями, в том числе современными специалистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. М., 2000.
2. Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Л., 1982.
3. Татищев В.Н. Избранные сочинения. Л., 1979.
4. Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 1999.
5. Агеева Р.А. Страны и народы: Происхождение названий. М., 1990.
6. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

Статья поступила
в редакцию 03.09.2014 г.

УДК 94 (47). 083

М.В. ШИЛОВСКИЙ

**АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО
И УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ КАДРЫ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ АЗИАТСКОЙ РОССИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.***

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

В статье анализируется завершающий этап административно-территориального устройства арктических районов Северо-Востока Российской империи во второй половине XIX – начале XX вв., результатом которого стало образование в 1909 г. Камчатской области. Рассматривается ситуация на Чукотском полуострове, связанная с интеграцией чукчей в российское подданство посредством организации в 1888 г. Анадырского округа, а в 1909 г. Чукотского округа. Одновременно исследуются проекты реорганизации управления северными территориями, в частности объединением Камчатской и Якутской областей в новое генерал-губернаторство с центром в Якутске. В качестве отдельного сюжета изучается организация управления в территориально-административных образованиях арктической зоны Азиатской России, прежде всего в Якутской области. Обращается внимание на аппарат управления (якутские губернаторы, окружные и уездные исправники). Устанавливается, что на ключевую должность якутского гражданского губернатора старались отбирать чиновников, достаточно долго прослуживших в Сибири, инициативных и способных самостоятельно принимать ответственные решения. К числу таковых следует отнести Ю.И. Штубендорфа, В.Н. Скрипицына, И.И. Крафта. Положительный эффект давало выдвижение управленческих кадров за счет местных уроженцев. Северные территории постоянно находились в поле зрения западносибирских (до 1882 г.) и восточносибирских (иркутских) генерал-губернаторов, регулярно посещавших их с инспекционными целями.

Ключевые слова: Арктика, Якутская область, Чукотский округ, губернатор, исправник, округ, уезд, Российская империя.

К середине XIX в. арктическая зона Азиатской России в административно-территориальном отношении входила в состав Сургутского и Березовского округов Тобольской губернии, Туруханского края Енисейской губернии, Якутской области, Охотского и Камчатского приморских управлений (округов). В 1849 г., после переноса основного порта Российской империи на Тихом океане из Охотска в Петропавловск, Охотское управле-

ние было ликвидировано, а его территория включена в состав Якутской области. Экспедиция А.Э. Норденшельда 1878–1879 гг., совершившая на паровом барке «Вега» первое сквозное плавание по Северному морскому пути, доказала возможность мореплавания по морям Северного Ледовитого океана и опровергла постулат о незыблемости арктических границ России, защищенных непроходимыми полярными льдами. Данное обстоятельство стало основанием для переоценки геополитического значения Арктики для Российской империи и существенной корректировки государственной политики в отношении Северо-Востока.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Одновременно осуществляется поиск оптимальной модели территориально-административного устройства региона в плане интеграции его в политико-административное пространство империи. 10 января 1851 г. Камчатское приморское управление было преобразовано в самостоятельную область, объединившую все российское тихоокеанское побережье до устья Амура. С образованием 14 ноября 1856 г. Приморской области в ее состав вошли северные округа (Охотский, Петропавловский, Гижигинский, Удский), а административный центр переместился первоначально из Петропавловска в Николаевск-на-Амуре, а затем во Владивосток. Первый военный губернатор области адмирал П.В. Казакевич (1856–1865) склонялся к мысли вообще переселить русских с Чукотки и Камчатки на юг, поскольку «жизнь в Камчатке и Гижигинском, например, округе – непрерывная цепь лишений всякого рода. В северные эти места не ведут даже и плохо устроенные почтовые дороги, а вследствие того край не только обездолен природою, но как бы забыт и людями (цит. по: [1, с. 402]).

Продолжились во второй половине XIX в. и попытки властей добиться от чукчей официального признания русского подданства. Большое значение в этом плане имела экспедиция барона Г.Л. Майделя на Чукотку в 1868–1870 гг. В ее задачи официально входило изучение природы и населения полуострова. Кроме того, секретная инструкция предписывала собирать сведения «о числе чукотского народа, в старании привести их к присяге на верноподданничество с платежом ясака и перекочевыванием на левый берег реки Колымы» [2, с. 89].

Следующим шагом по интеграции Чукотки стало образование в 1888 г. Анадырского округа и отдельного управления для Командорских островов с переименованием окружных исправников в окружные начальники, причем без увеличения числа чиновников при них. Назначенный первым его начальником ученый, врач Л.Ф. Гриневецкий в 1889 г. основал пост Ново-Мариинский, ставший административным центром полуострова. В 1891 г. Гриневецкий умер, а новый окружной начальник Н.Л. Гондатти приступил к исполнению своих обязанностей только летом 1894 г., пробыв на Чукотке до лета 1897 г. Он начал процесс закрепления территории за Россией с переписи населения, обложения ясаком, организации самоуправления. Инициативу в колонизации Чукотки и противодействию американским промышленникам, по его мнению, должно было взять на себя государство, организовав казенный склад с необходимым ассортиментом товаров. Поэтому только в самом конце XIX в. чукчи начали осознавать себя российскими подданными [3, с. 27]. Тем не менее, в начале XX в. В.М. Вонлярлярский, организовавший в 1900–1901 гг. на Чукотку две геологические экспедиции, позиционировал ее как область, «лишенную всякого промышленного значения, с туземным населением, отличающимся крайне необузданным и диким характером, не признающим над собой никакой правительственной власти» [4, с. 10].

После окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер поставил вопрос о скорейшем выделении северных уездов из Приморской области в отдельную область. Состоявшееся по этому поводу в 1907 г. во Владивостоке совещание высказалось за учреждение Камчатской области. Его участники проявили озабоченность по поводу забвения северных территорий, что могло привести к проникновению сюда американцев и японцев и повторению судьбы Русско-Американской кампании в отношении Камчатки, Чукотки и Командорских островов. «Край нуждался не только в переселенцах, – констатировал итоги совещания А.В. Ремнев, – но и в сильной, вооруженной знаниями и капиталами мирной армии русских исследователей и промышленников. На Камчатском полуострове проживало не более 300 человек русских, включая администрацию и военных, он приносил казне до 20 млн рублей убытков» [1, с. 496]. После обсуждения в Государственной думе и Государственном совете 17 июня 1909 г. из Приморской области была выделена Камчатская область в составе уездов (в 1902 г. округа на Дальнем Востоке переименовываются в уезды): Петропавловский, Анадырский, Чукотский (выделен тогда же из Анадырского уезда, границы определены в 1910 г.), Охотский, Гижигинский, Командорский. Следует отметить, что якутский губернатор И.И. Крафт 26 января 1909 г. в представлении министру внутренних дел предлагал присоединить Колымский округ к Камчатской области, а Охотский – к Якутской, но его предложения остались без последствий [5, с. 112].

Образованием Камчатской области завершились территориально-административные преобразования дореволюционного периода в изучаемом регионе. Но это не решило всех проблем арктической зоны Северо-Востока. Посетивший в 1910 г. Камчатку и Чукотку приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер рекомендовал переселять сюда русских «с большой ослепительностью, чтобы пришельцы не нанесли урона природным богатствам края, на которых зиждется существование местных жителей». Адептов аккультурации он предлагал искать в северных русских монастырях, где послушники адаптировались к суровому климату и морскому промыслу. Параллельно с ним якутский губернатор И.И. Крафт для укрепления положения России на Северо-Востоке и с целью «оживления края» предлагал соединить Амурскую железную дорогу с Якутском, принять дополнительные меры к заселению Якутии русскими, построить тракт от Якутска до Охотска и Аяна. Для этого нужно «объединить мероприятия на пространстве всего материка, занимаемого Камчатской и Якутской областями. Руководить всеми мерами должна единая воля сильной власти, облеченной широкими полномочиями». Поэтому он предлагал объединить управление двумя областями, создав новое генерал-губернаторство с центром в Якутске [1, с. 506, 507].

В Западной Сибири в 1854–1860 гг. управление северными районами Тобольской губернии осу-

существовало Березовским военно-окружным управлением во главе окружным начальником. Кстати, в 1854–1858 гг. на этой должности находился будущий покоритель Кокандского ханства и генерал от инфантерии, а тогда майор Г.А. Колпаковский. В последующем округ разделили на три отделения (участка) – Обдорское, Кондинское и Сургутское во главе с отдельными заседателями. В конце 1890-х гг. округ переименовывают в уезд и из него выделяют еще один – Сургутский. Возглавлял местное управление уездный исправник. Березовский уезд разделили на два полицейских стана – Кондинский и Обдорский под началом становых приставов. В уезд входило 11 волостей, из них три – русские (Березовская городская, Кондинская и Елизаровская). Русские крестьяне объединялись в 11 сельских обществ: два в Березовской, три в Елизаровской, четыре в Кондинской и по одному в Куноватской и Обдорской волостях. Кроме того, восемь волостей уезда причислялись к инородческим: две вогульские (Ляпинская и Сосьвинская), пять остяцких (Обдорская, Куноватская, Казымская, Подгородняя и Кодская) и одна самоедская (Обдорская). Туруханский край включал часть Енисейского уезда Енисейской губернии, «составив в нем особое отделение с приставом во главе». В отличие от становых приставов в округах (уездах), туруханский пристав именовался отдельным.

Имелась специфика и в организации управления в Якутии. 11 июля 1851 г. Николай I утвердил Положение об управлении Якутской областью, согласно которому образовывалось областное управление во главе с гражданским губернатором. Им в сентябре того же года назначается действительный статский советник К.Н. Григорьев. Как и прежде, область подразделялась на пять округов – Якутский, Олекминский, Вилюйский, Верхоянский и Колымский. Согласно Уставу об управлении инородцами 1822 г., в местностях, населенных аборигенами, создавались инородные управы, в которые входили родовые управления. Так, в Верхоянском округе с территорией 947 тыс. км², численность населения которого в 1852 г. составляла 13 735 чел., а в 1917 г. – 12 940 чел., функционировало четыре улуса во главе с инородными управками, каждая из которых состояла из улусного головы, двух выборных и вольнонаемного писаря. Улусы делились на наслеги, возглавляемые управлениями, а ими руководили наследные старосты. Наслег подразделялся на роды во главе со старшинами, входившими в состав наследного управления. Окружное полицейское управление осуществляло управленческие функции посредством земских заседателей, число которых в области в 1912 г. составило 13, в том числе в Якутском округе – пять, Вилюйском – три, Верхоянском и Колымском – по два, в Олекминском – один [6, с.129].

Аппарат управления округом включал исправника, его помощника, двух земских заседателей, секретаря и столоначальника. Для привлечения управленческих кадров на далекую окраину император Александр II в 1859 г. утвердил перечень льгот для чиновников и

канцелярских служащих, направляемых на службу в Верхоянский и Колымский округа. Им полагалось при определении на должность производство в следующий классный чин, полугодовое жалование, двойные прогонные деньги и т. д. [7, с.52]. Кстати, за три года службы на Чукотке в качестве окружного начальники Анадырского округа Н.Л. Гондатти был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, хотя в обычной практике этим орденом жаловали сибирских чиновников за девятилетнюю службу в качестве окружного начальника или исправника.

В 1868 г. было учреждено Якутское окружное полицейское управление. В 1903 г. Якутское окружное и городское полицейские управления включали в свои штаты 69 чиновников. Функции полиции в отдаленных округах выполняли казачьи команды из состава единственного сохранившегося в России к началу XX в. Якутского городского казачьего полка. В Верхоянске в такую команду входило от 18 до 27 чел. во главе с пятидесятником. Казаки имели право на 15-десятинный земельный надел (сенокосы), получали жалование деньгами и продовольственным пайком. Нормативными актами 1857, 1858 и 1860 гг. отдаленным казачьим командам на Северо-Востоке назначалось добавочное жалование (от 21 р. 70 к. в месяц пятидесятникам и урядникам до 16 р. 85 к. рядовым), квартирные (4 р. в год) и на приобретение обмундирования (2 р. 80 к.). Для надзора за ссыльнопоселенцами, прежде всего политическими административно-ссыльными, в середине 1880-х гг. учреждается должность надзирателя, на которую назначали отставных чиновников, казаков, мещан, крестьян из расчета один надзиратель на пятерых ссыльных. В их компетенцию входило наблюдение за передвижениями, занятиями, поведением поднадзорных, выдача под расписку казенного пособия и т. п. Всего в Якутской области в 1908 г. таких надзирателей насчитывалось 31, в том числе в Якутске – 15 и в Якутском округе – 10 [8, с.138-139], в Туруханском крае в 1909 г. их было 60, а в Енисейском уезде – 75 чел.

При подборе кандидатур на должность якутского гражданского губернатора старались отбирать чиновников, достаточно долго прослуживших в Сибири, инициативных и способных самостоятельно принимать ответственные решения. К числу таких людей относился второй по времени назначения начальник области Ю.И. Штубендорф. Медик по образованию, он начал службу в Сибири в 1836 г., входил в состав ближайшего окружения восточносибирского генерал-губернатора Н.Н. Муравьева-Амурского и благодаря своим деловым качествам совершил карьерный рывок. С октября 1856 по 1864 г. он являлся якутским губернатором, многое сделал для повышения эффективности местного государственного управления, организации путей сообщения, улучшения продовольственного дела. Одиннадцать лет (1892–1903) управлял краем бывший управляющий Иркутской контрольной палатой, действительный статский советник В.Н. Скрипицын.

Яркий след в истории дореволюционной Якутии оставил действительный статский советник И.И. Крафт (1907–1913). Родившийся в семье польского дворянина, высланного в Сибирь, он 16-летним поступает на государственную службу, в 1899–1906 гг. служит чиновником в Министерстве внутренних дел. Касаясь его заслуг перед областью, Г.Н. Потанин отмечал: «Он сильно возвышался над многими сибирскими губернаторами... Область (Якутская. – М. Ш.) может назвать только двух хороших губернаторов – Светлицкого и Скрипицына. Это были честные администраторы. Перед этими последними Крафт имел одно преимущество: это был не только добросовестный чиновник, который считал своим долгом оправдать назначение на высокий пост. Иван Иванович воодушевлен был желанием служить местному обществу и отвечать на местные симпатии. Он служил и горел душой» [9, с. 50].

Относительно кадровой политики Крафта иркутский генерал-губернатор А. Н. Селиванов сообщал в декабре 1908 г. П.А. Столыпину: «Ознакомившись с личными и служебными качествами должностных лиц в области, г. Крафт нашел их не отвечающими по своим качествам требованию службы, тем более, что вызов их из непривилегированных мест вызывает большие непроизводительные расходы по выдаче усиленных прогонов, пособий и проч. По его мнению, большинство из приезжающих в Якутскую область “третьего сорта” чиновников оставляют службу при первой возможности, по истечении 1–3 лет. Ввиду этого губернатор предлагал заменить приезжих служащих местными с тем, чтобы на вызываемые отменой особых служебных преимуществ средства казны были учреждены в средних и высших учебных заведениях стипендии для местной молодежи и для лиц, которые пожелают служить в области за полученное образование» [10, с. 30].

«Коренезация» управленческих кадров иногда приносила положительные результаты. В качестве примера можно сослаться на сургутского уездного исправника Г.А. Пирожникова – уроженца Тюменского уезда, высшего представителя государственной власти в отдаленном уезде в 1903–1917 гг. Он способствовал развитию образования детей аборигенов, оседанию кочевников в приобских деревнях, организации и пополнению хлебозапасных магазинов, проведению телеграфной линии от Самарова до Сургута, возглавлял уездный Комитет общественного здоровья, совет Сургутской инородческой больницы, уездный Комитет попечительства о народной трезвости, уездный Комитет Красного Креста, уездный Комитет по оказанию помощи семьям воинов, больным и раненым воинам в годы Первой мировой войны [11, с. 10–12].

К числу выдвиженцев И.И. Крафта относился полицмейстер Якутска в 1912–1917 гг. И.А. Рубцов. Он родился в Якутске в 1876 г. в потомственной казачьей семье. Его дед и отец отслужили в Якутском городском казачьем полку рядовыми, урядниками и пятидесятниками соответственно 30 и 32 года. Илья Александрович

в 1898 г. окончил Иркутское юнкерское училище и, выпустившись из него хорунжим, 9 лет командовал Олекминской казачьей командой. Расторопного офицера заметил И.И. Крафт, назначил его земским заседателем в Вилуйский, а затем в Якутский округ. В марте 1911 г. Рубцову присваивается звание сотника, и он назначается заместителем атамана Якутского полка. Наконец, с сентября 1912 г. он исполняет обязанности, а затем вступает в должность полицмейстера г. Якутска с окладом 760 руб. в год (оклад рядового полицейского составлял 100 руб.). Чиновника отличали выдержанность, большой управленческий опыт, профессионализм.

Впрочем, управленческий аппарат отдаленных уездов и областей пополнялся и за счет оштрафованных чиновников. Ярким примером в этом отношении может служить карьера губернатора Камчатской области в 1912–1917 гг. Н.В. Мономахова. Выходец из дворян Саратовской губернии, бывший офицер (поручик), он за два года государственной службы (1905–1907) прошел большой путь от титулярного до статского советника. В 1906 г. Мономахова назначают вице-губернатором в Вологду. Здесь он берет в долг по векселю несколько тысяч рублей у местных крестьян-лесопромышленников. В общественных пересудах сумма вырастает до огромных размеров и трансформируется в получение денег без оформления соответствующих документов, т. е. во взятку. По результатам служебного расследования Николая Васильевича в июне 1910 г. перевели на должность вице-губернатора Приморской области. Но и здесь у него не сложились отношения с губернатором М.М. Мамакиным, и в июне 1912 г. в чине действительного статского советника его отправили губернатором на Камчатку [12, с. 312–319].

Характерно, что пребывание в экстремальных климатических условиях даже первым лицам территории обходилось существенными издержками, прежде всего в плане здоровья. Не все якутские губернаторы смогли отслужить положенный срок в пять лет. За год до истечения срока в начале 1856 г. первый гражданский губернатор Якутской области К.Н. Григорьев выехал в Петербург и там, сославшись на якутский климат и болезни, подал прошение об отставке. По состоянию здоровья увольняется с должности губернатора в 1903 г. В.Н. Скрипицын. Последний якутский губернатор – действительный статский советник Р.Э. Витте, прибывший к месту несения службы 6 июня 1914 г., 16 декабря 1916 г. был освидетельствован врачебным отделом областного управления в присутствии старшего советника управления Н.М. Березовского. Комиссия установила, что губернатор страдает эмфиземой легких и артериальным склерозом слуха, развитию которых в значительной степени способствовали суровые климатические условия Якутской области. Прошение об отставке было удовлетворено [13, с. 75–76]. Игнорирование принципа предварительной адаптации назначаемого на Север чиновника в более южных районах Сибири иногда при-

водила к трагическим последствиям. Так, назначенный в Якутск в 1913 г. губернатором ставропольский вице-губернатор М.А. Пономарев (1868–1913) пробыл в должности 3,5 месяца, внезапно скончавшись от приступа грудной жабы (стенокардии).

Обязательным условием повседневной управленческой деятельности чиновников различного уровня – от станковых приставов до генерал-губернаторов – являлся регулярный объезд (обзор по терминологии того времени) подведомственной территории. Так, Березовский округ посещали западносибирские генерал-губернаторы Г.Х. Гасфорт (1852), А.П. Хрущев (1869), Н.Г. Казнаков (1878), тобольские губернаторы – В.А. Арцимович (1856), А.И. Деспот-Зенович (1864), Г.П. Пелино (1876), В.А. Лысогорский (1881), П.А. Тройницкий (1886), Н.Л. Гондатти (1907, 1908). В Якутск на пароходах наведывались восточносибирские (иркутские) генерал-губернаторы: А.П. Игнатьев (1886), А.Д. Горемыкин (1890), А.И. Пантелеев (1901), Л.М. Князев (1912).

В силу протяженности, суровых географических и природно-климатических условий, этнического и конфессионального состава населения, специфики социально-экономических процессов, влияния внешнеполитических факторов при изучении различных аспектов развития российской государственности и принятия управленческих решений необходимо учитывать фактор регионального измерения. В управленческой парадигме центральная власть постоянно

колебалась между жесткой централизацией и региональным автономизмом, в том числе в отношении арктических территорий Азиатской России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков. Омск, 2004.
2. Ширина Д.А. Петербургская академия наук и Северо-Восток. 1725–1917 гг. Новосибирск, 1994.
3. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997.
4. Вонлярянский В.М. Забытая окраина. СПб., 1902.
5. Федоров В.И. Губернатор И.И. Крафт об изменении границы Якутской области // Якутский архив. 2001. № 3. С. 112–115.
6. Казарян П.Л. Якутская политическая ссылка (историко-юридическое исследование). Якутск, 1999.
7. Казарян П.Л. История Верхоянска. 2-е изд. Якутск, 2003.
8. Казарян П.Л. Ю.И. Штубендорф – первый правитель дел СОИРГО, губернатор Якутской области // Якутский архив. 2001. № 3. С. 57–60.
9. Потанин Г.Н. Памяти И.И. Крафта (1914) // Якутский архив. 2009. № 1. С. 48–50.
10. Калашников А.А. Новое о И.И. Крафте // Якутский архив. 2000. № 1.
11. Показаньев Ф.Я. По страницам архива Пирожникова // Пирожников Г.А. Записки уездного исправника. 2-е изд. Сургут, 2002.
12. Ляцук А.В. Губернатор Камчатки Н.В. Мономахов // Тобольск и вся Сибирь. Камчатка. 2010. С. 312–319.
13. Павлов А.А. Р.Э. фон Витте – последний якутский губернатор // Якутский архив. 2009. № 3–4. С. 70–76.

Статья поступила
в редакцию: 25.08.2014

УДК 9(С)15

Л.М. ДАМЕШЕК¹, М.Д. КУШНАРЕВА²

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ТОРГОВОГО ДОМА «КОКОВИН И БАСОВ» В ОСВОЕНИИ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX в.

¹д-р ист. наук,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск
e-mail: levdameshok@gmail.com
²канд. ист. наук,
Иркутский государственный университет,
г. Иркутск
e-mail: rita270880@mail.ru

В статье на основании ранее не исследованных источников предпринята попытка выявить особенности освоения отдаленных территорий Северо-Восточной Сибири представителями крупных фирм. Авторы проанализировали купеческую переписку доверенного торгового дома «Коковин и Басов» В.И. Фефелова и пришли к выводу, что приказчик в суровых северных условиях за короткий срок смог наладить бесперебойные поставки чая и других товаров из портов Охотского моря в центральные районы Якутской области, Чукотки и Камчатки. Фефелов организовал сухопутные грузоперевозки посредством собственного транспорта фирмы. Назначение на службу в Аянское отделение такого опытного приказчика, как В.И. Фефелов, способствовало тому, что фирма «Коковин и Басов» в короткие сроки приобрела возможность разработки золотых месторождений, а также новые ресурсы для торговли лесом. Кроме упорядочения торгового дела, приказчиком В.И. Фефеловым в начале XX в. была составлена подробная карта р. Алдомы и территории, прилегающей к Аянской бухте.

В статье представлена динамика развития торгового дела Аянского отделения фирмы «Коковин и Басов». Отмечено, что за 1908–1910 гг. обороты торгового дела Аянского отделения фирмы выросли как в сфере торговли чаем, так и в скупке пушнины. При этом В.И. Фефелов с целью привлечения промысловиков ввел систему кредитования за наличный расчет вместо натуральной формы.

Авторы пришли к выводу, что в результате развития товарно-денежных отношений на северо-востоке Сибири происходило не только расширение ареалов торговых операций крупных фирм, но и укрепление их экономических позиций в стратегических пунктах на побережье Охотского моря. Доверенные лица крупных фирм сочетали в своей деятельности торговлю пушниной и товарами с хозяйственным освоением северных территорий, разработку таких природных ресурсов, как золото и строевой лес. Одновременно происходило формирование инфраструктуры торгового дела, освоение новых путей сообщения.

Ключевые слова: Северо-Восточная Сибирь, крупные фирмы, Аянское отделение, пушная торговля, чайная торговля, приказчик, торговое дело, освоение территорий, грузоперевозки, разработка золота.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Северо-Восточной Сибири получили активное развитие товарно-денежные отношения. Этому способствовал ряд факторов: экономическое освоение новых территорий, развитие золотопромышленного комплекса Ленско-Олекминской и Витимской систем, вовлечение коренного населения в систему всероссийского рынка, существование в портах Охотского моря режима «порто-франко», деятельность крупных фирм в сфере торговли пушниной и снабжения жителей края товарами потребления. Одной из таких фирм был торговый дом «Коковин и Басов», сосредоточивший на своих складах в Аяне и Нелькане крупные партии чая и продуктов питания. В Аян поступали партии пушнины, собранные после окончания промыслового сезона и неотосланные в Московское отделение фирмы. Такой товар отправлялся на международные рынки Северной Америки и Европы морским путем, минуя Московское отделение фирмы [1, с. 95]. Для обеспечения деятельности фирмы в портах Охотского моря доверенные лица М.А. Коковина и И.А. Басова постоянно проживали в Аяне и Нелькане. Они не только формировали крупные партии пушнины и принимали товары, поступавшие морским путем, но и участвовали в строительстве дорог, складов, магазинов, разводили скот, осваивали земельные участки и сенокосы. Главной целью деятельности таких доверенных лиц было укрепление экономических позиций фирмы на стратегических рубежах в портах Охотского моря.

Деятельность торгового дома «Коковин и Басов» ранее уже привлекала внимание отечественных исследователей. В «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири» под редакцией Д.Я. Резуна выявлено происхождение учредителей торгового дома, а также основные сферы их экономического функционирования. «Деятельность торгового дома охватывала всю Восточную Сибирь, прежде всего Забайкалье и Якутию, а также Западную Сибирь. Кроме Кяхты, М.А. Коковин был официально зарегистрирован в купечестве Иркутска и Якутска» [2, с. 324]. В начале XX в. торговый дом занимался солеварением, мукомольным, кожевенным, пимокатным и овчинно-шубным производством, торговал чаем, лесом, мукой, мануфактурой, пушниной, японскими и колониальными товарами [2, с. 324]. Отметим, что именно торговля пушниной была основным стимулом для хозяйственного освоения торговым домом новых труднодоступных северных территорий.

В монографии Г.Х. Рабиновича имеется информация о том, что фирма «Коковин и Басов» «вложила крупные капиталы в пушную торговлю в Якутии и Колымско-Чукотском крае. В 1906 г. их оборот в этих районах по вывозу пушнины составлял 350 000 руб.» [3, с. 240]. А.В. Старцев указывал, что «одной из самых крупных и авторитетных фирм, действовавших в Монголии еще во II половине XIX в., был торговый дом “Коковин и Басов” из Троицкосавска, который первоначально занимался чайной торговлей, а затем развернул скупку местного (монгольского) сырья. Торговля в Монголии являлась лишь частью обширного дела фирмы, которая скупала пушнину в Якутии и Колымско-Чукотском районе, занималась золотопромышленностью и обработкой сырья» [4, с. 224]. Отметим, что одним из основных районов скупки пушного сырья приказчиками торгового дома «Коковин и Басов» на северо-востоке Сибири был Нелькан, расположенный на побережье Охотского моря.

О вкладе сибирского купечества в исследование и освоение северных территорий России в конце XVIII – начале XX вв. писала Е.В. Комлева. Она отметила, что одним из крупных торговцев, занимавшихся скупкой пушнины и снабжением коренного населения Северо-Восточной Сибири различными товарами повседневного потребления во второй половине XIX – начале XX вв., являлся торговый дом «Коковин и Басов». Для вовлечения большего числа промысловиков в торговые отношения по скупке пушнины или ее обмену на товары потребления представители крупных фирм стремились освоить отдаленные сибирские территории, стать там первопроходцами, «коммерческий интерес подталкивал купцов к проникновению все глубже и глубже в малодоступные места» [5, с. 77]. При этом масштабы освоения северных территорий у каждого купеческого предприятия были разные. Открытия сибирских купцов И.С. Бечевина, Н. Трапезникова, П.М. Сотникова, Я.А. Немчинова увековечены на географических картах, И.М. и А.М. Сибиряковы финансировали крупные научные экспедиции [5, с. 77]. Многие географические открытия и освоение северных территорий осуществлялись благодаря самоотверженному труду служащих и приказчиков торговых фирм.

Анализ отечественной историографии показал, что учеными рассмотрен широкий круг проблем организации торгового дела купцов М.А. Коковина и И.А. Басова [1, с. 94]. В большей степени внимание исследователей привлекали такие вопросы, как разви-

тие фирмой чайной торговли, деятельность компании в Монголии, в меньшей степени изучено значение торгового дома в сфере хозяйственного освоения северо-востока Сибири.

Таким образом, изучение роли торгового дома и его представителей в освоении северо-востока Сибири является актуальным и научно значимым, поскольку позволяет по-новому взглянуть на деятельность одного из крупных предприятий Сибири дореволюционного периода.

Основной целью данной статьи является выяснение особенностей освоения отдаленных территорий Северо-Восточной Сибири представителями торгового дома «Коковин и Басов» на основе изучения ранее не введенных в научный оборот материалов торговой переписки.

В начале XX в. на территории Северо-Восточной Сибири в сфере торговли пушниной и товарами потребления усиливается влияние местного якутского купечества – фирм Г.В. Никифорова, И.П. Антипина, П.А. Кушнарева. Большинство мелких скупщиков пушнины было поглощено крупными фирмами. Торговые дома создали собственную торговую инфраструктуру, начали оптовые поставки продуктов питания и товаров потребления для коренного населения края. Это привело к тому, что у фирмы «Коковин и Басов» появилась необходимость расширения районов торговых операций и реорганизации уже существовавших отделений [1, с. 94]. Одним из таких стратегических пунктов, деятельность которого необходимо было привести в соответствие с изменившимися условиями ведения торгового дела на северо-востоке Сибири, являлся Аян. Здесь сосредоточивались склады всех крупных фирм, осуществлялась доставка грузов морским путем, происходило дальнейшее распределение товаров потребления по территории Якутской области и Камчатского края, организовывалась отправка крупных партий пушнины на заграничные рынки.

В начале XX в. скорость оборота капитала торгового дома зависела, прежде всего, от бесперебойной работы отделений в Аяне. На службу в Аянское отделение фирмы «Коковин и Басов» в 1908 г. был назначен В.И. Фефелов, ранее занимавшийся разъездной меновой торговлей в северных округах Якутской области. Владимир Иннокентьевич Фефелов, уроженец Якутской области, начал свою карьеру в 1880-х гг. в Колымском округе Якутской области приказчиком торгового дома «Коковин и Басов», он был хорошо знаком с местными условиями жизни, знал традиции и обычаи коренного населения, отличался деловой хваткой и активностью. В 1890–1905 гг. занимался разъездной меновой торговлей с коренным населением Колымского округа, Камчатки и Чукотки. Ежемесячный оборот Фефелова от сделок с пушниной в Колымском отделении фирмы составлял от 40 до 70 тыс. руб.¹ Фефелов специализировался на скупке ценных сортов пушнины –

темной колымской белки, черно-бурой лисицы, песца. Кроме скупки пушнины в Колымском округе, Фефелов торговал товарами из магазина фирмы «Коковин и Басов». Счет кассы магазина в Нижне-Колымске в 1900 г. составлял 3800 руб.² Здесь он активно развернул торговлю чаем и скупку пушнины. Из Главной книги торгового дома «Коковин и Басов» за 1905 г. видно, что В.И. Фефелов ежемесячно скупал партии пушнины на сумму от 15 до 50 тыс. руб.³ Ежемесячно в Якутское и Московское отделения фирмы в почтовых посылках отправлялась сортированная пушнина на сумму от 3 до 70 тыс. руб. в зависимости от срока окончания или начала промыслового сезона⁴. С 1905 г. В.И. Фефелов был назначен доверенным лицом фирмы «Коковин и Басов» в Охотске. Организованная им чайная торговля приносила здесь торговому дому ежемесячную прибыль от 2800 до 6000 руб.⁵ Под его руководством из Охотска в Якутск по суше транспортировалось от 1000 до 3000 мест чая на сумму от 30 до 90 тыс. руб.⁶ Приказчик вел четкий учет всех купленных и отправленных по отделениям торгового дома партий пушнины, проданного и принятого на доставку чая. Он имел тесные деловые контакты с представителями фирм Якутской области: «Наследники А.И. Громовой», «Наследники А.М. Кушнарева», «Г.В. Никифоров» и др. По их отзывам, В.И. Фефелов отличался «стратегическим мышлением, достоинством и четкостью ведения любых дел. Благодаря Владимиру Фефелову северное дело Коковинных избежало упадка»⁷. В 1906 г. он получает купеческое свидетельство 2-й гильдии и продолжает свою работу в качестве доверенного лица фирмы, развивая северные отделения.⁸ Ежегодно участвовал в Якутской, Анюйской, Нижегородской и других пушных ярмарках, прекрасно разбирался в пушной, чайной и лесной торговле, горнорудном деле. В 1908–1917 гг. В.И. Фефелов являлся доверенным лицом торгового дома «Коковин и Басов» в Аяне и Нелькане. Дальнейшая судьба талантливого якутского купца 2-й гильдии и доверенного торгового дома «Коковин и Басов» нам неизвестна.

Итак, В.И. Фефелов впервые прибыл в Аян из Якутска и Нелькана 8 сентября 1908 г. В своем письме в Якутское отделение торгового дома «Коковин и Басов» он описывал трудности перехода следующим образом: «В пути с Нелькана нас преследовали снега и дожди. Всего находились в пути 11 суток и 3/4 пути прошли пешком. Перевалили за хребет и встретили полную зелень, как летом. Первый снег в Аяне выпал 15 октября»⁹. По прибытии в Аян Фефелов занялся приемкой чаев и товаров. Работа приказчика по упорядочиванию дел фирмы в Аянском отделении проходи-

² НАРС (Я). Ф. 414. Оп. 1. Д. 3. Л. 34.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Там же. Л. 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43.

⁵ Там же. Л. 44.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Ф. 511 (торговый дом «Наследники А.М. Кушнарева»). Оп. 1. Д. 3. Л. 136.

⁸ Там же. Ф. 414. Оп. 1. Д. 9. Л. 34.

⁹ Там же. Д. 6. Л. 8.

¹ Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 414 (торговый дом «Коковин и Басов»). Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

ла в условиях суровой зимы. «Метели здесь бывают по несколько дней. В это время нет возможности выйти во двор. Дом заносит снегом по самые окна. В углах дома сильная сырость, плесень и все продувается ветрами. Помещение лавки с низким потолком и кривыми окнами. Сама лавка поставлена в противоположную сторону от бухты. В лавке нет погреба и амбара. Торговать в лавке довольно трудно, так как часть товаров на улице заносит снегом. Мороз доходит до 50 градусов при сильном северном ветре»¹⁰.

Для строительства нового здания лавки, амбаров и жилого дома в Аяне Фефелов нанимает новопоселенцев крестьян Надеина и Филиппова. Подрядчики заготовили 150 бревен и доставили их на Аян весной 1909 г. Кроме того, с теми же крестьянами был заключен контракт на доставку чая из Аяна в Нелькан летом на лошадях, зимой на оленях. В письме в Якутское отделение фирмы Фефелов высказал предположение о необходимости заключить договор с торговым домом «Наследники А.И. Громовой» на доставку товаров конным транспортом до рек Май и Алдана, далее пароходами Громовой в навигационный период до Якутска и других населенных пунктов Якутской области. В случае организации самостоятельных конных перевозок грузов требовалось, по мнению Фефелова, в навигацию 1909 г. доставить морским путем в Аян 10 лошадей и 5 работников, которые смогли бы освоить сенокосы, расположенные более чем в 80 км от порта. «В случае восстановления конной доставки придется выписывать прессованное сено, которое зафрахтованный пароход может возить в Аян с чаями»¹¹. Для дальнейшего функционирования отделения в Аяне он выписал из Якутска 20 голов рогатого скота, 150 пудов овса¹². Фефелов начал добычу леса¹³. «Лесу строевого здесь очень много. Можно до пяти миллионов свободно вырубить, а по р. Алдоме в 30 верстах от устья растут мачтовые леса. Можно рубить и плавить. В тихое время леса может подносить к борту парохода»¹⁴.

В результате освоения прилегающей к Аяну местности Фефеловым было найдено уникальное озеро, в которое мог зайти пароход из устья р. Алдомы для погрузки леса. Но главным его открытием стало обнаружение вблизи озера в долине р. Алдомы золотых россыпей, свободных для разработки. При этом необходимые материалы и техника для их освоения могли быть доставлены туда пароходом.

«Устье Алдомы, — писал он, — представляет удобную пристань для выгрузки чая. От ветров защищена, пароход останавливается в губе за большими горами. Поэтому при свирепствующих здесь в Охотском море ветрах пароход защищен горами полуострова Нурки. Пароход останавливается от устья Алдомы не далее одной или пяти верст, почти так же в Охотске, но здесь

несравненно лучше Охотска. В Охотске открытое море и бьет волна, а здесь волн не бывает. Около устья Алдомы есть покосные места. Покосов окажется достаточно и трава хорошая»¹⁵.

14 ноября 1909 г. другим доверенным лицом фирмы «Коковин и Басов» А. Ф. Поповым в Горное управление были поданы заявки на разработку золотых россыпей, расположенных по течению р. Алдомы¹⁶. В том же 1909 г. В.И. Фефеловым была составлена подробная карта Алдомы, Аянской бухты с промерами и якорными стоянками для пароходов¹⁷.

Все работы, связанные с созданием инфраструктуры торгового дела в Аяне, Фефелов выполнял лично. По летним путям объезжал леса, где проводилась вырубка и находились сенокосы. Освоение сенокосных угодий объяснялось тем, что доставка грузов по Аянскому тракту на оленях с каждым годом становилась все более затруднительной, так как количество оленей у подрядчиков снижалось. Требовалась организация перевозок гужевым транспортом. Приказчик по зимним дорогам контролировал регулярную доставку чая в Якутск и поступление партий пушнины. Часто поездки были связаны с риском для жизни. В.И. Фефелов писал 7 декабря 1908 г. в Якутское отделение торгового дома «Коковин и Басов»: «С партией чая поехал я в Улькан. Не мог никак добраться до устья. Такой сильный ветер, что тунгуса с оленями роняет с ног. Я три раза пытался идти пешком, но сваливался с ног. Нет никакой возможности добраться до устья. Мой тунгус умолял меня вернуться, говорил, что замерзну. Алдомские тунгусы мне говорят, что ветер не пустит, а по самой реке на 40 верст вперед будет дуть еще сильнее»¹⁸.

Несмотря на столь тяжелые условия труда и жизни, в 1908–1909 гг. Фефеловым было заключено более 20 контрактов с подрядчиками на перевозку грузов, закупку пушнины, столярные и плотничьи работы и многое другое. Кроме пушнины, Фефелов принимал от местного населения золото, занимался торговлей спиртом, писал о необходимости увеличения поставок спирта в Аян. «Для привлечения обязательно надо 10 ведер спирта ежемесячно. Здесь обычай такой. Чтобы привлечь подрядчика, надо его угостить и при заключении с ним условия дать одну бутылку водки на дорогу. Все так действуют. А нам приторговывать этим необходимо»¹⁹.

Регулирование цен, спроса и предложения на товары потребления, привозимые в Аян морским путем, осуществлялось зачастую через сбор информации о партиях чая конкурирующих фирм. К примеру, осенью 1908 г., по сведениям Фефелова, торговый дом «А. и М. Молчановы и Быков» выгрузил в Аяне 2500 мест байхового чая. То же количество закупили фирмы Громовых и Кушнаревых. Таким образом, данное

¹⁰ НАРС (Я). Ф. 414. Оп. 1. Д. 6. Л. 10–11.

¹¹ Там же. Л. 14.

¹² Там же. Л. 13.

¹³ Там же. Л. 13 об.

¹⁴ Там же. Л. 14.

¹⁵ НАРС (Я). Ф. 414. Оп. 1. Д. 6. Л. 20 об.

¹⁶ Там же. Л. 14.

¹⁷ Там же. Л. 22.

¹⁸ Там же. Л. 21.

¹⁹ Там же. Л. 16.

количество чая могло вполне обеспечить население в течение промыслового сезона, соответственно цена на чай могла упасть²⁰.

Таким образом, кроме торгового дела, В. Фефелов, находясь на службе у торгового дома «Коковин и Басов» в Аяне, занимался созданием необходимой торговой инфраструктуры, искал наиболее подходящие пути для разгрузки и перевозки товаров, участвовал в разведке золотых месторождений, осваивал лесные и сенокосные угодья, составлял подробные карты местности.

Укажем на основные результаты экономической деятельности на Аяне доверенного фирмы «Коковин и Басов» В. Фефелова за 1908–1910 гг. Из промысловых округов, расположенных вблизи Аяна и Нелькана, в Московское и Якутское отделения торгового дома ежемесячно высылались пушнина в среднем на сумму 4000 руб. Партии пушнины состояли из ценных сортов темной белки, красной и черно-бурой лисицы, песка и горностая²¹. За промысловый период 1908–1909 гг. было собрано в партии и отправлено пушнины на общую сумму 50 тыс. руб., за период 1909–1910 гг. – на 60 тыс. руб.²² Число промысловиков, кредитующихся В.И. Фефеловым в счет сдачи пушнины, составляло более 24 человек. Размер кредита в денежном эквиваленте каждого промысловика составлял от 250 до 3000 руб.²³ С целью привлечения большего числа промысловиков Фефелов ввел кредитование наличными деньгами взамен натуральной формы.

Ежемесячная выручка магазина в Аяне составляла 5300 руб.²⁴ (на момент принятия Аянского дела счет кассы составлял 3000 руб., а счет товара – всего 270 руб.)²⁵. В 1910 г. в Аяне под руководством В.И. Фефелова были построены два деревянных амбара для хранения разного рода товаров, теплый дом с кладовыми и сенями, магазин и разного рода дворовые хозяйственные постройки.

С 1909 г. фирмой «Коковин и Басов» в долине р. Алдомы велись разработки золота, обнаруженного В.И. Фефеловым. Паровые баркасы с целью ускорения оборота капитала и доставки грузов в централь-

ные районы Якутской области в соответствии с картой Фефелова перевозили товары из Охотского моря в устье р. Алдомы. Им же были организованы регулярные конные перевозки грузов до Нелькана, заключены контракты с пароходоладельцами.

Таким образом, благодаря работе в Аянском отделении фирмы «Коковин и Басов» такого опытного приказчика, как В.И. Фефелов, пушное дело приобрело здесь новых клиентов, увеличилась ежемесячная выручка от продажи товаров, выросли обороты чайной торговли. Основной особенностью хозяйственного освоения отдаленных территорий Северо-Восточной Сибири представителями торговых фирм в изучаемый период являлось то, что в условиях сурового климата в короткие сроки происходило не только развитие торгового дела, но и разработка природных ресурсов, прежде всего золота, а также заготовка леса, строительство жилых и служебных помещений, кроме того, непрерывно осуществлялся поиск новых, более удобных путей сообщения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кушнарева М. Д. Уровень развития фирмы «Коковин и Басов» в пушной торговле на северо-востоке Сибири во II половине XIX – начале XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 7 (45), ч. I. С. 93–96.
2. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2 т. / отв. ред. Д.Я. Резун. Новосибирск, 2012. Т. I: А–Л. 450 с.
3. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975. 357 с.
4. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (II половина XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2003. 306 с.
5. Комлева Е.В. Вклад купечества в исследование и освоение северных территорий России (конец XVIII – начало XX в.) // Государственная политика в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII–XXI вв.. Новосибирск, 2012. С. 73–89.

Статья поступила
в редакцию 25.09.2014

²⁰ НАРС (Я). Ф. 414. Оп. 1. Д. 6. Л. 6.

²¹ Там же. Д. 3. Л. 12.

²² Там же. Д. 3. Л. 13, 16, 29, 30, 35, 36. 48.

²³ Там же. Д. 3. Л. 3.

²⁴ Там же. Д. 3. Л. 4.

²⁵ Там же. Д. 3. Л. 5.

УДК 353.2(571.12) "18"

Н.П. МАТХАНОВА

**УЧАСТИЕ ДЕЯТЕЛЕЙ ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ XIX в.
В ОСВОЕНИИ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ***

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nmatkhanova@mail.ru

В статье рассматривается вклад отдельных деятелей западносибирской администрации XIX в., как военных, так и гражданских, в реализацию политики по освоению северных территорий края. Отмечается, что преобладало пассивное и равнодушное отношение к Северу, стремление к наживе, желание выслужиться. Но были и такие администраторы, для которых были характерны патерналистские и модернизаторские идеи. В статье перечислены основные проблемы, поднимавшиеся губернаторами и генерал-губернаторами Западной Сибири: низкий уровень развития экономики, малочисленность, бедность, невежество и болезни населения, трудности в собирании ясака. Среди намечавшихся ими путей решения проблем отмечены улучшение путей сообщения, христианизация и просвещение, развитие рыбопромышленности, урегулирование взаимоотношений между «инородцами» и русскими рыбопромышленниками, изменение кадровой политики и системы управления. Рассмотрен ряд конкретных предложений: участие В.А. Арцимовича в попытке осуществить проект В.Н. Латкина и М.К. Сидорова по проведению Обь-Печорского канала и Н.Г. Казнакова в изучении возможности морского пути в Сибирь; направление Д.Н. Бантыш-Каменским врачей в северные округа, поиски Г.Х. Гасфордом компромиссного решения споров между русскими и абorigенами. Особое внимание уделяется назначению в Березовский округ военно-окружного начальника Г.А. Колпаковского и его деятельности. Отмечено значение геополитической ситуации и выбора правительства между курсом на консервацию особой системы управления «инородцами» или на унификацию этого управления с общеимперской. Подчеркивается влияние личностных качеств деятелей администрации на интенсивность и активность их участия в освоении северных территорий.

Ключевые слова: Север Западной Сибири, Арктика, XIX в., Березовский округ, освоение, абorigенное население, управление, чиновники, Г.Х. Гасфорд, В.А. Арцимович, Г.А. Колпаковский.

Политика России по освоению ее северных территорий, как и всякая политика вообще, проводилась в жизнь усилиями конкретных людей – офицеров, чиновников, священников, предпринимателей, казаков и др. В российских условиях особую роль играли представители администрации. Их деятельность, ее характер и результаты зависели от многих факторов, как объективных, так и субъективных. Наиболее серьезно влияли факторы, внешние по отношению к непосредственным исполнителям: общий правительственный курс, не раз менявшийся в течение XIX в., социально-экономические условия, воля непосредственного начальства. Но немалую роль играли и субъективные, личностные факторы. Можно выделить ряд векторов, определявших намерения разных людей, – например, жажда наживы, желание выслужиться, сделать успешную и быструю карьеру, попечение и забота о местных жителях, воспринимавшихся в ориенталистском духе как объект опеки со стороны просвещенного начальства, стремление осуществить преобразования в современном духе и ликвидировать отставание региона и страны в целом.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Всего в течение XIX в. должности сибирских и западносибирских генерал-губернаторов занимало 12 чел., тобольских губернаторов – 28, томских – 24. Но далеко не все активно участвовали в освоении северных территорий. Преобладали чиновники, которые равнодушно или пассивно (в лучшем случае более или менее добросовестно) исполняли решения правительства и высшего местного начальства. Для большинства Север и его население оставались источником проблем, дотационным и даже ненужным районом – именно это демонстрируется в большинстве отчетов тобольских и томских губернаторов. И на самом деле северные территории в течение многих десятилетий не приносили дохода казне, а содержание их стоило немалых затрат – финансовых и человеческих. Но были и другие администраторы, они видели и формулировали проблемы, существовавшие в северных районах Тобольской и Томской губерний, предлагали способы их решения, продвигали конкретные проекты. О различных проектах, записках, предложениях, непосредственных действиях, прямо или косвенно направленных на более эффективное использование северных территорий и/или улучшение жизни их населения, более или менее подробно писали известные историки (см., например: [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]).

Среди поднимавшихся проблем чаще других отмечались низкий уровень развития экономики, малочисленность, бедность, невежество и болезни населения, особенно аборигенного, трудности в собирании ясака и выполнении повинностей. Губернаторы указывали и некоторые пути решения. Их видели в улучшении путей сообщения, организации школ и больниц, развитии рыбопромышленности, урегулировании взаимоотношений между «инородцами» и русскими рыбопромышленниками, занимавшими удобные и выгодные для рыбной ловли места, изменении кадровой политики и системы управления.

С начала XIX в. активизировались географические исследования, лейтмотивом которых «являлся поиск водного пути между Белым морем и реками Сибири» [8, с. 46], что сулило возможность торговли с Европой через Северный Ледовитый океан. Идею поддержал тобольский губернатор А.М. Корнилов. В 1829 г. его предложения были рассмотрены в Сибирском комитете и отвергнуты с основной мотивировкой: осуществление их невозможно и не нужно, так как затраты превзойдут возможную прибыль¹. Та же судьба постигла и предложение томского губернатора П.П. Аносова².

Тобольский губернатор В.А. Арцимович развернул настоящую кампанию по продвижению проекта Обь-Печорского канала известных предпринимателей В.Н. Латкина и М.К. Сидорова. В отличие от большинства деятелей сибирской – и не только сибирской – администрации, Арцимович прибегал не только к таким привычным методам, как «убеждение» купцов в необходимости выделить средства, как письма и служебные записки в адрес вышестоящих инстанций. Он широко использовал созданные по его же инициативе «Тобольские губернские ведомости», что было характерно для его управленческого стиля.

В 1857 г. он подал записку генерал-губернатору Западной Сибири Г.Х. Гасфорду, в которой приво-дил аргументы в пользу проекта. Почти дословно они повторены в статье чиновника Тобольского общего губернского управления М.А. Смоленского [9]. Так, в документе губернатора сказано: «Здесь дело идет не о частных выгодах, а о промышленном и торговом развитии обширной страны, о заселении пустынных ее мест и извлечении из недр ее богатых сокровищ, а также об усовершенствовании жителей Сибири в умственном и нравственном отношениях»³. В статье: «...здесь дело идет не о частной торговой спекуляции, а о развитии промышленной деятельности целого края, края обширного и богатейшего, но малонаселенного и пустынного!»⁴. Такое совпадение не случайно – именно чиновники, причем нередко из ближайшего окру-

жения губернатора, и были авторами многих статей в первой сибирской газете [10, с. 97–122].

Арцимович и его сотрудники стремились доказать, что осуществление плана Латкина решит одновременно большинство проблем Севера. Установление связи сибирских рек с «зауральскою системою вод», а тем самым «с внутренними губерниями», приведет к развитию судоходства и оживлению торговли. Естественным образом увеличится спрос на продукцию и южных, и северных районов губернии, и Западная Сибирь начнет вывозить на российские и зарубежные рынки не только традиционные «сырые произведения» (рыба, лес, пушнина, птица), «но и сокровища, затаенные в недрах здешних гор... в которых так сильно нуждается Европа»⁵. Сознвая сложность стоявшей задачи, авторы документа предполагали участие в ее решении и государства (подача записки на высочайшее имя), и частного капитала (подписка тобольских купцов на будущую компанию), и интеллектуальных сил (организация исследовательской экспедиции). Понимание важности проекта Латкина частично сложилось у Арцимовича во время его поездки на север губернии [11]. Отрицательный отзыв Главного управления Западной Сибири и отъезд Арцимовича из Сибири прекратили попытки реализовать данный проект.

Генерал-губернатор Н.Г. Казнаков в 1878 г. сам побывал в Обской губе, «присутствовал за полярным кругом при первом обмене на условной стоянке товаров» и пришел к выводу, что без основательного изучения условий плавания в Карском море и в устье Оби организация морской торговли невозможна. Он предлагал организовать морскую и речную экспедиции, убедил местное купечество содействовать их проведению. Кроме того, Казнаков считал полезным организацию в Тобольске мореходных классов по подготовке шкиперов и лоцманов, для начала – для речной навигации, и проведение телеграфа в Самарово. Довольно критически он оценил действия X округа путей сообщения, обвинив его руководство в недостаточном внимании к северным коммуникациям. И, наконец, Казнаков надеялся на полезность и в этом созданного по его инициативе Западно-Сибирского отдела ИРГО⁶.

Хотя идея Обь-Печорского канала так и не была осуществлена, Латкину и Сидорову удалось создать акционерную компанию, организовать несколько рейсов по Оби в Северный Ледовитый океан и вывезти грузы в Западную Европу [12, с. 8–30, 37–40; 13; 14, с. 81–83]. Во второй половине столетия морское сообщение с сибирскими северными территориями стало регулярным [15, с. 340–343; 16, с. 96–101].

Управление северными территориями включало и решение многих проблем местных жителей. Большая часть управленческого корпуса в лучшем случае видела в «инородцах» объект попечения, в худшем случае – источник незаконного обогащения. Немногие

¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 67. Л. 76.

² О Северной дороге // Тобольские губернские ведомости. Часть неофиц. 1857. № 18.

³ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 47. Л. 12 об. – 13.

⁴ Тобольские губернские ведомости. Часть неофиц. 1857. № 28.

⁵ ГА РФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 47. Л. 5–5 об.

⁶ РГИА. Ф. 948. Оп. 1. Д. 65. Л. 57 об. – 60 об., 84–88, 117–117 об.

настроенные в просветительском и модернизационном духе чиновники были озабочены проблемой интеграции аборигенного населения в российский социум. Надежными и привычными средствами решения этой проблемы были просвещение и христианизация [8, с. 50].

Тобольский губернатор Д.Н. Бантыш-Каменский, посетивший в 1827 г. Обдорск, выделил несколько проблем в положении аборигенов. Угроза «бунта обдорских хантов и лесных ненцев» была вызвана неудачной попыткой реализации Устава об инородцах 1822 г. – тем, что «их не освободили, подобно обдорским ненцам, от земских и других повинностей». Как отмечают авторы коллективной монографии по истории Ямала, Бантыш-Каменский «распорядился временно прекратить сбор этих налогов», а затем, очевидно по его инициативе, «все ханты, манси и ненцы Северного Приобья... стали платить... один яsak» [3, с. 130; 17, с. 743]. Он же первым из местных губернаторов озаботился регулярным направлением медиков для борьбы с эпидемиями, «свиерпствовавшими между тамошними инородцами» [17, с. 744; 18, с. 138] – полагалось по очереди ездить на север всем уездным лекарям губернии. Первым был командирован с этой целью член врачебной управы Ф.М. Белявский.

Начальство отмечало и такие проблемы в положении «инородцев» тобольского севера, которые были связаны с конкуренцией за использование рыбных промыслов и закабалением местных жителей крупными рыбопромышленниками. Нередко это приводило к недовольству со стороны аборигенного населения. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорд, отвечая в докладе Второму Сибирскому комитету на жалобу «управляющего остяками Обдорской волости Березовского округа обдорского князя Ивана Тайшина», писал, что «русские промышленники, увлекаясь богатыми рыбными промыслами по Оби и выгодно меною своих произведений на добываемые остяками и самоедами звериные шкуры, еще в прошлом столетии основали во многих местах свои заселения по Иртышу и по Оби на принадлежащих остякам землях. Заселения эти сделаны частью с дозволения правительства, но большею частью самопроизвольно». Гасфорд признавал, что такого рода колонизация является «более или менее стеснительной для туземцев», но в то же время служит «к развитию прибрежной по Оби и Иртышу и приморской на Ледовитом океане торговли», полезной и самим жалобщикам. Посетив Березовский край, генерал убедился в том, русские «захватили все почти лучшие места, принадлежащие инородцам». Но и русские «обдорчане» тоже жаловались генерал-губернатору на притеснения. Итогом стало предложенное Гасфордом компромиссное решение: «с одной стороны, решительно запрещалось самовольное переселение в “инородческие места”, а с другой – признано необходимым оставить там промышленников, поселившихся в минувшем столетии» [1, с. 131]. Главным аргументом для Сибирского комитета, очевидно, стало понимание

того, что «прочное заселение» русскими Севера «полезно в видах и политических, и торговых»⁷.

Не менее важным вопросом, относившимся к рыбопромышленности, был вопрос о переработке и заготовке ценных сортов рыбы, что позволило бы сохранять ее, перевозить и продавать по достаточно высоким ценам. Эта тема подробно развивалась в одном из первых номеров «Тобольских губернских ведомостей»⁸, но серьезные шаги по ее решению были предприняты лишь в конце столетия – при губернаторе Н.М. Богдановиче [19, с. 293–298].

Во время своей поездки на север Гасфорд, знакомясь с бытом и нравами «простодушных детей природы... не нашел в них ни того недостатка умственных способностей, ни того отвращения от труда, какие обыкновенно им приписывают»⁹. Он был уверен, что решающими средствами «улучшения состояния инородцев Березовского края» могут стать просвещение, христианизация и радикальные перемены в управленческом корпусе. Первое и второе возлагалось на миссионеров, которые «бы жили и перекочевывали с народом... лечили бы как людей, так и домашний скот от простых болезней», учили, «в... празднества устраивали бы для своих прихожан небольшие угощения и старались бы вообще сделаться инородцам полезными и приятными» [20, с. 61], и «совершали бы упрощенные церковные обряды»¹⁰. Последнее предложение Синод отверг с неодобрением, отказавшись даже рассматривать эту не православную идею генерала-протестанта. Вместе с тем предложение открыть Обдорскую миссию с сельскими училищами при ней было встречено с одобрением, миссия, существовавшая в 1832–1833 гг. под названием Северной, была восстановлена в 1854 г. [20, с. 60–63].

Вполне успешным был результат другого ходатайства Гасфорда – о назначении в Березовский округ военно-окружного начальника. Основные аргументы сводились к тому, что по отдаленности и отсутствию надежных сообщений невозможен эффективный контроль со стороны губернатора, а местные чиновники допускают беспорядки и злоупотребления. Идея заключалась не только в назначении военного, которым больше доверял и центр, и генерал-губернатор, не только в наделении его большими полномочиями, но и в настойчивом, не раз повторенном требовании «лицу сему определить такое содержание, которое дало бы возможность назначить в эту должность достойного во всех отношениях штаб-офицера». На Севере кадровый вопрос, вообще трудный в Сибири, был еще острее. Гасфорд писал: «...если Сибирь составляет место высылки для жителей России, то Березовский округ, по своей отдаленности и дурному климату, составляет место ссылки для жителей Сибири»¹¹. Уда-

⁷ РГИА. Ф. 1265. Оп. 3. Д. 26. Л. 10–11.

⁸ О Березовской рыбопромышленности // Тобольские губернские ведомости. Часть неофиц. 1857. № 17.

⁹ РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 138. Л. 3.

¹⁰ Там же. Л. 6–7.

¹¹ Там же. Д. 37. Л. 23–23 об.

лось добиться сравнительно приличного содержания (в общей сложности более 1000 руб.), а «достойным» кандидатом стал личный адъютант самого Гасфорда – майор Г.А. Колпаковский, впоследствии выдающийся военный администратор в Туркестане. Ему была дана подробнейшая инструкция о попечении за всеми сторонами жизни «иностранцев» – от взноса ясака и обеспечения продовольствием до распространения христианства, пропаганды оспопрививания и обучения детей, особенно же подчеркивалась необходимость «ограждения от притеснений» аборигенов¹².

В письмах Г.А. Колпаковского к В.А. Арцимовичу показан процесс практического осуществления многочисленных и многотрудных обязанностей. Больше всего и чаще всего он писал о качествах подчиненных, необходимости увольнения, наказания или перемещения одних и выдвижения, награждения или назначения других. Главными критериями в оценке чиновников для него служат честность, отношение к «иностранцам» (почти категорическое требование «удалить» заседателя Попова мотивировано тем, что он попустительствует притеснениям и сам «делает разные поборы и вымогательства»)¹³. Губернатор Арцимович в отчете за 1855 г. особо подчеркивал, что Колпаковский много и часто ездил по отдаленным и труднодоступным местам, а главное, «умел войти в доверие» к аборигенам¹⁴. Почти в каждом письме упоминается о поездке в Сургут, Обдорск, «юрты», разборе жалоб и т.д. Колпаковский настаивал, что врач в этом округе нужнее, чем в более обжитых районах, доказывал, что набор ополчения из местных «иностранцев» бесполезен и даже вреден. Именно он выяснил, что за жалобой «иностранцев» о захвате крестьянами рыбных «песков» стоит богатый и влиятельный тобольский купец П.Ф. Плеханов, который получил «пески», принадлежавшие аборигенам, в аренду по низкой цене и выступил ходатаем за их интересы¹⁵. Колпаковский понимал значение рыбопромышленности для местных жителей – как русских, так и аборигенов, и пытался найти компромиссные решения в неизбежно возникавших спорах, внося свои предложения в Совет Главного управления Западной Сибири¹⁶.

В целом и для Гасфорда, и для Арцимовича, и для Колпаковского был характерен имперский, патерналистский и модернизаторский подход к освоению Севера. Именно с этих позиций Арцимович критиковал существовавшую систему управления.

До конца XIX в. правительственный курс колебался между линией на консервацию образа жизни аборигенов, сохранение специфической системы управления, и линией на более интенсивную интегра-

цию их в российский социум с введением единых административных порядков на территории всей страны. Постепенно вторая тенденция становилась преобладающей. Ее поддерживали и многие деятели западносибирской администрации: генерал-губернатор А.О. Дюгамель приписал две остяцкие волости к русской, Н.Г. Казнаков и тобольский губернатор А.С. Сологубов предлагали причислить «к русским волостям оседлых аборигенов Тобольской и Томской губерний» [1, с. 61–63; 2, с. 128]. Осуществление подобных проектов либо откладывалось на долгий срок, либо приносило отрицательные результаты [1, с. 54–63].

И сторонники, и противники полного подчинения сибирских аборигенов русскому законодательству, унификации «управления русского крестьянского и коренного населения» [1, с. 54–63] апеллировали к государственным интересам и к патерналистскому долгу по отношению к аборигенам. Как правило, у них сохранялось понимание необходимости покровительственного отношения к аборигенам и учета местных особенностей.

Внимание и интерес к северным территориям центрального правительства и высшего местного начальства колебались в связи с изменением геополитической ситуации. В середине 1850-х – начале 1860-х гг. она оказалась неблагоприятной. Во-первых, поражение в Крымской войне и финансовый кризис сократили возможности и намерения власти тратить средства на окраины. Во-вторых, границы империи сдвигались на юг – осуществлялось продвижение в Среднюю Азию и в Приамурье. Когда внешне- и внутривосточная обстановка складывалась более благоприятно для Севера, честные и добросовестные деятели сибирской администрации вновь проявляли инициативу и настойчивость в активизации политики по освоению и модернизации северных территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX – начало XX века. Иркутск, 1986.
2. Конев А.Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – начало XX вв.). М., 1995.
3. [Кучер В.В.] Правительственная политика в отношении аборигенов // Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 126–138.
4. Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX вв. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
5. Миненко Н.А. Проект «законов» для народов Обского Севера 1830 года // Ямал в XVII – начале XX в.: социокультурное и хозяйственное развитие (документы и исследования). Салехард; Екатеринбург: 2006. С. 147–193.
6. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.
7. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997.
8. Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. Вып.3 (23). С. 44–52.

¹² РГИА. Ф. 1265. Оп. 2. Д. 37. Л. 39–58 об.

¹³ ГАРФ. Ф. 815. Оп. 1. Д. 408. Л. 1–7, 11–11 об., 18 об. – 19 об., 22–23 об., 33–35 об.

¹⁴ Там же. Д. 27. Л. 28 об.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 408. Л. 3, 25–25 об., 29–31 об.

¹⁶ Журнал Совета Главного управления Западной Сибири, состоявшегося 16 июля 1857 года, под № 92 // Тобольские губернские ведомости. 1857. № 17. 17 авг.

9. Смоленский М.А. О предполагаемом сообщении между реками Печорой и Обью // Тобольские губернские ведомости. Сотрудники и авторы. Тюмень, 2004. Кн.2. С. 23–32.

10. Морозова Н.Н. Коммуникация власти и общества (по материалам «Губернских ведомостей» Западной Сибири 1857–1866 гг.). Новосибирск, 2012.

11. Матханова Н.П. Тобольский губернатор В.А. Арцимович и его записки о севере губернии // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 10–14.

12. Жилинский А.А. Россия на Севере (К описанию жизни и деятельности М.К. Сидорова). Архангельск, 1918.

13. Ламин В.А., Ноздрин Г.А. Сибирский купец Михаил Константинович Сидоров // Личность в истории Сибири XVIII – XX вв.: сб. биограф. очерков. Новосибирск, 2007. С. 113–123.

14. Комлева Е.В. Вклад купечества в исследование и освоение северных территорий России (конец XVIII – начало XX в.) // Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII – XXI вв. Новосибирск, 2012. С. 73–89.

15. Востротин С.В. Северный морской торговый путь в Сибирь // Сибирские вопросы. 1905. № 1. С. 338–361.

16. Шиловский М.В. Исторический опыт хозяйственного освоения Арктической зоны России в дореволюционный период // Государственная политика России в Арктике: Стратегия и практика освоения в XVIII – XXI вв. Новосибирск, 2012. С. 90–103.

17. Шемякин суд в XIX столетии. Записки Д.Н. Бантыш-Каменского. 1825–1834 гг. Сообщ. В.Д. Бантыш-Каменским // Русская старина. 1873. № 6. С. 735–784.

18. Белявский Ф.И. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.

19. Очерки истории Югры. СПб., 2000.

20. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – начало XX века). Тюмень, 2001.

Статья поступила
в редакцию 21.08.2014

УДК 351:332.1(571.6)''17/18'' + 351:314.72(571.6)''17/18''

Е.В. КОМЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ЧАСТНАЯ ИНИЦИАТИВА В ОБЛАСТИ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: feodal@history.nsc.ru

В статье освещаются основные направления государственной политики по освоению северо-восточных территорий России и включению их в экономическое и социокультурное пространство страны в конце XVIII – первой половине XIX в., анализируется взаимодействие государства и частных лиц на этом поприще. Рассматривается решение таких проблем, как организация заселения северо-восточных районов, прокладка путей сообщения, снабжение населения продовольствием, политика по отношению к аборигенным народам. Делается вывод, что в течение рассматриваемого периода долговременной государственной стратегии по развитию конкретно северо-восточных окраин империи не существовало – предпринимаемые в этом направлении шаги осуществлялись в рамках планов по развитию Сибири в целом. Наибольшее внимание при этом уделялось заселению стратегически важных северных районов – Камчатки и Охотского побережья. Рассмотренные проекты чиновников и купцов по освоению труднодоступных северных территорий показывают, что как у государственных служащих, так и у заинтересованных предпринимателей, несомненно, было ясное понимание того, что без активного участия государства, без привлечения мобилизационных возможностей его управленческого аппарата невозможно обеспечить решение многих проблем, связанных с заселением и хозяйственным освоением севера. Особое внимание уделено наиболее масштабному проекту, осуществлявшемуся в течение рассматриваемого периода, – деятельности Российско-американской компании. Однако во многом из-за отсутствия планомерных систематических усилий в деле освоения северо-восточных территорий страны к середине XIX в. не удалось достигнуть значительных результатов.

Ключевые слова: северо-восток России, экономическое и социокультурное освоение, политика правительства, частный капитал.

Освоение труднодоступных северо-восточных территорий и полноценное включение их в экономическое и социокультурное пространство России –

сложный многовековой процесс, на протяжении которого усилия государства переплетались с инициативой частных лиц. Активное освоение земель на крайнем севере Сибири началось лишь со второй половины XIX в., чему в значительной степени способствовали обнаружение там залежей полезных ископаемых и появившаяся возможность эксплуатации Северно-

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

го морского пути. В данной статье мы остановимся на предшествующем этому прорыву периоде – конце XVIII – первой половине XIX в. – и рассмотрим, как в то время решались самые насущные задачи по колонизации северо-востока России.

По мнению Н.М. Ядринцева, уточненному В.П. Зиновьевым, Россия продвигалась в Сибирь в XVII в. за пушниной, в XVIII в. – серебром, в первой половине XIX в. – золотом, во второй половине XIX в. – за хлебом [1, с. 263; 2, с. 42]. Далеко не все из этого перечня могли дать самые северные арктические территории региона. В XVII–XVIII вв. интерес к ним обуславливался главным образом изобилием пушного зверя, однако в XVIII в. его поголовье резко сократилось, и прежнее оживление из некогда важных мехопромышленных центров стало быстро исчезать. К началу XIX в. утратили бывшее значение такие северные города, как Пелым, Сургут, Нарым, Березов, Илимск, Туруханск. Освоение северо-востока России тогда, казалось, не сулило никакой экономической выгоды (за исключением Аляски), а напротив, требовало невосполнимых затрат по заселению и поддержанию уровня жизни населения, содержанию управленческого аппарата и воинских формирований. Например, от содержания Камчатки с конца XVIII в. государство несло более 20 тыс. руб. ежегодного убытка. Долгое время служивший там лейтенант П.Ф. Кузмищев в 1830-х гг. сравнивал полуостров с чужеродным растением, «которое привилось к России и живет и питается на ее счет», но которое, однако, «отсечь и бросить... жалко и нельзя» [3, с. 57, 127].

Долгое время развитие крайнего севера Сибири рассматривалось лишь в рамках развития региона в целом, какого бы то ни было долговременного плана по колонизации этих труднодоступных мест не существовало. Во второй четверти XIX в. наблюдается усиление внимания правительства к Сибири: в 1819–1838 гг. действует Первый сибирский комитет, в 1830-х – 1850-х гг. создается несколько межведомственных комитетов по сибирскому вопросу [4, с. 132–133], разными ведомствами составляются аналитические записки о состоянии дел в регионе [5]. Однако ни Первый сибирский комитет – «основной координирующий и законосовещательный орган по вопросам сибирского края» [4, с. 279], ни другие учреждения практически не затрагивали проблем, связанных конкретно с освоением самых северных территорий Сибири. Исключение составлял «инородческий» вопрос, но и он рассматривался применительно ко всей Сибири.

Пожалуй, из всего северо-востока России наибольшее внимание уделялось стратегически значимой территории – Охотскому побережью и Камчатке, в течение XVIII–XIX вв. их пытались заселить русскими поселенцами и тунгусами, и там, где возможно, предпринимались упорные попытки насадить хлебопашество. С целью закрепления этих территорий за Россией в 1820 г. иностранцам, дабы «отклонить их влияние на этот далекий полуостров», даже было запрещено селиться и записываться в купеческие гильдии в Охотске и на Камчатке [6, с. 250]. Однако из-за

крайне небольшого числа российских подданных, желавших добровольно переехать на новое место жительства, приходилось прибегать и к «штрафной» колонизации. Поселенцев снабжали рогатым скотом, семенами, сельскохозяйственными орудиями, однако выращивание зерновых в суровом климате не приносило желаемых результатов. Малочисленность населения края вызывала постоянное беспокойство местных властей. В 1827 г. начальник Камчатки Голенищев даже подал в Первый сибирский комитет проект по заселению ее крестьянами из Якутской области и Иркутской губернии, но его не поддержали [7, с. 133–134]. В 1830–1837 гг. по его же инициативе на Камчатке действовало Земледельческое общество, в 1828 г. туда был прислан садовник, в 1840 г. – агроном, в 1849 г. полуостров посетил генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев, а в 1850 г. военный губернатор Камчатской области В.А. Завойко составил проект по заселению Камчатки, но он не был реализован [6, с. 300; 7, с. 134–136].

Проблеме заселения окраин страны русскими, которые бы стали «этнодемографической основой государственной целостности» [8, с. 102], придавалось большое значение. Помимо организации переселений на Камчатку известны также попытки заселить другие северные районы как Восточной, так и Западной Сибири: Охотскую область, Якутскую область, Туруханский край, север Тобольской губернии, Аляску [9, с. 119; 6, с. 205]. Чтобы помочь поселенцам закрепиться на новом месте, им предоставлялись льготы по исполнению рекрутской повинности и платежу налогов [6, с. 233, 271, 275].

Надо сказать, что не только чиновники, но и простые обыватели понимали, что без усилий государства заселить север едва ли возможно. Государство, в свою очередь, пыталось хотя бы в какой-то степени опереться на помощь общества. Это проявлялось, в частности, в организации сбора пожертвований в пользу переселенцев: например, когда в 1852 г. партия из 122 семей переселенцев отправлялась на Камчатку, то якутские власти собрали 44 руб. частных пожертвований (от якутов и купцов), 10 пуд. масла, 15 пуд. мяса и невод [7, с. 136–137].

Однако в конце XVIII – первой половине XIX в. меры по заселению русскими северо-востока Сибири не носили систематического характера – плановая колонизационная политика начинается только с принятием ряда переселенческих законов в конце 1880-х – начале 1890-х гг. – и поэтому не могли привести к каким-нибудь серьезным положительным сдвигам. Так, к 1835 г. на Камчатке крестьян вместе с военными числилось всего 679 чел. [7, с. 134], к концу XIX в. на огромной территории от Витима до Якутска проживало лишь около 10 тыс. крестьян [10, с. 219]. В других северных районах на протяжении первой половины XIX в. отмечалась негативная демографическая тенденция, затрагивающая как русское, так и аборигенное население. Если в конце XVIII в. в Туруханском крае проживало 3560 чел. муж. пола, в том

числе 3267 ясачных¹, в 1832 г. – 3971 чел. муж. пола, в том числе 3509 ясачных², то в 1850 г. – уже 2669 чел. муж. пола. На территории Обдорской волости Березовского уезда в начале XIX в. насчитывался 3341 остяк, а ко второй половине XIX в. – уже только 2973 остяка [11, с. 243].

Другой важной проблемой и существенной преградой для освоения и полноценного вовлечения в экономический оборот северных сибирских территорий долгое время было отсутствие надежного и дешевого транспортного сообщения, развитых транспортных связей с Центральной Россией и Западной Европой. На севере эксплуатировались Иркутско-Якутский, Якутско-Охотский, Енисейский и другие тракты, однако они не решали всех проблем, связанных с транспортировкой грузов. Даже проложенный в 1760–1780-х гг. Сибирский тракт – «символ объединения окраин и метрополии» – до середины XIX в. так и «не превратился в окончательно устроенную дорогу, которая удовлетворяла всем требованиям того времени» [12, с. 5]. Проект устройства Обско-Енисейского канала, выдвинутый в 1797 г., остался не реализованным [6, с. 207]. В 1809–1822 гг. поиском водных и прокладкой сухопутных путей сообщения на территории Сибири занималось правление X округа Ведомства путей сообщения, однако его планы о постройке Васюганского канала остались не воплощенными. В 1841 г. в Главном управлении путей сообщения рассматривался проект по устройству Кетского канала, но и он не был реализован [6, с. 318].

Наверное, единственным вкладом в развитие сухопутного сообщения на северо-востоке Сибири в течение рассматриваемого периода стали дороги от Якутска до Аянской фактории на берегу Охотского моря, а также от Аяна до р. Лены, проложенные в 1840-х гг. усилиями Российско-американской компании. Окрестности Аянского тракта заселялись якутами и ссыльными скотцами с помощью соответствующих распоряжений правительства [13, с. 417–422]. Что касается речного пароходства в Сибири, начавшего развиваться с 1840-х гг., то оно «заметное влияние на грузовые перевозки стало оказывать только во второй половине XIX в.» [14, с. 66].

С начала XVIII в. неоднократно предпринимались попытки открыть морской транспортный путь между центральной частью страны и Сибирью, связать устья Енисея, Оби и Печоры, что позволило бы значительно облегчить вывоз сибирского сырья в Европу, активизировать сибирскую торговлю и промышленность, оживить обширные малонаселенные северные территории. Однако все предпринимавшиеся попытки по реализации смелых проектов открытия «северного хода» оканчивались неудачей [15, с. 52]. Даже в начале 1870-х гг. сообщение по Северному Ледовитому океану с Сибирью считалось невозможным [16, с. 76, 78].

Еще одной приоритетной задачей, стоявшей перед правительством, можно назвать обеспечение бла-

гоприятных условий для интеграции сибирских аборигенных этносов в состав Российского государства. На протяжении XVIII–XIX вв. политика правительства по отношению к коренным народам сибирского севера «имела четко выраженный патерналистский характер» [11, с. 249]: строго отслеживалось соблюдение прав инородцев, поддерживалась национальная элита. Например, в 1787 г. вышло распоряжение «о воспрещении промышленникам на островах Восточного океана чинить жестокости и грабительства местным природным жителям» [6, с. 199], в 1803 г. – «об отвращении отягощения, терпимого якутами в принужденной перевозке в Охотск и другие отдаленные места провианта и воинских потребностей» [6, с. 199, 220].

Важной вехой в государственной политике по отношению к аборигенным этносам стала реформа 1822 г., которая, однако, имела и некоторые негативные последствия. В частности, закрепление за инородцами земель по праву первоначального поселения и необходимость оформления аренды этих земель пришлым населением вызвало в 1850-х гг. бунт против русских и зырян в ряде поселений на севере Западной Сибири. В Обдорске начались погромы домов и амбаров торговцев, высказывались призывы даже к полному уничтожению села. Только вмешательство тобольского генерал-губернатора Г.Х. Гасфорта, который сам приехал в Обдорск, помогло разрешить конфликт [11, с. 247].

Центральные власти были заинтересованы в поддержании и увеличении численности коренных сибирских народов, поскольку от этого зависели как сбор ясака и пополнение государственной казны, так и улучшение благосостояния русского населения, занимавшегося торговлей с аборигенами, да и в целом стабильность ситуации в регионе. Среди принимавшихся в конце XVIII – первой половине XIX в. мер особое значение имела борьба с эпидемиями: в 1807 г. для лечения сифилиса был направлен врач на Камчатку, в 1815 г. – в Среднеколымский и Зашиверский уезды во время вспышки среди якутов сифилиса и проказы, в 1835 г. в Березове и Нарыме открылись «на казенный счет» больницы для лечения инородцев от сифилиса [6, с. 227, 239, 310]. Начало оспопрививания и введение в лекарский штат северных городов так называемых «оспенных учеников» позволило снизить смертность среди северян от этого страшного заболевания. Другим направлением политики правительства по развитию интеграционных процессов стало приобщение северных народов к просвещению. Например, в 1790 г. был принят указ «о заведении училища для детей якутов», в 1805 г. – о воспитании при монастыре «ясачных сирот Туруханского края» [6, с. 201, 223].

Большая проблема была связана с обеспечением в нужном объеме продовольствием населения северных районов. При этом казна зачастую конкурировала с интересами частных лиц. С одной стороны, в XVIII в. государство брало на себя заботу о снабжении не только военного, но и гражданского населения северных и северо-восточных окраин Сибири, а с другой – местным властям требовалось обеспечивать масштабные

¹ ГАКО. Ф. 655. Оп. 2. Д. 252. Л. 73 об. – 74.

² ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 7 об.

закупки зерна также для различных казенных нужд: винокуренных и солеваренных заводов, кабинетских металлургических предприятий, армии, научно-исследовательских экспедиций, казенных хлебных магазинов и пр. В.Н. Разгон приводит относящиеся к 1770-м гг. случаи, когда закупленные и сплавлявшиеся на барках по Чулыму в Нарым томскими купцами Г. Сапошковым и Г. Гуляковым партии хлеба были арестованы и принудительно перекуплены казной по заниженной цене [17, с. 7].

В конце XVIII – первой четверти XIX в. в снабжении хлебом северо-востока произошли существенные изменения, результатом которых стало утверждение принципа свободы хлебной торговли. С 1777 г. прекратился казенный сплав хлеба из Тобольска, Енисейска и Илимска в Якутск – отныне территория Якутской области и Охотско-Камчатского края стала снабжаться через посредство частных торговцев [6, с. 170]. В 1784 г. вышло предписание Тобольского наместнического правления, согласно которому купцы и мещане могли беспрепятственно закупать и отправлять хлеб в Нарым, Сургут, Березов и Туруханск [17, с. 8], в 1817 г. был издан указ «о разрешении свободного привоза хлеба к ясачным народам во всякое время» [6, с. 242]. Принятые в 1823 г. Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли М.М. Сперанского призваны были окончательно закрепить свободу хлебной торговли. Впрочем, все эти постановления проводились в жизнь не всегда последовательно – иногда, из-за опасения возможного роста цен на жизненно важные припасы, издавались противоположные по смыслу распоряжения, да и сами реформы М.М. Сперанского также носили во многом противоречивый характер [17, с. 9, 12].

Нельзя сказать, что насаждение принципа свободы хлебной торговли вело к полному устранению властей от обеспечения хлебом северных районов Сибири – частный капитал не мог покрыть всех нужд местного населения. В начале XIX в. в Сибири были учреждены казенные запасные хлебные магазины. В 1830-х гг. на территории Туруханского края действовало 34 таких магазина, в которых как русское, так и аборигенное население покупало или выменивало на мех пшеницу и овес³. При недостатке средств казенный хлеб можно было получать в течение нескольких лет в долг – сначала это правило распространялось только на инородцев, а затем стало применяться и в отношении русского населения [6, с. 312].

Следует отметить, что до второй половины XIX в. из-за отсутствия надежного транспортного сообщения не так уж многие представители крупного частного капитала стремились развивать торговлю в северном направлении. Исключение составляет деятельность Российско-американской компании – наиболее масштабный проект, реализовывавшийся в течение рассматриваемого периода, является примером совпадения интересов частных лиц и государства, это было своего рода

«частно-государственное» предприятие. Вместе с полученной в 1799 г. полной монополией на колонизацию северной части Тихого океана Российско-американская компания приобрела и функции государственного управления на этой территории. Однако правительство, оказывая всестороннюю поддержку руководству компании, предоставляя ей различные льготы и наделяя широкими полномочиями, само же в значительной степени и привело ее к банкротству, постоянно требуя изменения устава предприятия, возлагая на него обязанности по снабжению населения, содержанию школ, больниц, православных церквей, проведению миссионерской работы среди аборигенного населения, организации научно-исследовательских экспедиций, обеспечению безопасности находящихся в ее ведении территориальных земель и др. [13, с. 272, 274].

Примером интереса частного капитала к освоению еще более, чем Русская Америка, неподходящих для этого северных пространств Сибири может служить инициатива енисейского купца А.А. Кобычева, составившего в 1853 г. специальный проект преобразования Туруханского края, в котором предлагал отдать ему эти земли в монополию на 25 лет. За это он обещал выплачивать казне все причитающиеся с местного населения подати, обеспечить жителей в достатке продовольствием, содержать на свои средства казачью команду и врача. Кобычев указывал на невозможность успешного освоения региона без участия частного капитала, наряду с этим признавая необходимым для заселения региона также привлечение государственных ресурсов. Отказ удовлетворить этот проект пришел уже после смерти автора проекта [18, с. 297].

В целом отсутствие четкой государственной стратегии по колонизации северо-восточных территорий, непосредственные и несистематические попытки решить стоявшие перед северными районами задачи – все это не позволило достичь к середине XIX в. ощутимых результатов в освоении северо-востока страны. Ряд важных проблем (например, необходимость организации природоохранной службы и принятия мер для восполнения поголовья пушного зверя, разведка полезных ископаемых и др.) вообще оставался без должного внимания. Частные лица осознавали невозможность заселения северо-востока России без привлечения административных ресурсов государства, которое, в свою очередь, стремилось опереться на общественную поддержку, однако отлаженные механизмы взаимодействия в этой области государства и частного капитала еще не были выработаны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Серия: История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, 2003. Вып. III.
2. Зиновьев В.П. К вопросу о промышленной колонизации Сибири в XIX – начале XX в. // Образ Сибири в общественном сознании россиян XVIII – начала XXI в.: Материалы регион. науч.-практ. конф., посв. памяти проф. И.В. Островского. Новосибирск, 2006. С. 41–48.

³ ГАКК. Ф. 117. Оп. 1. Д. 598. Л. 7.

3. Казарян П.Л. План П.Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании. Якутск, 2009.
4. Дамешек И.Л., Дамешек Л.М. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 гг.). Иркутск, 2009.
5. Ивонин А.Р. Сибирь 30-х гг. XIX в. глазами III Отделения // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении (XVIII – начало XX в.). Иркутск, 2008. С. 217–227.
6. Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993.
7. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978.
8. Ремнев А.В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX – начало XX в.): Материалы Междунар. науч. конф. Новосибирск, 2002. С. 100–105.
9. Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII – первой половины XIX вв. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск, 1992.
10. Шевченко Н.П., Антоненко Т.Ф. Некоторые аспекты переселенческой политики в Сибири во второй половине XIX века // Сибирь в изменяющемся мире. История и современность: Материалы Всерос. науч.-теор. конф., посв. памяти профессора В.И. Дулова. Иркутск, 2008. Кн. 2. С. 217–221.
11. История Ямала: в 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 2: Российская колонизация.
12. Бойко В.П. К вопросу о строительстве Московско-Сибирского тракта как основной транспортной магистрали Сибири в конце XVIII – первой половине XIX в. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX в. СПб., 2010. Вып. 3. С. 4–12.
13. Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке (1799–1871 гг.). Кемерово, 2013.
14. Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.). Барнаул, 1999.
15. Бочанова Г.А., Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А. Очерки истории благотворительности в Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Новосибирск, 2000.
16. Гончаров А.Е. Михаил Константинович Сидоров и неразрешенная проблема сибирского Севера // Енисейский Север: история и современность. Красноярск, 2011. Вып. 1. С. 73–82.
17. Разгон В.Н. Государственное регулирование хлебной торговли в Сибири во второй половине XVIII – первой половине XIX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2. С. 5–19.
18. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туроханского края Енисейской губернии: Машинопись. (Енисейский краеведческий музей).

Статья поступила
в редакцию 18.08.2014

УДК 94(47).084.3

А.А. НИКОЛАЕВ

ХЭНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИОБЬЕ: СОСТАВ УЧАСТНИКОВ И ОРГАНИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.*

д-р. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: agronicol@gmail.com

В статье анализируется исторический опыт потребительской кооперации по организации торговли и обеспечению жителей Севера продовольствием и промышленными товарами. Акцентируется внимание на одной из важных предпосылок появления кооперативов в труднодоступных районах, а именно: активности кооперативных союзов Сибири, расположенных в южных сельскохозяйственных зонах по налаживанию собственной сети и использованию речных и морских коммуникаций. Крупный кооперативный союз союзов потребительской кооперации (Закупсбыт) организовал в августе – сентябре 1919 г., через р. Обь и Северный морской путь товарообмен между Сибирью и Западной Европой.

Хэнское общество потребителей в Обдорском районе Тобольского округа Уральской области было организовано в феврале 1920 г. по инициативе местных жителей, проживавших и кочевывших в бассейне Обской губы. Специфика торгово-экономической деятельности общества обуславливалась природно-географическими факторами и особенностями национального состава, образа жизни и потребностями северян. Зона деятельности кооператива охватывала селения Хэнского и Тазовского сельсоветов и кочевое население Ямальской и Низовой тундры. Район обладал 20 богатыми рыболовными угодьями, а тундра изобиловала ценными пушным зверем.

Потребительский кооператив охватывал значительную часть взрослого населения. На 1 июля 1925 г. в нем состояло 257 членов-пайщиков, большая часть из которых принадлежала к малочисленным народам Севера – самоедам и зырянам (222 чел. или 86,4 %), занимавшихся оленеводством, звероловством, рыболовством и кочевывших по тундре. Русское оседлое население в кооперативе (15 из 33 чел.) выполняло управленческие функции. Значительные средства общество тратило на культурно-массовую деятельность, что являлось верным индикатором успешности хозяйственной работы. Несмотря на тяжелые экономические обстоятельства первых лет нэпа и географическую отдаленность района, общество оказалось вполне жизнеспособным и соблюдало кооперативные принципы организации.

Ключевые слова: Хэнское общество потребителей, потребительская кооперация, кооперативные союзы Сибири, торговля, Северный морской путь.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

Изучение исторического опыта хозяйственного освоения российской Арктики приобретает все большую актуальность в связи с вовлечением в хозяйственный оборот новых сырьевых источников. Уже на рубеже XX–XXI вв. здесь добывалась основная часть природного газа и нефти, половина улова рыбы и морского зверя. Располагая 9 % трудовых ресурсов и 15 % основных фондов, Север производил почти пятую часть национального дохода России. Благодаря Северу страна занимала и занимает ведущее место в мировой добыче пушнины и является одним из основных ее поставщиков на международный рынок. Охота, рыболовство и оленеводство по-прежнему являлись основой традиционного хозяйства малочисленных народов Севера[1].

Для функционирования системы жизнеобеспечения коренных жителей и мигрирующего населения важную роль играла потребительская кооперация, организационную основу которой составляли общества потребителей. Представители коренных малочисленных народов не были подготовлены к промышленному труду, а для повышения эффективности ведения традиционных занятий и промыслов и обслуживания их потребностей более адекватными представлялись малые кооперативные формы хозяйствования. Потребительские кооперативы обеспечивали продовольствием, промышленными товарами, припасами и материалами охотников, рыболовов, оленеводов и занимались сбытом рыбы, пушнины, животного и растительного сырья и тем самым способствовали сглаживанию негативных социальных последствий проникновения индустриального производства.

В современных условиях возрождение потребительской кооперации происходит в северных российских регионах с большими трудностями. Главы администраций многих арктических регионов обращаются в правительство с предложением разработать меры государственной поддержки для предприятий потребительской кооперации и получают незначительную поддержку в форме льготных кредитов. Однако их выделение по линии Россельхозбанка не всегда адекватно воспринимается местным населением, утратившим исторический опыт самоорганизации и предприимчивости. Выделяемые кредиты расцениваются как разовая финансовая помощь сверху. Селяне не понимают сущности кооперации как добровольной инициативной организации самих участников. В северной части Республики Саха в 2007 г. только в четырех арктических улусах были созданы потребительские кооперативы, охватившие 522 чел., что явно не отвечало социальным и хозяйственным возможностям и потребностям населения региона¹.

В связи с этим обстоятельством анализ реализации и жизнеспособности кооперативных принципов социально-экономической организации применительно к экстремальным условиям Севера является

не только актуальной научной, но и практической задачей. Изучение форм и методов хозяйствования кооперативных организаций, выявление их роли в освоении северных территорий позволит найти адекватные современным условиям способы мобилизации потенциальных ресурсов, пробудить инициативу и самостоятельность северян в решении экономических и социально-культурных вопросов, создать предпосылки для стабильного закрепления кадров. Как показал исторический опыт, объединяясь в кооперативные союзы, низовые кооперативы способны участвовать в международной торговле через Северный морской путь.

Кооперативная проблематика применительно к Арктике относится к числу наименее разработанных в отечественной историографии. Частично вопросы кооперативного строительства на севере Западной Сибири затронуты в работах В.В. Аксарина, который осветил деятельность Обь-Иртышского союза кооперативов и Северосоюза, определил численность и состав пайщиков потребительской кооперации в основном в 1930–1950-е гг. [2, с. 41–79]. Более ранний период изучен весьма фрагментарно.

Начало формирования и развития кооперативных форм хозяйствования в российской арктической зоне относится к первым десятилетиям XX в., когда стали появляться различные формы кооперативов, охватывающие все стороны хозяйственной жизни малочисленных народов Севера и конкурирующие с частными скупщиками. Но только с 1920-х гг. при активной поддержке государства и Центросоюза кооперация на севере получила заметное развитие. Сама потребительская кооперация развернула сеть магазинов и факторий, обеспечивая значительную часть товароснабжения северных территорий.

Создание потребительских кооперативов в северных широтах во многом обуславливалось потребностью местного населения в доступных по цене продовольственных и промышленных товарах и в выгодном сбыте продуктов промыслового хозяйства. К тому же кооперативы как самостоятельные организации предоставляли своим участникам право личного участия и контроля над финансово-хозяйственной деятельностью. Одной из важных предпосылок появления кооперации на Севере являлась активность кооперативных союзов Сибири, расположенных в южных сельскохозяйственных зонах, по налаживанию собственной сети и использованию речных и морских коммуникаций.

Река Обь в годы Гражданской войны использовалась не только правительством Белой армии адмирала Колчака для обеспечения вооружением и обмундированием через организацию и проводку Карских рейсов из Архангельска в Обскую губу (бухта Находка), но и крупнейшим потребительским кооперативным союзом союзов Сибири – Закупсбытом. Доставка грузов из Западной Европы в обмен на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие представлялась не только возможной, но и относительно безопасной. В конце 1917 г. Закупсбыт (объединение в основном потребительских союзов, на который приходилось около 40 %

¹ Рупасова К. Потребительская кооперация в помощь Арктике // Ил Тумэн. 2007. 9 марта

розничного регионального товарооборота) вступил в переговоры с паровой компанией Ионаса Лида по организации Карской экспедиции. Переговоры не привели к конкретным результатам, поскольку в обмен на сибирскую валюту – масло и пушнину, предлагались неходовые галантерейные товары и перочинные ножи, в то время как Сибирь нуждалась в сельскохозяйственных машинах и инвентаре, металле, оборудовании для маслоделия. К тому же кооператоры теряли часть прибыли, оплачивая посреднические услуги частной компании. Сумма потерь могла быть внушительной, так как к началу 1918 г. на складах потребительской кооперации скопились большие партии пушнины, заготовленной на комиссионных началах, а маслодельные артели проявили настойчивую заинтересованность в сбыте масла через собственные торговые конторы за рубежом. Разочарованные в посреднических услугах частной фирмы кооператоры организовали в конце 1918 г. собственные конторы в Лондоне и Нью-Йорке².

Лондонская контора Закупсбыта, получив валютный кредит на шесть месяцев от отделения Московского народного (кооперативного) банка, начала активную закупку товаров для Карской экспедиции. За первое полугодие 1919 г. вся сумма валюты ушла на приобретение сепараторов и клепки (дощечек для изготовления бочонков) для маслоделия. Одновременно велись переговоры о фрахте парохода для доставки промышленных товаров из Англии и Скандинавии к устью Оби. Для экспорта предполагалось доставить на шести баржах в г. Березов пшеницу, размолоть ее здесь на мельницах Закупсбыта, а также подготовить к отправке партию сибирского масла и сырья. В мае – июне 1919 г. в обмен на закупаемую за рубежом продукцию началось формирование встречного каравана речных судов в верхнем и среднем течении Оби для их последующей доставки в бухту Находка.

Несмотря на многочисленные препятствия, в августе–сентябре 1919 г. товарообмен состоялся. С двух пароходов, прибывших в бухту Находка, было отгружено около 80 тыс. пудов грузов, которые по прибытии в Новониколаевск вначале разместились на баржах в 3 верстах от города. В акте о приемке товаров от 20 сентября 1919 г. приводился подробный перечень товаров: 589 бочек сельдей, 1319 мешков сахара, 40 бочек борной кислоты, 53 места табака, 11 земельных и лесопильных машин и 1571 ящик прочих товаров. Всего по записям приемщиков принято 3583 места различных грузов. Состав прибывших товаров не соответствовал закупкам, произведенным в Западной Европе. Вместо запланированного оборудования и припасов для маслоделия прибыла селедка, принадлежавшая не Закупсбыту, а одному из руководителей известной компании «Гудзон-Бей» Армистеду, принявшему непосредственное участие в экспедиции. По некоторым сведениям, нежелательная рокировка

произошла из-за срыва погрузки оборудования для маслоделия в скандинавских странах.

Самой крупной экспортной позицией оказалось сибирское масло – 6989 бочонков, или примерно 355 т. Согласно существующему стандарту масло укупоривалось в буковые бочонки чистым весом 50,8 кг (один англоцентнер). Кроме того, было выгружено 1394 мест (ящиков) льняного семени, 110 – козлины, 159 – оленьих шкур, 511 – шерсти джебага, 62 – пушнины, 50 – зайца, 42 – пеньки, 58 – льна. Мука в качестве экспортного товара не зафиксирована [3, с. 178].

Достаточно оживленная торговля по Оби не осталась незамеченной местным оседлым и кочевым населением в низовьях реки. Оно увидело в кооперативной форме организации большие экономические выгоды и проявило исключительную заинтересованность и инициативу. Один из характерных примеров социальной активности северян зафиксирован в акте обследования Хэнского общества потребителей Обдорского района Тобольского округа Уральской области, который составил инструктор Тобсеверосоюза С.Г. Соловьев в июне 1925 г. Подлинность документа зафиксировал инструктор-секретарь Северосоюза А. Урусов³.

Хэнское общество потребителей в Обдорском районе Тобольского округа Уральской области было организовано в феврале 1920 г. по инициативе местных жителей, испытывавших острый дефицит продовольственных и промышленных товаров после окончания Гражданской войны. Специфика торгово-экономической деятельности общества во многом обуславливалась природно-географическими факторами и особенностями национального состава, образа жизни и потребностями северян. Село Хэ Обдорского района находилось на значительном удалении от окружного центра – Тобольска. Северный завоз осуществлялся в сжатые сроки летней навигации, а расстояние по водным магистралям от Тобольска составляло 1900 верст. По зимнему насту путь укорачивался на 200 верст, но транспортировка грузов на оленях была нерентабельной. Этот вид северного гужевого транспорта подходил для условий местного рынка и развоза товаров по факториям. Таким образом, основными торгово-транспортными коммуникациями служили летом р. Обь и ее притоки, а зимой санные пути.

Село Хэ находилось от райцентра с. Обдорское примерно в 300–400 верст. Но огромные расстояния, создававшие объективные трудности в снабжении местного населения продовольствием и промышленными товарами и вывозе предметов промысла местного хозяйства, оказались преодолимыми, так как район обладал богатейшими природными ресурсами, в которых была заинтересована перерабатывающая промышленность юга Западной Сибири, а также экспортные организации. Зона деятельности кооператива охватывала селения Хэнского и Тазовского сельсоветов и кочевое население Ямальской и Низовой тундры. Район обладал 20 богатыми рыболовными угодьями, а тундра

² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 484. Оп. 7. Д. 11. Л. 11–12.

³ РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 714. С. 259–240 об.

изобиловала ценными пушным зверем песцом. В лесной местности водились белки и горностаи.

В зоне обслуживания кооператива находилось 2183 чел., в том числе 1727 чел. относилось к кочевым и полукочевым народом, представленным зырянами, самоедами и остяками. Однако учесть в полном объеме численность кочующего по тундре населения не представлялось возможным, а данные учета сельскохозяйственный налог. Кочевники занимались в основном рыболовством, звероловством и оленеводством. Численность оседлого населения составляла 456 чел., в том числе 177 – русских, 249 зырян, 20 самоедов, 2 остяка и 8 – прочих национальностей. Средний состав русской семьи насчитывал 4,9 чел., а второго многочисленного этноса – зырян – 6 чел. Основная часть оседлого населения проживала в двух наиболее крупных селах – Хэ и Норэ, которые выступали в ка-

честве опорных резиденций общества потребителей (табл. 1).

Хэнский потребительский кооператив охватывал значительную часть взрослого населения. На 1 июля 1925 г. в нем состояло 257 членов-пайщиков, большая часть которых принадлежала к малочисленным народам Севера – самоедам и зырянам (222 чел., или 86,4 %), занимавшихся оленеводством, звероловством, рыболовством и кочевавшим по просторам тундры. Русское оседлое население в кооперативе (15 из 33 чел.) выполняло управленческие функции, а другие занимались рыболовством (см. табл. 2). Учетное оседлое население было кооперировано на 75,6 %, а кочевое – на 54,7 %. Уровень кооперированности населения заметно превосходил южные районы Сибири, что отражало большую заинтересованность северян в кооперации, а также отсутствие или плохую работу альтернативных каналов товарного обеспечения.

Т а б л и ц а 1

**Численность, национальный состав и основные занятия населения
в зоне действия Хэнского общества потребителей в 1925 г.***

Село, поселок Категория населения	Численность населения	В том числе					Занятия		
		русские	зыряне	самоеды	остяки	прочие	Рыбаки, звероловы, оленеводы	Прочие	Служащие
Хэ	204	137	43	20	2	2	26	6	10
Норэ	185	5	174	–	–	6	29	–	2
Ныда	26	13	13	–	–	–	3	–	–
Кутюпюган	23	4	19	–	–	–	3	–	–
Ярциги	2	2	–	–	–	–	–	–	1
Ярсали	7	7	–	–	–	–	1	–	1
Надым	9	9	–	–	–	–	2	–	–
Итого оседлых	456	177	249	20	2	8	64	6	14
Полукочевых	481	–	–	–	–	–	Рыбаки и звероловы		
Кочевых	1246	1	249	–	–	1	Звероловы, оленеводы		
Всего	2183	178	498	–	–	9	–	–	–

*Составлена по: РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 714. Л. 259.

Т а б л и ц а 2

Численность и состав членов Хэнского общества потребителей на 1 июля 1925 г.*

Всего по национальности		В том числе						
		По мобильности			По занятиям			
		Оседлые	Неоседлые	Кочевые	Рыболовы	Оленеводы и звероловы	Служащие	Прочие
Русские	33	33	–	–	15	–	14	4
Самоеды	195	3	4	188	6	188	1	–
Зыряне	27	27	–	–	23	–	1	3
Татары	2	2	–	–	–	–	–	2
Итого	257	65	4	188	44	188	16	9

*Составлена по: РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 714. Л. 259 об.

Кооперативная сеть являлась наиболее устойчивой. Центральная лавка Общества потребителей располагалась в с. Хэ, отделения Общества – в с. Норэ в 70 км от правления, пос. Кутопьеган – в 40 км, а также в пос. Таз (Тазовский сельсовет), удаленном на 500 км. Параллельно действующие государственные торговые организации, такие как Облгосторга, Хлебопродукт, Облгосрыбпром, Центральное акционерное торговое общество (ЦАТО), на момент обследования закрыли свои операции полностью или частично, и обороты государственной торговли остались неизвестны. Частная торговля в районе отсутствовала.

О значении кооперативной торговли косвенно можно судить по количеству торговых точек в зоне Хэнского сельсовета. Здесь из 13 торговых лавок 3 принадлежали Обществу потребителей и, следовательно, не менее четверти местного товарооборота находилось в руках потребительской кооперации. Оборот же Тазовского отделения общества потребителей был незначителен, и основная торговля в этом отдаленном районе осуществлялась Облгосрыбпромом.

В Обществе отмечался высокий уровень инициативы и самостоятельности членов. На прошедшем по инициативе рядовых пайщиков 5–6 июня 1925 г. общем собрании был переизбран весь состав правления и доизбрана ревизионная комиссия. Но в связи со своеобразными условиями района и огромной разбросанностью кочевого населения явка не всегда была удовлетворительной. «Мотором» кооператива являлось оседлое местное население. Кочевники не всегда своевременно могли получить уведомление о дне проведения собрания. Поэтому общее собрание считалось правомочным при наличии 20 % членопайщиков.

Общество потребителей не занималось непосредственно культурно-просветительной работой, но оказывало значительную материальную поддержку избам-читальням и общеобразовательным школам в с. Хэ и с. Норэ. При лавке Общества потребителей существовала книжная полка, но ее востребованность в связи с неграмотностью кочевого населения была невысокой. Оборот книжной торговли не приносил коммерческих доходов. Из немногочисленных книг, имевшихся в лавке, относительно большим спросом пользовалась политическая литература и беллетристика. Общество выписывало 5 экз. газеты «Северянин» и по 1 экз. журнала «Наш край», «Уральский кооператор», «Бюллетень окрисполкома». По смете 1924/25 г. было ассигновано на разные пожертвования 1000 руб. Эти средства направлялись в подшефные школы, избы-читальни и на организацию уголка матери и ребенка. Потраченная сумма составляла пятую часть прибыли, полученной обществом по балансу на 1 октября 1923 г. в размере 4780 руб.⁴ Значительные расходы на культурно-массовую деятельность служили верным индикатором успешности хозяйственной работы и соблюдения рочдейлских принципов английских ткачей в суровых

северных широтах. Несмотря на тяжелые экономические обстоятельства первых лет нэпа, общество оказалось вполне жизнеспособным. Динамика финансовых показателей кооператива с 1 октября 1923 г. по 1 июля 1925 г. свидетельствовала о неуклонном росте оборотных средств. На 1 октября 1923 г. Общество обладало собственными оборотными средствами в размере 5617 руб., имело пай в других учреждениях 1500 руб., паевой капитал 1843 руб. и недвижимое имущество на 387 руб.

Коммерческую деятельность кооператива следует признать успешной в сравнении с другими торговыми зимой организациями (ЦАТО, Госторг, Хлебопродукт), которые прекратили свою деятельность либо на летнее время, либо совсем. Летом, кроме Общества потребителей, в с. Хэ работала только торговая лавка Облгосрыбпрома. Поскольку ценовая политика регулировалась Райкомвнуторгком, цены на основные товары – муку ржаную и мануфактуру – устанавливались одинаковыми для всех организаций, одинаковыми они были и на продукцию промыслового хозяйства в период зимнего заготовительного сезона. Следовательно, конкурентоспособность кооператива обуславливалась его внутренними преимуществами. Наличие собственных оборотных средств и паевого капитала позволяло работать без кредитного обеспечения банков.

Однако высокие транспортные издержки снижали рентабельность хозяйственной деятельности. Товары в Общество доставлялись по р. Обь в период непродолжительной летней навигации. Выгодность доставки грузов для кооперации, казалось бы, самым дешевым речным транспортом обесценивалась из-за мелкой прибрежной водной полосы и неудобства пристани в с. Хэ. С крупных пароходов и барж товары перегружались на маломерные суда и доставлялись на берег. Цена разгрузочных работ составляла 17 коп. за пуд, что составляло 13,2 % от цены фрахта на пароходе за доставку 1 пуда груза. В результате цены на такие громоздкие весовые товары, как мука, масло, соль, значительно увеличивались в розничной торговле. Торговая комиссия при Обдорском райисполкоме устанавливала в связи с этим для всей розничной сети отпускные цены с надбавкой в 10 %. В результате этого Общество потребителей по ряду основных товаров несло убытки, уценив товары ниже их себестоимости.

Таким образом, деятельность Общества потребителей в с. Хэ в первой половине 1920-х гг. свидетельствовала о весьма полной кооперативной идентичности данной организации. Соблюдались принципы добровольности, экономического участия, отмечалось отсутствие дискриминации по национальному признаку, часть прибыли отчислялась на культурную деятельность. Не вполне демократичной нормой являлось представительство 20 % участников для кворума на общих собраниях. Но условия Севера в этом смысле оказались тождественными чрезвычайным условиям Гражданской войны на юге Сибири, когда на сокращение этой нормы пошли многие потребительские об-

⁴ РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 714. Л. 260.

щества в городах. Кооперативная форма организации позволяла преодолевать неблагоприятные транспортные и природно-климатические условия, она оказалась вполне конкурентоспособной по сравнению с другими торгово-хозяйственными организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хмара Н., Голотвин Ж. Борьба за выживание народов Севера // Обозреватель – Observer. 1993. № 14. С. 36–48.

2. Аксарин В.В. Становление кооперативной системы // Сибирский Север в конце XIX–первой половине XX вв. (1890–1950 гг.): социально-экономические и культурные аспекты. Тобольск, 2012. С. 41–79.

3. Николаев А.А. Карская торговая экспедиция сибирской потребительской кооперации 1919 г. // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность. Иваново. 2004. С.175–178.

Статья поступила
в редакцию 14.08.2014

УДК 353.8(98) “1920/1980”

А.И. ТИМОШЕНКО

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В АРКТИКЕ В 1920-1980-е гг.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: timoshenkoai@ngs.ru

В статье представлены проблемы, связанные с разработкой и реализацией моделей государственного управления в Арктике в советский период, анализируются основные принципы регулирования социально-экономических и политических процессов на арктических территориях СССР. Работа носит постановочный характер, так как особенности советского государственного управления в Арктике пока не достаточно полно рассмотрены в историографии. Автором сделана попытка определить основные факторы и приоритеты советской государственной политики на северных территориях страны. В результате сделаны выводы, что проблемы государственного управления в Арктике в советский период могут рассматриваться, с одной стороны, в рамках методологического и концептуального поиска, связанного с существованием мировой циркумполярной цивилизации, а с другой – в условиях динамики общероссийского государственного развития. Отмечено, что практически на все процессы жизнедеятельности в Арктике большое влияние оказывали изменения в государственной стратегии, направленной, в первую очередь, на включение северных территорий в народнохозяйственный комплекс СССР. При этом в основном использовались мобилизационные методы и механизмы, оказывающиеся наиболее эффективными в достижении поставленных целей.

Отмечено, что мобилизационная модель управления арктическими территориями СССР сохранялась практически до конца советского периода. Конкретные формы и методы менялись, но общие целевые установки, заданные из центра государственного управления оставались неизменными. Советские модели государственного управления арктическими территориями в итоге отражали необходимость использования минерально-сырьевых и прочих природных ресурсов Арктики как для обеспечения внутренних потребностей страны, так и для укрепления ее позиций на международной арене.

Ключевые слова: Арктика, модели государственного управления, административно-территориальное устройство, мобилизационные решения, минерально-сырьевые ресурсы.

Проблемы государственного управления на арктических территориях СССР в отечественной историографии специально не исследовались. Они, как правило, изучались, с одной стороны, в контексте общих социально-экономических процессов, связанных с транспортным, хозяйственным или социально-демографическим развитием, а с другой – в плане исследования специфического перехода коренных народов Севера от традиционного образа жизни к современно-

му [1]. В результате при наличии, казалось бы, обилия исторической литературы изучение особенностей государственного управления в Арктике в советский период так и не представлено. Предметом рассмотрения в историографии не стали ни процессы организации здесь самой системы государственного управления, ни деятельность центральных и региональных органов власти, намечавших на различных этапах развития государства определенные цели и затем строивших планы по их достижению. Между тем советский опыт может быть полезен при освоении новых территорий, богатых природными ресурсами и находящихся в суровых природно-климатических условиях.

*Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, №44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

В историографии существует мнение, что арктические регионы развиваются не только в рамках своих национальных геополитических и экономических стратегий. На их развитие в большей мере оказывают влияние общие закономерности развития мировой циркумполярной зоны, обладающей неким природно-географическим единством, согласно которому северная специфика жизни населения и образа хозяйствования может рассматриваться не столько как фон для региональных процессов, сколько как сама сущность развития того или иного арктического региона. Такой вывод сделан на основе проведения компаративных исследований, засвидетельствовавших тот факт, что в арктических регионах разных стран присутствуют общие тенденции и мотивации развития. Наиболее заметно это проявляется на примере ресурсной эксплуатации, которая подчиняется как принципам национальной экономической политики в той или иной стране, так и стратегии «северной целесообразности», как правило, мало зависящей от наличия конкретных политических и экономических систем, а также национальных традиций [2, с. 14].

Данное мнение позволяет нам определиться концептуально и методологически и показать, что российская Арктика исторически развивалась как регион с характерными природно-географическими особенностями в рамках единой мировой системы циркумполярной цивилизации. Вместе с тем, на динамику практически всех сторон жизни населения в арктических регионах Российского государства оказывали влияние и главные стратегические принципы государственной политики, связанные с необходимостью в тот или иной период включения северных территорий в общее социально-экономическое развитие страны.

На наш взгляд, проблематика исследования специфики советского государственного управления социально-экономическим и политическим развитием арктических территорий вполне может вписаться в рамки вышеобозначенных закономерностей. Кроме того, она также может служить отражением наиболее важных и ключевых событий отечественной истории, связанных как с объективными обстоятельствами, так и субъективными факторами общегосударственного развития, которые оказывали свое влияние и за Полярным кругом. В целом важно продемонстрировать, что центральная государственная власть, как правило, выстраивала такие модели управления северными территориями, которые позволяли ей использовать их ресурсную базу для экономического и политического развития государства.

Уже в 1920-е гг. советское правительство рассматривало Арктику как зону реализации важнейших национальных интересов. Акцентировалось внимание на обустройстве Северного морского пути, признававшегося необходимой для полноценного государственного развития транспортной магистралью, поскольку она являлась кратчайшим расстоянием между западом и востоком страны – портами Мурманском и Владивос-

током. Северный морской путь полностью проходил вдоль границ государства и не зависел от международных отношений в тот или иной период времени по сравнению, например, с южным проходом через Суэцкий канал. Кроме того, он вместе с реками Сибири составлял глобальную транспортную сеть, охватывающую своим влиянием огромную территорию. Поэтому его обустройство, создание крупнотоннажного речного флота в северных районах Сибири, оживление там хозяйственной жизни в целом оценивалось советским правительством в качестве важнейшей задачи региональной политики.

Вторая часть советских планов была связана с всесторонним изучением природных ресурсов Арктики и включением их в развитие народнохозяйственного комплекса СССР. Это намечалось уже в плане ГОЭЛРО. Проведенные в его рамках горно-геологические изыскания на Таймыре под руководством Н.Н. Урванцева позволили выдвинуть на повестку дня решение норильской проблемы, которая определила затем создание в российской Арктике крупнейшего в мире горнопромышленного комплекса по производству цветных металлов.

Первые модели советского государственного управления, разрабатывавшиеся в 1920-е гг., основывались на историческом опыте, полученном в имперский период. Вместе с тем советское правительство предпринимало попытки реагировать на вызовы времени, связанные с необходимостью установления своей власти в условиях иностранной интервенции и Гражданской войны. Советские мероприятия также были направлены на организацию в районах Крайнего Севера России экономических и социокультурных процессов.

Для реализации разноплановых целей советское правительство, с одной стороны, стремилось организовать на северных территориях свои политорганы по типу ревкомов, а с другой – туземные советы, более понятные местному населению. В целом же это были специфические органы государственной власти, которые одновременно должны были решать как политические, так и социально-экономические задачи, способствовавшие сохранению того потенциала, который был накоплен в имперский период. Кроме того, ставились цели подключения северных ресурсов к решению задач индустриальной модернизации хозяйственного комплекса страны. Поэтому объектом государственного управления в идеале рассматривались как моделируемые политические и социально-экономические процессы, так и реально существовавшие общественные институты, отражающие интересы самых различных этносоциальных и этнокультурных групп северного населения.

После победы над белыми советская власть в Арктике решала в первую очередь политические задачи, связанные с укреплением своих позиций. Через систему органов государственной власти предпринимались попытки обложить население продразверсткой, а затем продналогом для обеспечения поставок в государ-

ственные закрома пушнины, рыбы и других продуктов северного труда. Чтобы сохранить местный трудовой потенциал для пользы общегосударственного развития советским правительством разрабатывались идеи организации различных форм национальных автономий в виде сельских советов, национальных районов, которые, как предполагалось, будут более понятными для северян, особенно для представителей коренных народностей.

Такая государственная организация жизни населения на северных территориях стала давать свои плоды только во второй половине 1920-х гг., когда более стабильно стали осуществляться конкретные мероприятия по восстановлению регулярного снабжения товарами и продовольствием, поддержке рыболовецких и охотничьих промыслов местного населения, особенно традиционных занятий коренных народов Севера. С 1924 г. при Президиуме ВЦИК был учрежден Комитет содействия народностям северных окраин с сетью отделений на местах, который должен был защищать интересы коренных национальностей. Его руководитель П. Г. Смидович, старый большевик, откровенно заявлял, что видит задачу Комитета, прежде всего, в советизации малых народностей, в том, чтобы каждый кочевой народ дожил до «самостоятельного бытия в виде самоуправляющейся хозяйственно-политической единицы. День завершения советизации северных туземных районов будет последним днем существования Комитета Севера»[3, с. 14].

Надо отметить, что специальные органы местного управления с элементами родоплеменной социальной организации, так называемые туземные советы и райисполкомы, вначале положительно воспринимались коренными народами Севера. Они решали многие текущие проблемы их жизни и хозяйствования. Однако, по мнению ряда представителей советского политического управления того времени, «плохо вписывались в реализацию общегосударственной политической стратегии». Под руководством своих туземных органов «отсталые» коренные народы Севера не желали строить социализм. По данным Л. В. Алексеевой, Уральский комитет Севера 15 января 1929 г. в решении о деятельности туземных советов отметил, что «туземные советы оказались совершенно не приспособлены к проведению в гуще туземных масс директив правительства»[4, с. 125–126].

В 1930–1931 гг. туземные органы местной власти в Арктике были объявлены изжившими себя и заменены территориальными, которые могли более организованно следовать центральным директивам, решать крупные общегосударственные задачи. Особыми постановлениями Президиума ВЦИК в СССР было образовано сразу несколько национальных округов: Остяко-Вогульский (затем Ханты-Мансийский), Ямало-Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий), Эвенкийский, Витимо-Олекминский (вскоре упразднен), Корякский и Чукотский. Границы новых национальных образований проводились с учетом данных Приполярной похозяйственной переписи, проведен-

ной Административной комиссией ВЦИК и Комитетом Севера[5, с. 6].

В результате преобразований в системе государственного управления национальные округа на северных территориях СССР занимали площадь более 4 млн км² и объединили 14 крупных народов Севера из 26. Согласно Положению об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР, каждый национальный округ имел свой бюджет, входящий отдельной строкой в бюджет соответствующего края или области. Окрисполкомам поручалось составление планов хозяйственного и социально-культурного развития каждого округа, которые также включались в областные и краевые планы в качестве особой части. В национальных округах учреждались окружные суды и прокуратуры. Окружные съезды Советов получали право устанавливать в соответствии с действующим законодательством местные налоги и сборы, утверждать распределение доходов и расходов между окружным бюджетом и бюджетом районов, входящих в округа, разрешать вносить свои предложения, касавшиеся вопросов местного значения, в вышестоящие государственные органы. Национальные окрисполкомы получали право обращаться во ВЦИК и СНК РСФСР с предложениями об отмене или изменении постановлений и распоряжений различных властных инстанций, если они не соответствовали особым условиям национальных округов и районов Крайнего Севера¹.

В процессе решения политических и экономических задач советское государственное управление изначально настраивалось на использование мобилизационных методов управления, которые в условиях Крайнего Севера признавались наиболее эффективными. Этот факт отмечался советским правительством уже в процессе организации перевозок по Карскому пути. В 1920 г. в пароходствах, связанных с перевозками по Северному морскому пути, были созданы политотделы и институт комиссаров – по опыту армейских политических органов. Организованные Главполитпутя и Главполитвод внимательно следили за соблюдением на подведомственных предприятиях строжайшей дисциплины и ответственности за порученное дело, что касалось всех участников событий без исключения. Политотделы от имени советского государственного управления были уполномочены вмешиваться во все производственные дела транспортных предприятий, принимать решительные меры по их обеспечению всем необходимым, в том числе кадровым составом [6, с. 22–24].

Затем мобилизационная модель государственного управления в различных формах и интерпретациях отработывалась и реализовывалась на арктических территориях СССР в течение всего советского периода, успешно способствуя решению задач государством,

¹ Положение об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР. // Советский Север. 1931. №10. С. 173–174.

в основном в целях форсированной индустриальной модернизации в стране. Этой цели должны были соответствовать все проводимые административно-территориальные преобразования на территории Арктики. Органы государственной власти всех уровней действовали, как правило, на основе принципов централизованного вертикального управления. Они на ограниченном возможностях пространстве, в экстремальных природно-климатических условиях должны были комплексно решать все ключевые проблемы жизнедеятельности и жизнеобеспечения северян и одновременно выполнять целевые установки, исходившие от центрального правительства, не особо учитывая региональные потребности и возможности.

В условиях пионерного освоения северных территорий СССР такая система государственного управления сыграла свою определяющую роль. Все основные решения о строительстве крупных предприятий, создании организаций и проведении различных мероприятий, связанных с этим, принимались ЦК ВКП (б), иногда совместно с СНК СССР. Центральная государственная власть давала широкие полномочия на северных территориях не столько местным органам управления, сколько крупным хозяйствующим субъектам, организациям комплексного типа, которые специально создавались как для решения определенных производственных проблем (строительства предприятий, транспортных коммуникаций и т.д.), так и для организации жизни населения на подведомственных им территориях.

Производственно-транспортные организации в Арктике занимали важное место в системе государственной власти СССР, ее иерархических уровней, они участвовали как в подготовке и принятии государственных решений в Арктике, так и затем в их реализации. Наиболее ярким примером в этом отношении являлась деятельность Главного управления Северного морского пути (Главсевморпути), созданного в декабре 1932 г. и подчинявшегося непосредственно СНК СССР. Управление занимало важное место в иерархии государственной власти в Арктике, закрепленное юридически специальным постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 20 июля 1934 г., в котором говорилось, что вся хозяйственная и научно-исследовательская деятельность в Арктике должна проводиться под руководством Главсевморпути. Были установлены также территориальные границы влияния этой специфической управленческой организации. В европейской части страны они распространялись на острова и моря Северного Ледовитого океана, а в азиатской – на всю территорию к северу от 62-й параллели. Согласно этому постановлению все предприятия союзного значения, расположенные на данной территории, переходили в ведение Главсевморпути. Организация по своему усмотрению формировала свой кадровый потенциал, проводила мероприятия по подготовке и закреплению кадров, страхованию их жизни и трудоспособности в северных условиях. Это важное постановление, прежде всего, преследовало цель – обозначить государ-

ственный характер деятельности Главсевморпути, которая не могла в силу своей национальной значимости распыляться по разным организациям и ведомствам [7, с. 481–486].

Своеобразие нового учреждения было хорошо показано ее руководителем О.Ю. Шмидтом на заседании коллегии ГУСМП при СНК СССР 28 ноября 1934 г. «Особенности Главсевморпути, – говорил он, – заключаются в том, что мы, хотя и работаем на правах наркомата, но мы не похожи на наркомат. Скорее мы являемся краем, но у нас есть функции центрального аппарата, но нет ряда функций края<...>. Дело заключается в том, что Север весь трактуется как единая проблема, имеющая в своей основе Северный морской путь<...>. Как только было показано, что Северный морской путь существует, так и появилась основная идея, объединяющая хозяйство Севера. На этой основе и идет все развитие Главсевморпути. Мы – боевой орган для поднятия на Севере экономики на основе Северного морского пути» (цит. по: [8, с.15]).

Управление «Главсевморпуть», по сути дела, являлось организацией территориальной власти мобилизационного характера, действующей через систему своих политорганов и административно-управленческих структур. Она в 1930–1950-е гг. практически руководила развитием всего комплекса транспортной, промышленной, научно-исследовательской и торговой деятельности в Арктике. На Главсевморпуть возлагались функции и социального управления многими отраслями экономики и исследований в Заполярье, жизнедеятельности местного населения. Влияние этой специфической организации распространялась на огромной территории Сибири – от бассейна Нижней Оби до Чукотки [9, с.258–262].

Реализация основных стратегических принципов государственной политики через деятельность крупных производственных организаций в освоении северных районов была характерной в СССР. Она получила широкое распространение в годы войны и в послевоенный период в связи с разворотом промышленного и транспортного строительства, поиском месторождений полезных ископаемых, увеличением масштабов комплексных научно-исследовательских работ в северных районах.

Таким образом, до начала 1930-х гг. в СССР происходил поиск моделей государственного управления северными территориями. Затем все более отчетливо наметился курс централизованного административно-территориального управления в рамках общей для страны модели, основанной на планово-директивных принципах решения всех социально-экономических и политических проблем, когда все главные импульсы развития задавались из единого центра. Особенностью советского государственного управления в Арктике являлось преобладание мобилизационных решений. Мобилизационная модель управления арктическими территориями сохранялась до конца советского периода. Конкретные формы и методы в связи с историческими условиями могли меняться, но об-

щие целевые установки, задававшиеся из центра государственного управления, оставались неизменными. Советские модели государственного управления арктическими территориями в итоге были связаны как с необходимостью социально-экономического развития Севера в целях обеспечения внутренних потребностей страны в минерально-сырьевых и прочих природных ресурсах, так и позиционированием СССР как крупной арктической державы на международной арене. Для реализации этих главных целей Арктики и Северный морской путь были включены в процессы межрегионального разделения труда в стране в условиях существования единого народнохозяйственного комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы к библиографии по истории Ямала. Екатеринбург, 2006. 214 с.
2. История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т.2, кн.1. 368 с.

3. Смидович П. Советизация Севера. // Советский Север. 1930. №1. С.14–18.
4. Алексеева Л.В. Взаимодействие хозяйственных систем Ямальского Севера в условиях НЭП и командно-административной экономики (1917–1929). Екатеринбург; Салехард, 2006. 188 с.
5. Гурвич И.С. К сорокалетию северных национальных округов // Летопись Севера. Т.6. М., 1972. С.5–27.
6. Булатов В.Н. КПСС – организатор освоения Арктики и Северного морского пути (1917–1980). М., 1989. 156 с.
7. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967). М.1967. Т.2: 1933–1940.
8. Славин С.В. Планирование деятельности Главсевморпути и первые исследования по экономике Северного морского пути // Летопись Севера. М.:Мысль. 1975. Т.7. С.15-22.
9. Тимошенко А.И. Мобилизационный характер освоения Арктики и Северного морского пути // Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири. Программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.). Новосибирск: Параллель, 2013. С. 245–286.

Статья поступила
в редакцию 12.09.2014

УДК 061.1(571):553.98(571.1)

Н.А. КУПЕРШТОХ

ВКЛАД СИБИРСКИХ УЧЕНЫХ В ИЗУЧЕНИЕ НЕФТЕГАЗОНОСНОСТИ АРКТИКИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX в.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: nataly.kuper@gmail.com

В настоящее время в Российской Федерации действует государственная комплексная программа изучения, использования и развития ресурсной базы Арктики, цель которой – обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах. Изучение Арктики становится необычайно актуальным в свете многих задач. Одна из них – подготовка Национального атласа Арктики, который должен объединить все имеющиеся знания о регионе, включая геологическое обоснование ресурсного потенциала недр.

В геологическом изучении Арктической зоны России участвовали многие академические организации. В статье рассмотрены результаты деятельности сибирских ученых – Западно-Сибирского филиала АН СССР, новосибирского Института геологии и геофизики, якутского Института геологии СО АН СССР – по истории прогнозного обоснования и открытия крупнейших месторождений Арктической зоны Сибири, разработке и реализации проектов освоения углеводородов Арктики. С организацией академических институтов в Сибири координация деятельности ученых в области изучения углеводородов Арктики поднялась на новый уровень. Впечатляющих масштабов эта координация достигла в рамках программы «Сибирь». Координаторами направлений этой программы являлись выдающиеся ученые-геологи: академики А.А. Трофимук, Н.В. Черский, В.С. Сурков, А.Э. Конторович, члены-корреспонденты В.Н. Сакс, И.И. Нестеров и др. Исследования, выполненные в рамках программы «Сибирь», повысили уровень фундаментальных и прикладных исследований, выводы ученых послужили основой планирования работ по обнаружению месторождений нефти и газа в регионе. Впервые перспективы развития Арктической зоны Сибири изучались комплексно – освоение природных ресурсов рассматривалось в тесной связи с решением социально-экономических и экологических проблем.

Совокупный вклад институтов СО РАН в проведение фундаментальных исследований Арктического региона России, решение проблем социально-экономического развития приполярных регионов, изучение геологии, биологии и экологии Арктики исключительно велик и еще ждет своего обобщения.

Ключевые слова: Арктика, углеводороды, Институт геологии и геофизики СО АН СССР, Институт геологии СО АН СССР, программа «Сибирь», А.А. Трофимук, В.Н. Сакс, Н.В. Черский, В.С. Сурков, А.Э. Конторович, И.И. Нестеров.

*Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного Президиумом РАН, № 44 «Россия в Арктике: исторический опыт и современные проблемы».

В Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным в 2013 г., намечена комплексная программа эффективного изучения, использования и развития ресурсной базы Арктики, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах. Естественно, подобные задачи ставились и ранее, и в изучении проблемы накоплен определенный задел. Существенный вклад в изучение проблем Арктики внесла Российская академия наук и ее региональные отделения – Уральское, Сибирское и Дальневосточное.

На открытии III Международного арктического форума в Салехарде в 2013 г. отмечалось, что научная деятельность институтов Якутского и Тюменского научных центров СО РАН практически полностью посвящена изучению проблем Арктики¹. Арктической тематикой активно занимаются институты Новосибирского, Красноярского, Томского и других научных центров СО РАН. Совокупный вклад институтов СО РАН в проведение фундаментальных исследований Арктического региона России, решение проблем социально-экономического развития приполярных регионов, изучение геологии, биологии и экологии Арктики исключительно велик и еще ждет своего обобщения.

Проблемам изучения геологического освоения Арктики и развития нефтегазовой геологии северных районов Сибири посвящены работы историков (В.В. Алексеев, В.П. Карпов, Г.Ю. Колева, М.В. Комгорт, В.А. Ламин и др.), экономистов (А.Г. Аганбегян, В.А. Крюков и др.), геологов и геофизиков (А.А. Трофимук, Н.Л. Добрецов, А.Э. Конторович, Н.П. Похиленко, В.Н. Сакс, М.И. Эпов и др.). Среди коллективных трудов последнего времени выделяются: «История Ямала» [1], «Траектории проектов в высоких широтах» [2], «История развития Института геологии и геофизики СО (АН СССР и РАН) и его научных направлений» [3], «Тюменский индустриальный “взрыв”: история мегапроекта» [4].

Это не исключает более детального изучения истории геологических открытий в Арктике, в частности, исследования вклада отдельных ученых и институтов в прогнозные обоснования углеводородного сырья северных районов Сибири. Статья подготовлена на основе изучения документов Научного архива Сибирского отделения РАН (НАСО), отчетов по программе «Сибирь», материалов конференций по развитию производительных сил Сибири.

Необходимо отметить, что знания о природных ресурсах Сибирского макрорегиона накапливались постепенно. В 20–30-е гг. XX в. прогнозные обосно-

вания поисков нефти и газа в Сибири дали такие ученые, как А.Д. Архангельский, И.М. Губкин, М.А. Усов. Крупный вклад в обоснование перспектив нефтегазоносности северных районов Западной Сибири внес В.Н. Сакс, работавший в составе арктических экспедиций Горно-геологического управления Главсевморпути². Изучив экспедиционные отчеты В.Н. Сакса, академик А.Э. Конторович пришел к следующим выводам: 1) методология и логика обоснования В.Н. Саксом перспектив нефтегазоносности севера Западно-Сибирской низменности в 1940-х гг. в полной мере соответствовала современному уровню подобных исследований для слабоизученных территорий; 2) В.Н. Сакс сделал первый после И.М. Губкина точный и несравненно более детальный прогноз нефтегазоносности значительной части Западно-Сибирской провинции; 3) в качестве основных объектов поисков нефти на севере Западной Сибири он обозначил территорию, которая по современному районированию входит в северные районы Надым-Пурской и Пур-Тазовской нефтегазоносных областей. Как оказалось, прогнозы В.Н. Сакса были подтверждены самой жизнью. Открытые на этой территории месторождения, включая такие газовые гиганты, как Уренгойское, Ямбургское, Заполярное и Медвежье, содержат свыше 30 % мировых разведанных запасов газа и значительные запасы нефти [5, с. 110].

В годы Великой Отечественной войны был создан Западно-Сибирский филиал (ЗСФ) АН СССР, в котором организован, в основном силами томских ученых, Горно-геологический институт. Профессор М.К. Коровин с коллегами обосновал прогнозы нефтеносности Западной Сибири, на основе которых руководители филиала добились в директивных органах организации поисковых исследований на территории Западно-Сибирской низменности. В ходе Северной экспедиции в арктические районы Западной Сибири сотрудники филиала опирались на отчеты В.Н. Сакса. Однако слабое финансирование филиалов АН не позволяло организовать исследования «широким фронтом» [6, с. 79]. Поэтому профессор М.К. Коровин предлагал вести поиск в «культурной полосе» Западной Сибири, а сотрудник ВСЕГЕИ Н.Н. Ростовцев – на севере региона. Директивные органы в какой-то момент сочли поиски нефти и газа на севере бесперспективными. В 1953–1954 гг. в Арктической зоне Западной Сибири геофизические работы были свернуты, лишь в 1958 г. принято решение об их возобновлении [4, с. 40, 69–70].

Особую нишу в изучении проблем углеводородов Арктики занимал новосибирский Институт геологии и геофизики СО АН СССР и его основатель академик А.А. Трофимук – первооткрыватель крупнейших нефтяных месторождений страны. Работая главным геологом Главнефтегазразведки, а затем возглавляя Всесоюзный нефтегазовый НИИ, А.А. Трофимук был в курсе нефтегазопроисловых работ в Сибири и давал

¹ Вклад Сибирского отделения РАН в развитие экономики и решение проблем экологии Арктического региона России. URL: <http://www.sbras.nsc.ru/press/articles/tscience/vklad-sibirskogo-otdeleniya-ran-v-razvitie-ekonomiki-i-reshenie-problem-ekologii-a> (дата обращения: 23 мая 2014 г.).

² НАСО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 484. Л. 74.

экспертные заключения по перспективам нефтегазоносности региона.

С организацией в 1957 г. в Новосибирске Института геологии и геофизики (ИГиГ) СО АН СССР – крупнейшего академического института страны – произошла кооперация ученых, работавших по различным направлениям геологической науки. Среди тех, кого А.А. Трофимук пригласил работать в ИГиГ, был крупнейший специалист по геологии Арктики В.Н. Сакс. А.А. Трофимук, директор института, так аргументировал свой выбор: «Владимир Николаевич Сакс. Знаком с ним еще по северным районам. Меня приглашали туда в качестве консультанта, я участвовал в некоторых комиссиях по северу и видел роль этого прекрасного стратиграфа, хорошо знающего мезозойские отложения, в которых мы намеревались найти первую большую нефть Западной Сибири» [7, с. 29–30].

При ИГиГ действовали несколько координационных научных советов: по теории образования и размещения эндогенных рудных месторождений Сибири и Дальнего Востока; по закономерностям размещения нефтяных и газовых месторождений; по проблеме тектоники Сибири и Дальнего Востока. Придавалось большое значение научному обоснованию перспектив нефтегазоносности не только Западной, но и Восточной Сибири.

В 20–50-е гг. XX в. северные территории оставались слабоизученными в геологическом отношении. С открытием нефтегазовых месторождений в Березове (1953 г.) и на Ямале (1962 г.) перед геологами страны были поставлены задачи комплексного изучения ресурсов Крайнего Севера. В ИГиГ сформировалось научное направление по изучению перспектив нефтегазодобычи и освоения природных ресурсов Арктики и северных районов СССР. Исключительное значение для освоения нефтяных богатств Севера, и в первую очередь Западной Сибири, имели возглавляемые членом-корреспондентом АН СССР В.Н. Саксом многолетние работы по разработке стратиграфической основы поисков нефти и оценке перспектив нефтеносности всего севера Сибири³.

По инициативе А.А. Трофимука в регионе произошло существенное расширение сети институтов, относящихся к группе наук о Земле, их кадровый потенциал был укреплен сотрудниками новосибирского ИГиГ. В 1970–1980-е гг. были организованы академические институты, руководителями которых стали выходцы из ИГиГ: Институт тектоники и геофизики в Хабаровске (Ю.А. Косыгин, Ч.Б. Борукаев), Геологический институт в Улан-Удэ (Ф.П. Кренделев, Н.Л. Добрецов), Читинский институт природных ресурсов, ныне Институт природных ресурсов, экологии и криологии (Ф.П. Кренделев, О.А. Вотах, А.Б. Птицын), Институт проблем освоения Севера в Тюмени (В.П. Мельников).

СО АН СССР курировало работу отраслевых НИИ по изучению нефтегазовой проблематики. Од-

нако организация поисковых работ по обнаружению новых месторождений нефти и газа, их освоению в интересах экономики страны требовала усиления координации действий академических и отраслевых НИИ. Реализовать многие начинания удалось в рамках программы «Сибирь».

То, что инициатором подготовки и реализации комплексной программы «Сибирь» выступило Сибирское отделение АН СССР, являлось логичным продолжением его деятельности в интересах развития восточных территорий. Побудительным поводом для подготовки этой широкомасштабной программы стало постановление ЦК КПСС 1977 г. «О деятельности Сибирского отделения Академии наук СССР...»⁴. Концепцию комплексного освоения природных ресурсов Сибири подготовили академики А.А. Трофимук и А.Г. Аганбегян. Им было поручено сформировать координационный совет по программе «Сибирь», разработать ее структуру и этапы реализации. В 1978 г. определились основные разделы программы «Сибирь» и их координаторы [8, с. 26].

Академик А.А. Трофимук возглавил весь минерально-сырьевой блок программы. И это было естественно. Он являлся крупнейшим специалистом в области генезиса углеводородов, прогноза нефтегазоносности, нефтяных и газовых месторождений, координировал работу институтов геологического профиля в регионе, отчетливо представлял приоритетные направления поиска в минерально-сырьевой отрасли. Под его руководством определилась структура секции минеральных ресурсов. Она объединяла 14 программ, в том числе: «Нефть и газ Западной Сибири»; «Нефть и газ Восточной Сибири»⁵. Помимо ученых из академических институтов координаторами программ являлись представители отраслевой науки.

И.И. Нестеров был директором Западно-Сибирского научно-исследовательского геологоразведочного нефтяного института Министерства геологии РСФСР в Тюмени. Он внес большой вклад в изучение Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, стал одним из авторов открытия крупнейших нефтегазовых месторождений (Уренгойское, Самотлорское, Усть-Балыкское), в 1976 г. избран членом-корреспондентом по Сибирскому отделению АН СССР.

В.С. Сурков представлял Сибирский научно-исследовательский институт геологии, геофизики и минерального сырья (СНИИГГиМС) Министерства геологии СССР. При его участии обнаружены крупные месторождения нефти и газа (Нижневартовского и Сургутского сводов, Среднего Приобья). За свои заслуги В.С. Сурков в 1979 г. избран членом-корреспондентом, а в 1987 г. – академиком по Сибирскому отделению АН СССР.

В СНИИГГиМСе выросло не одно поколение исследователей недр Сибири. Среди них – А.Э. Конторович, известный специалист в области геологии и геохимии

⁴ Правда. 1977. 11 февр.

⁵ НАСГО. Ф. 10. Оп. 5. Д. 1352. Л. 3.

³ НАСГО. Ф. 10. Оп. 2. Д. 484. Л. 113.

нефти и газа. Со временем он перешел на работу в Сибирское отделение АН СССР, в 1990 г. избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1991 г. – академиком.

Программа «Нефть и газ Западной Сибири» имела особую структуру, объединявшую несколько направлений (подпрограмм): геологическое обоснование и уточнение прогнозных запасов нефти, конденсата и газа Западной Сибири; оценка нефтегазоносности палеозойских отложений юго-востока Западно-Сибирской плиты; разработка и эксплуатация месторождений нефти и газа; прогрессивные пути переработки нефти и рациональной переработки минерального сырья; транспорт нефти и газа, строительство нефтегазопроводов, ЛЭП и других объектов в условиях вечной мерзлоты; перспективы развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса⁶.

В рамках программы «Сибирь» были изучены и обоснованы реальные и потенциальные возможности развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, сделаны прогнозы мощностей месторождений нефти и газа. Удельный вес ЗСНГК в союзных объемах добычи газа увеличился в 1980-е гг. с 36 до 58 %, за счет освоения уникальных по запасам и продуктивности Уренгойского и Ямбургского месторождений, а в дальнейшем – месторождений на Ямале [9, с. 6].

Программа «Нефть и газ Восточной Сибири» включала очень важное направление освоения природных ресурсов севера – «Нефть и газ Якутии». Ключевую роль в реализации этого направления сыграл Институт геологии Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Объектами изучения якутских ученых являлись уникальные геологические структуры Сибирской платформы и Верхояно-Колымской складчатой области. Для изучения и оценки перспектив нефтегазовых и угольных месторождений Якутии в институте были организованы профильные лаборатории [10, с. 50, 51].

Кооперация новосибирских и якутских геологов сложилась задолго до начала реализации программы «Сибирь». Академик А.А. Трофимук считал, что нужна особая программа освоения ресурсов нефти и газа Сибирской платформы. Этой проблеме он посвятил специальную статью «Нефтегазоносность Сибирской платформы», опубликованную в журнале «Геология и геофизика» в 1960 г. В совместных работах новосибирские и якутские геологи рассматривали вопросы геологии и нефтегазоносности Сибирской платформы, обосновывали главные направления геолого-разведочных работ. В результате их кооперации была открыта Лено-Тунгусская нефтегазовая провинция.

Продолжительное время отделом нефтяной геологии в якутском Институте геологии руководил академик Н.В. Черский, который внес большой вклад в изучение геологии недр и нефтегазоносности Якутии. Один из первооткрывателей Лено-Вилуйской нефтегазоносной провинции, он совместно с академиком А.А. Трофимуком и другими учеными выявил воз-

можность нахождения залежей газа в земной коре в «твердом» состоянии (газогидратов). Эта работа зарегистрирована как научное открытие, имеющее крупное теоретическое и хозяйственное значение.

Первая скважина, положившая начало промышленному освоению Непско-Ботуобинской провинции Сибирской платформы, была пробурена по инициативе сотрудника якутского Института геологии А.К. Боброва. Постановка глубокого бурения привела к открытию новых месторождений. Сотрудники этого института А.К. Бобров, Е.И. Бодунов-Скворцов, А.Ф. Сафронов, Ю.Л. Сластенов официально признаны первооткрывателями Среднеботуобинского и Среднетунгусского месторождений углеводородного сырья [10, с. 50–52].

Как руководитель Якутского филиала СО АН СССР, Н.В. Черский многое сделал для координации научных исследований в рамках программы «Сибирь». В реализации программы стали активно участвовать созданные по его инициативе новые академические институты Якутска: Институт физико-технических проблем Севера и Институт горного дела Севера.

Ученые академических институтов, специалисты отраслевых министерств совместными усилиями обосновали оценку потенциальных запасов нефти и газа Восточной Сибири и разработали рекомендации по конкретным направлениям поисков и разведки крупных высокоэкономичных месторождений. Новые оценки ресурсов позволили определить объемы бурения и геофизических работ в регионе, темпы их роста на перспективу, уровни подготовки запасов нефти, конденсата и газа.

При кооперации сотрудников якутского Института геологии, новосибирского Института геологии и геофизики, СНИИГГиМСа было разработано научное обоснование главных направлений нефтегазопроисловых работ на Сибирской платформе, содержащее технико-экономические показатели добычи и подготовки запасов нефти и газа на перспективу. Научное обоснование опиралось на качественную оценку резервуаров нефти и газа Сибирской платформы, полученную в ходе региональных исследований. Новая тектоническая карта Сибирской платформы появилась в результате обобщения материалов целого ряда организаций основных нефтегазоносных провинциях – Лено-Тунгусской и Хатанго-Вилуйской⁷.

В настоящее время на территории Якутии открыто 34 месторождения нефти и газа, в частности, в 1989 г. – крупное Чаяндинское месторождение, которое будет являться главным поставщиком углеводородов в Китай, в рамках долговременного 30-летнего контракта, заключенного недавно между Россией и Китаем.

Программа «Сибирь» способствовала интеграции и координации исследований сибирских геологов и геофизиков по ряду актуальных научных проблем в области изучения углеводородов Арктики. Исследования, выполненные в рамках программы «Сибирь», повысили уровень фундаментальных и прикладных

⁶ НАСО. Ф.10. Оп. 5. Д. 1352. Л. 10–16.

⁷ Там же. Оп. 11. Д. 407. Л. 139.

исследований и получили высокое признание специалистов. Ученые принимали во внимание насущные проблемы геологоразведочных организаций, поэтому их выводы послужили основой планирования работ по обнаружению месторождений нефти и газа в регионе. Наиболее сильной стороной программы «Сибирь» была координация различных ведомств по развитию производительных сил региона. Впервые перспективы развития северных районов Сибири изучались комплексно – освоение природных ресурсов рассматривалось в тесной связи с решением социально-экономических и экологических проблем.

В заключение отметим, что вклад сибирских ученых в геологическое изучение Арктической зоны региона нуждается в дальнейшем исследовании и обобщении. Этому может способствовать выявление и вовлечение в научный оборот новых документальных источников, воспоминаний очевидцев событий и т.п. Изучение Арктики становится необычайно актуальным в свете многих задач. Одна из них – сформулированная на государственном уровне задача подготовки Национального атласа Арктики, который должен объединить все имеющиеся знания об Арктике. Геологическое обоснование ресурсного потенциала недр как раз и предполагает историческое обобщение предшествующего опыта изучения и освоения Арктики.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Ямала: в 2 т. / под общ. ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2010.
2. Траектории проектов в высоких широтах / под ред. Ю.В. Нелова, А.В. Артеева, В.А. Ламина, С.Е. Алексеева, В.Ю. Малова. Новосибирск, 2011.
3. История развития Института геологии и геофизики СО (АН СССР и РАН) и его научных направлений / гл. ред. Н.Л. Добрецов. Новосибирск, 2010.
4. Карпов В.П., Колева Г.Ю., Гаврилова Н.Ю., Комгорт М.В., Тимошенко А.И. Тюменский индустриальный «взрыв»: история мегапроекта. Тюмень: «Вектор Бук», 2011.
5. В.Н. Сакс – выдающийся исследователь Арктики / отв. ред.: И.С. Грамберг, А.Э. Конторович. Новосибирск, 2001.
6. Ламин В.А., Куперитох Н.А. История первого академического центра Западной Сибири (1944–1957 гг.) // *Философия науки*. Новосибирск, 2004. № 2 (21). С. 69–84.
7. Главный геолог / отв. ред. Н.Л. Добрецов, А.Э. Конторович. Новосибирск, 2002.
8. Куперитох Н.А. Интеграционная роль программы «Сибирь» в изучении производительных сил региона // *История науки и техники*. 2012. № 6. С. 25–33.
9. Десять лет программы «Сибирь»: итоги и проблемы. Новосибирск, 1988.
10. Академическая наука в Якутии (1949–2009 гг.) / гл. ред. А.Ф. Сафронов, отв. ред. В.В. Шепелёв. Новосибирск, 2009.

Статья поступила
в редакцию 01.09.2014

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 821.161.1–4:271.2 “16”

Т.В. ПАНИЧ

ТЕМА ЗАЩИТЫ ПРАВОСЛАВИЯ В СОЧИНЕНИЯХ ПИСАТЕЛЕЙ ПАТРИАРШЕГО КРУГА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.*

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

Статья посвящена изучению литературного наследия писателей патриаршего круга – сторонников греко-византийской православной традиции в развитии русской культуры (Евфимия Чудовского, Афанасия Холмогорского, Игнатия Римского-Корсакова, иеродиакона Дамаскина и др.). Литературное творчество данной группы авторов рассматривается в аспекте отражения в нем темы защиты православия. Эта тема стала актуальной и получила отклик в сочинениях грекофилов в связи с культурно-исторической ситуацией, сложившейся ко второй половине XVII в., когда в результате церковной реформы, усиления процессов секуляризации, экспансии инославных конфессий, влияния западноевропейской культуры в жизни государства стали происходить значительные изменения, снизился авторитет и влияние православной Церкви. Все эти перемены и новые веяния, по мнению грекофилов, представляли угрозу для православия. В качестве материала исследования привлечен ряд сочинений указанной группы авторов, в которых в той или иной мере отражена тема борьбы за православие, защиты его от влияния западных конфессий: антилатинская книга «Щит веры», посвященная истории полемики грекофилов и латинствующих о времени предложения Святых Даров на литургии; сборник рукописных текстов, связанных с именами Петра Артемьева и Григория Скибинского; духовные завещания патриархов Иоакима и Адриана, воронежского епископа Митрофана, грамота патриарха Адриана об издании книги «Щит веры» и др. Определяются источники анализируемых текстов, устанавливается их связь с традицией, книжным наследием Древней Руси (переводными сочинениями и произведениями отечественной письменной культуры). Анализ сочинений из литературного наследия писателей патриаршего круга показал, что одной из главных составляющих их творческой стратегии была идея защиты православия от влияния вероучения католической и протестантской церквей, их литературная деятельность во многом была направлена на поддержание и укрепление православной Церкви, сохранение традиций православия, системы его ценностей и норм.

Ключевые слова: православие, XVII в., писатели патриаршего круга, антилатинская полемика, публицистические рукописные сочинения.

В последние годы наблюдается рост интереса к православию как важной составляющей русской национальной истории и культуры. История России неразрывно связана с историей православия, ибо оно сыграло важнейшую роль в становлении российской государственности. Став официальной религией на Руси, православие явилось основой формирования мировоззрения, общественного сознания, идеологии, морально-нравственных установок и норм поведения. Оно оказало влияние на формирование особой модели русской истории, обусловило своеобразие национальных традиций, определило пути развития

русской культуры. В разные периоды своего исторического бытования русское православие подвергалось испытаниям, связанным с социально-политическими и культурными событиями как внутри государства, так и влияниями извне.

Особым периодом в истории русского православия был XVII в. Исторические события и потрясения «переходного» XVII в. сказались на православии и состоянии Русской Православной Церкви. В результате Смуты в начале «бунташного» века, затем церковной реформы, усиления процессов секуляризации, экспансии инославных конфессий, влияния западноевропейской культуры происходят значительные изменения в жизни государства, общества и культуре. Ослабевают авторитет и влияние православной Церкви,

*Статья написана при финансовом содействии РГНФ, проект № 14–01–00217а.

в самом православии складывается конфликтная ситуация: возникают споры по каноническим, обрядовым и догматическим вопросам между представителями официальной Церкви и защитниками «старой» веры. Религиозно-политическое противостояние в обществе усиливается накануне преобразований Петра I [1, с. 7–34]. Значительные изменения происходят и в литературной культуре [2]. Новый импульс в отечественной публицистике получает во второй половине XVII в. антилатинская полемика, которая приобретает наиболее острый характер в 80-х – 90-х гг. в связи со спором о времени пресуществления Святых Даров на литургии [3].

Антилатинская тема находит отражение в сочинениях писателей патриаршего круга – сторонников греко-византийской православной традиции в развитии русской культуры (Евфимия Чудовского, Афанасия Холмогорского, Игнатия Римского-Корсакова, иеродиакона Дамаскина и др.). Литературное наследие этой группы авторов содержит значительное количество текстов, написанных в защиту православия. В них рассматриваются проблемы сохранения традиций православия как основы русской национальной культуры, его защиты от чуждых влияний, главным образом католической, протестантской и униатской церквей.

Особое место в ряду сочинений писателей-грекофилов занимает коллективный труд – антилатинская книга «Щит веры». Это – полемический памятник конца XVII в., отражающий историю знаменитого спора грекофилов и латинствующих о времени пресуществления Святых Даров на литургии [4]. Сами создатели «Щита веры» в предисловии предельно ясно декларировали свою задачу: книга должна была стать духовным оружием, направленным против «лукавых челоуекы, ходящих не путем правым писаний святых отец... но уклоняющихся в разные и чюжда научения»¹. Значение «Щита веры» как оружия для духовной брани с врагами православия подчеркивал и инок Чудова монастыря Евфимий – активнейший участник полемики о времени пресуществления, создавший несколько сочинений, посвященных евхаристическим спорам, участвовавший в составлении книги (особенно в подготовке ее Дополненной редакции), занимавшийся переводами для книги и выказывавший особую заинтересованность в ее издании. Он ставил «Щит веры» в один ряд со святоотеческими трудами. Обращаясь к патриарху Адриану с просьбой об издании книги, Евфимий писал: «Оружия воинства нашего не плотская, но мощная Богу на разорение твержей, яже суть сия. Первейшее всех... богодухновенная правила, полная и всецелая святых апостолов и святых отец, собиравшихся на всех святых синодах и поособно, яко они Духом Святым глаголаша и писаша, со многими послещи положеными толковании мудрых учителей, яже не менее святого Евангелиа Церковь святая дер-

жит, яже правят Церковь Христову правым путем шествовати, не попускают уклоняться тей ниже в десная, ниже в шуяя. Или яко кормило окормляют корабль, волнующийся среди пучины волн, и не оставляют волноватися и разрушиться или и погрузиться. За сими оружия Духа Святого, поражающая востающая на Церковь Христову, зовемая Щиты, Остны, Сечива, крушащая еретиков рога, возносящаяся на высоту и не попускающая глаголати на православие неправду» (цит. по: [4, с. 317–318]).

Не менее важным произведением, направленным на борьбу с иноконфессиональным влиянием, является сборник текстов, связанных с именами Петра Артемьева и Григория Скибинского, – уникальный рукописный свод, сформированный в конце XVII в. в кругу писателей Патриаршего двора. Сборник был подготовлен в связи с рассмотрением духовными властями дел Артемьева и Скибинского, которые ездили в Европу с целью получения образования. Ради этого оба совершили акт вероотступничества², что и явилось впоследствии причиной написания целого ряда направленных против обоих выучеников западных школ обличительных текстов, составивших указанный сборник.

Помимо указанных объемных произведений, написанных грекофилами в защиту православия, можно назвать и другие сочинения, в которых так или иначе отражена эта тема. Например: «Книга о пресуществлении» 1688 г.³, Окружное послание 1696 г. (публикацию текста см.: [6, с. 249–264]) Афанасия Холмогорского; «Слово на латинов и лютеров», «Послание Афанасию Холмогорскому с рассказом о кончине патриарха Иоакима» в составе Жития патриарха Иоакима⁴ Игнатия Римского-Корсакова; Духовное завещание патриарха Иоакима⁵; «Изъяснительная» грамота патриарха Адриана об издании книги «Щит веры»; трактат «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии и теологии и стихотворному художеству...» (издание текста см.: [11, с. 244–261]) и Послание патриарху Адриану (текст опубликован: [4, с. 316–324]) Евфимия Чудовского; «105 ответов Гавриилу Домецкому»⁶ иеродиакона Дамаскина. Перечисленные тексты писате-

² Петр Артемьев перешел в католичество и, возвратившись в Москву, проповедовал учение и обряды католической Церкви; Скибинский, хотя и отрекся от присяги римскому папе и уверял, что она была вынужденным шагом ради возможности учиться в учебных заведениях Европы, но его раскаяние вызывало недоверие у московских ортодоксов, которые готовили документы к соборному рассмотрению его прошения на имя патриарха.

³ Текст опубликован М. Сменцовским по черновому автографу Афанасия Холмогорского (БАН, Архангельское собрание, С. 170) [5, с. 44–70].

⁴ Публикацию текста в составе Жития патриарха Иоакима по двум сохранившимся спискам двух редакций см.: [7, с. 68–94; 8, с. 153–190].

⁵ Подписанный рукою патриарха Иоакима текст Духовного завещания (ГИМ, Синодальное собрание, № 422, л. 18–30) опубликован: [9, с. 111–139]; см. также новую его публикацию [10, с. 217–227].

⁶ В сокращении и переводе на современный русский язык (XIX в.) см.: [12].

¹ Цит. по списку «Щита веры», принадлежавшему главному составителю и редактору книги – Афанасию Холмогорскому. – ГБЛ, Собр. Егорова, № 1570, л. 2.

лей-грекофилов не исчерпывают всей совокупности их сочинений, в которых так или иначе отражена православная проблематика. Все они носят публицистический характер, каждое содержит полемику с идеологическими противниками и направлено на защиту православия.

Главный посыл авторов этих текстов состоял в обосновании неизменной приверженности православию, заветам апостолов и отцов Церкви. Идея верности православной догматике, недопустимости какого-либо отступления от догматов веры и канонических церковных правил неизбежно присутствует в названных сочинениях. В качестве примера можно сослаться на «Изъявительную» грамоту («Изъявление») патриарха Адриана, которая входит в состав вводных статей к тексту «Щита веры». Используя цитату из послания апостола Павла (Еф 4: 5), патриарх рассуждал в грамоте о необходимости всячески сторониться «чужестранных» обычаев и идей и соблюдении верности традициям православного вероучения. По его словам, православные христиане должны неуклонно следовать по пути «хранения законов и преданий церковных», а чуждые православию новшества «всеячески изметати, и далече отгоняти, и никому же что по своей воли творити попускати»⁷. В грамоте говорится также о недопущении разногласий и своеволия в обсуждении религиозно-богословских вопросов и необходимости противостояния иноконфессиональному влиянию (одним из результатов которого, как здесь утверждается, стало распространение учения западной Церкви о времени пресуществления Святых Даров «Христовыми словесы», послужившее причиной появления «хлебопоклонной ереси»). Опираясь на выписку из определения Константинопольского собора 1691 г.,⁸ патриарх Адриан призывал свою паству не поддаваться соблазнам «льстивых» проповедников, распространяющих учение католической Церкви о времени пресуществления и наносящих вред православию. Ослушников он предупреждал об анафеме.

Призывы к хранению православной веры, исполнению евангельских заповедей и норм христианской этики звучат и во многих других сочинениях грекофилов. Особое место в этом плане принадлежит духовным завещаниям церковных иерархов, которые традиционно обращаются к увещаниям и заветам не только к мирянам, но и к священству, призывая иереев неуклонно соблюдать церковные чины и каноны, проявлять постоянную заботу о своей душе и подопечном духовном стаде, чтобы на Страшном суде «слово воздати о стаде своем». Так, неутомимый борец с иноземным влиянием, ревностный защитник православия патриарх Иоаким завещал в своей Духовной грамоте:

⁷ РГБ, собрание Егоровых, № 1570, л. 13.

⁸ Соборная грамота, в которой отражена позиция православной Церкви в отношении таинства Евхаристии, была послана патриарху Адриану иерусалимским патриархом Досифеем 14 марта 1691 г. В Москве текст был переведен и привлечен в качестве источника при написании «Изъявления» [13, с. 136–138].

«Веру же православную католическую в Бога вседушно любовью имети. Церковь святую, едину во вселенней, яже на Востоке и в нас утвердися истинною, яко мать чествовати и пребывати в ея правом учении неколеблемо, и предания, и учения, от отец святых на соборах определенная и утвержденная, содержати крепче и ни в чем же порушно, якоже бо без веры правая Богу угодити невозможно. Такожде кроме Церкви святыя восточныя мудрования и светлаго богопреданного тоя учения невозможно кому спастися. И юже чрез святыи Символ веруем едину святую соборную и апостольскую Церковь быти, убо оную защищати от всяких ересей и соблазненных наветов» (цит. по: [10, с. 221]). Его преемник на патриаршем престоле Адриан также наказывал в своем Духовном завещании хранить православную веру и защищать Церковь от еретиков, почти дословно повторив процитированный фрагмент из Завещания патриарха Иоакима [9, с. 107–108]. Данный отрывок процитирован и в Духовном завещании Митрофана Воронежского⁹, которое, как и Завещание патриарха Адриана, текстуально связано с Завещанием патриарха Иоакима.

Тема защиты православия и борьбы с влиянием иных конфессий и их представителями занимает большое место в Завещании патриарха Иоакима. В тексте содержатся резкие выпады в адрес «лютеров» и «кальвинов» и рекомендации об организации войска, где полковыми начальниками не могут быть «злбожные» иноверцы. Эти взгляды нашли отражение и в Завещании Митрофана Воронежского. Например, здесь имеется большая выписка из Духовного завещания патриарха Иоакима, где говорится о его нетерпимом отношении к иноверцам и о том, что они не должны быть воинскими начальниками¹⁰.

Следует отметить, что в Завещании патриарха Адриана эта тема не получила развития. Хотя Адриан и был единомышленником патриарха Иоакима в вопросе об отношении к иноверцам¹¹, здесь он специально не акцентировал внимание на этой проблеме, так как, по-видимому, вынужден был соблюдать осторожность в выражении своей позиции, учитывая политические реалии петровского царствования накануне реформ, благосклонное отношение Петра I к иноземцам¹².

Идеи защиты православия доминировали и в большинстве сочинений Евфимия Чудовского, посвященных самым разным спорным проблемам (богословским, церковно-каноническим и филологическим).

⁹ См., например, список Духовного завещания Митрофана Воронежского: Национальная библиотека Республики Карелия. Рукопись середины XIX в., № 36552, л. 18 об.–19. URL: <http://library.karelia.ru/cgi-bin/library/duh.cgi> (дата обращения: 04.01.2012).

¹⁰ Там же, л. 19 об.–23 об.

¹¹ Об этом свидетельствует, например, его Окружное послание, в котором Адриан обличает «еретиков латин и лютеров», см.: [14, с. 78].

¹² Свидетельством тому может служить установленный В.М. Живовым факт изъятия патриархом Адрианом из «архиерейского обещания» статьи о необщении с иноверцами. — См.: [1, с. 21].

ческим), которые составляли предмет размышлений книжников XVII в. Являясь горячим сторонником греческой филологической традиции и православной учености («еллинского учения») в противовес латинской, Евфимий высоко ценил патристику как сокровищницу богословской мысли и словесного искусства и обосновывал приоритет греко-византийской православной традиции в культурной ориентации России. Просвещение для него было прочно связано с вероучением. В его понимании отвлеченное знание и вероучение были неотделимы друг от друга, поэтому он полагал, что обучение в западных школах неизменно ведет к отступлению от православия. Обличая получившего образование в Риме Григория Скибинского, чудовский инок писал: «...у еретиков учившихся, у яковых Скибинский учился, еретическое и учение, и таково учеников и мудрование. И иначе не можно быти...»¹³. Еще более резко Евфимий высказывался на этот счет о перешедшем в католичество Петре Артемьеве.

Авторы упомянутых текстов в защиту православного вероучения опирались на традицию, привлекая переводные памятники и отечественные сочинения, используя идеи и полемические приемы своих предшественников. «Разоряя» латинские силлогизмы, выстраивая систему аргументации, защитники православия обращались к традиционному приему использования «готового слова», создавая сложную мозаику из цитат и собственных суждений по спорной теме. В их сочинениях присутствует огромный пласт литургико-богословских, церковно-канонических, догматических сочинений, полемических текстов. Традиционно ими использовались выписки из святоотеческих трудов: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Дамаскина, Кирилла Иерусалимского, Кирилла Александрийского. Большое количество выписок можно обнаружить из произведений более поздних авторов (IX–XVII вв.): богословов, церковных историков и канонистов, полемистов и обличителей «латинства» (Феодора Начертанного, Феодора Вальсамона, Михаила Глики, Николая Мефонского, Нила Кавасилы, Марка Эфесского, Георгия Пахимера, Симеона Солунского, Мелетия Сирига, Досифея Иерусалимского и др.).

Перевод некоторых из названных текстов с греческого «на славенский диалект» был осуществлен в кругу грекофилов и был мотивирован полемикой в защиту православия, в частности, евхаристическими спорами. Например, большое количество неизвестных ранее в корпусе обращавшихся на Руси антилатинских сочинений, фигурирующих в «Изъяснении» патриарха Адриана (а также в книге «Щит веры»), указывает на то, что участвовавшие в полемике с латинствующими книжники вели интенсивную работу по переводу новых текстов, необходимых им в качестве источников

информации и аргументов для обоснования своей позиции¹⁴.

Таким образом, анализ сочинений из литературного наследия писателей патриаршего круга показывает, что одной из главных идей, определявших творческую стратегию этих авторов, являлась идея защиты православия и православной Церкви от влияния иных конфессий. Их литературная деятельность была направлена на сохранение и поддержание традиций православия, отстаивание целостности его догматического учения, системы нравственных ценностей и норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004.
2. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
3. Миркович Г. О времени пресуществления св. даров: Спор, бывший в Москве во второй половине XVII-го века (опыт исторического исследования). Вильно, 1886.
4. Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004.
5. Сменцовский М. Церковно-исторические материалы (дополнительные приложения к исследованию «Братья Лихуды»). СПб., 1899.
6. Панич Т.В. Окружное послание 1696 г. Афанасия Холмогорского // Исторические источники и литературные памятники XVI–XX вв. Развитие традиций. Новосибирск, 2004. С. 241–264.
7. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима (вопросы атрибуции, истории текста и литературной специфики памятника) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XVI–XXI вв. Новосибирск, 2010. С. 41–94.
8. Панич Т.В. Житие патриарха Иоакима по списку РГБ, собрание И.Д. Беляева, № 29/1535 // Рукописи XVI–XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск, 2013. С. 140–190.
9. Древняя российская вивлиофика. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111–139.
10. Панич Т.В. Духовное завещание патриарха Иоакима // Русский мир в мировом контексте: сб. статей и материалов Всерос. заочн. науч. конф. с междунар. участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 2012. С. 207–227.
11. Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М., 2009.
12. Яхонтов И. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб., 1884.
13. Бернацкий М.М. Константинопольский собор 1691 г. и его рецепция в Русской Православной Церкви (к вопросу о каноническом статусе термина «пресуществление») // Богословские труды. М., 2007. № 41. С. 133–145.
14. Есипов Г.В. Раскольничьи дела XVIII столетий. СПб., 1863. Т. 2: Приложения и материалы. С. 76–96.
15. Панич Т.В. Переводы конца XVII в. в составе Дополненной редакции полемической книги «Щит веры» // Известия Урал. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2005. Вып. 10, № 39. С. 191–198.

Статья поступила
в редакцию 07.08.2014

¹³ БАН, П.І.В.11, л. 86.

¹⁴ Особенно наглядно результаты этой деятельности прослеживаются в тексте Дополненной редакции «Щита веры», куда вошло множество переведенных в рассматриваемый период сочинений [15, с. 191–198].

УДК 279.99

Н.А. СТАРУХИН

**НЕИЗВЕСТНОЕ СОЧИНЕНИЕ
СИБИРСКОГО БЕЛОКРИНИЦКОГО ПИСАТЕЛЯ Г.А. СТРАХОВА
«ОПРАВДАНИЕ СТАРООБРЯДСТВУЮЩЕЙ ИЕРАРХИИ ПО ПРОРОКУ ЕЗДРЕ» ***

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: prognostika@mail.ru

В статье вводится в научный оборот сочинение оригинального крестьянского писателя Г.А. Страхова, составленное в 1890-е гг. Рассматриваются эсхатологические взгляды белокриницкого апологета, их специфика. Анализ эсхатологической проблематики позволяет глубже представить творческую манеру Г. Страхова, его историко-социальные взгляды и идейные истоки, а также углубить представления о межконфессиональной полемике, литературе и идеологии согласия во второй половине XIX в. Библийские тексты писателем соотносятся с российской действительностью, что делает сочинение социально и политически заостренным. Показано, что Г. Страхов вынужден считаться и с общей ситуацией, которая сложилась в белокриницком согласии к моменту написания сочинения, когда нарастает влияние столичного купечества в жизни «австрийцев». С другой стороны, растет давление властей на лидеров белокриницких обществ, руководство которых прибегает к тактике компромиссов, сказавшихся на идеологии согласия.

Ключевые слова: старообрядчество, белокриницкое согласие, эсхатология, апологетика, полемика, третья Книга Ездры.

Сибирскому крестьянскому писателю Григорию Арефьевичу Страхову почти не уделялось внимания при изучении творческой истории белокриницкого согласия. Обращение к наследию этого самобытного мыслителя в последние годы позволило выяснить основные жизненные вехи апологета, выявить круг основных его сочинений и ввести их в научный оборот [1]. Интерес же сибиряка к общим вопросам истории своего согласия, истории старообрядчества в целом привлек к его творчеству определенное внимание и столичных исследователей [2, с. 246–247, 317–335; 3, с. 276; 4].

В отделе рукописей РГБ, в фонде известных деятелей – «австрийцев» о. Евфимия Мельникова и его сына Федора, недавно был обнаружен небольшой сборник, выполненный на гектографе¹. Сборник имеет собственное наименование, указанное на первом листе: «Оправдание старообрядствующей иерархии по пророку Ездру и о трех главными орле». Он состоит из двух частей. Они вынесены в заглавие, и если первая из этих частей сборника в тексте осталась неизменной, то наименование второй части заглавия существенно

развернуто, и в тексте (л. 9) звучит следующим образом: «Орел трехглавый о двенадцати крыльях и о двух подкрыльях, восходящих на главу». Все части сборника объединяет общий авторский замысел, связанный с правомерностью «возобновления» белокриницкого епископата. Забегая вперед, отметим, что тема доказательств «истинности» последнего послужила основой и для выхода на темы более общие: обличение никоновских реформ, петровских нововведений, а также косвенная критика и современных автору политических реалий (о чем речь пойдет ниже).

Авторство сочинения со значительной долей уверенности можно атрибутировать Григорию Арефьевичу. Основным аргументом служит доказательство, что сочинение второй части сборника с таким же наименованием, за исключением описки в слове «крыльях», вошло в состав другого сборника его трудов². Укажем и на другой факт. В начальной части сборника по краю нескольких верхних листов имеется весьма характерная помета: «обращение миссионера». Это вполне можно связать с переходом Страхова в 1891 г. на короткое время в официальное православие. Таким образом, созданное им сочинение вполне может играть роль своеобразного «покаянного» письма, хотя и вряд ли оцененного его единоверцами – ни в одном из известных на сегодняшний день сочинений белокриницких апологетов имя писателя-сибиряка не упоминается. На авторство Страхова указывает и манера подача материала, характерные только для него лексические заимствования из трудов еп. Арсения (Швецова).

*Статья выполнена в рамках гранта Президента РФ по поддержке ведущих научных школ № НШ-219.2014.6.

¹ РГБ. Ф. 164. Картон 3. Ед.хр. 31. Л. 1–24. В описании указано только общее, несколько измененное, название сборника: «Оправдание старообрядствующей иерархии по пророку Ездру». Авторство и дата создания сборника не установлены. Размер листа 11 × 18 (см). Бумага без филиграней и штампов, мягкий переплет, сохранность полная. Далее сноски на сочинение даются в тексте статьи.

² НБ ТГУ. Собр. рукописей. № 312030. Л. 124 об. – 133.

Основной акцент в системе доказательств автором сделан на третьей Книге пророка Ездры. Нельзя, конечно, сказать, что указанная книга привлекала внимание только этого белокриницкого писателя. Стоит в этом случае вспомнить хотя бы сочинения новозыбковского епископа Конона (Дуракова), пермско-тобольского епископа Антония (Паромова), возглавлявшего до 1894 г. томские общества «австрийцев» [5]. Но именно для Страхова характерен весьма пристальный интерес к этой последней книге Ветхого Завета. К проблеме конца света белокриницкий апологет обращается в ряде известных своих сочинений, но в рассматриваемом сборнике ей уделяется особое внимание. Причем это единственное, на наш взгляд, сочинение, в котором Страхов от общих рассуждений на тему «последних времен» прибегает к исторической конкретике, оперирует реалиями российской действительности. Укажем и на другие обстоятельства, важные для последующего изложения. Переход в белокриницкое согласие заставил Страхова прибегнуть к трактовке чувственного понимания Антихриста, в то же время как опыт пребывания в других конфессиях, в частности страннической, проявляется в понимании антихристовой природы императорской власти, в частности в оценке эпохи правления Петра I. Он разделяет общую для старообрядчества негативную оценку никоновских реформ (Никон – «истый предтеча» Антихриста).

То, что Книга Ездры привлекала внимание старообрядческих идеологов с первых лет трагического церковного раскола, неудивительно – пророчества этой ветхозаветной книги служили дополнительным источником для выражения оппозиционных настроений еще во времена дониконовской Руси [6; 7, с. 158]. Вполне объясним интерес к ней и на последующих этапах истории старообрядчества [8; 9]. Укажем на актуальность пророчеств Книги Ездры и для современного староверия, неоднократно отмечаемую во время полевых экспедиционных исследований. В связи с заявленной в статье темой важными представляются выводы Н.Н. Покровского, указавшего на взаимовлияние народной и официальной церковной форм эсхатологических построений, а также на то, что накал апокалипсических настроений не всегда соотносился с социальными потрясениями [10].

Как указал Г.А. Страхов, создание сочинения приурочивалось им к 50-летию перехода в староверие греческого митрополита Амвросия, т.е. к 1896 г.³ Место его создания неизвестно. Но с учетом всех связей Страхова с лидерами «австрийцев», способом издания с известной долей условности можно предположить, что свой окончательный вид его работа приобрела в одной из белокриницких общин центральной части страны.

Источниками сочинения, судя по тексту сносок, послужило одно из синодальных переизданий так называемой Елизаветинской Библии. По одному разу цитируется книга пророка Даниила, Откровение Иоанна Богослова, Притчи Соломона, единожды приводится известное предсказание 30-й главы Книги о вере о воз-

можном отступлении от веры и приходе Антихриста или его «предотечи» в 1666 г. В качестве справочного материала писателем активно использовалось какое-то учебное пособие, некая книга «Реформы», а также не названные им «исторические документы», включая «самый регламент, написанный Петром I» (л. 18 об.). В третьей Книге Ездры в основном цитируется 6, 9 и 11-я главы, дается подробный комментарий к ним.

Первая часть сочинения посвящена защите Белокриницкой иерархии (лл. 1–9). Причем уже через несколько общих фраз, относящихся к переходу митрополита Амвросия в лоно старообрядческой церкви, апологет касается утверждения предполагаемых оппонентов – миссионеров официальной церкви, и «некоторых старообрядцев безпоповских толков» о том, что в старообрядчестве более 180 лет отсутствовал собственный епископат (л. 3). Отправной точкой в данном случае послужила дата московского антистарообрядческого собора – 1666 г. Последовавшие за соборными клятвами жестокие гонения на староверов, по мнению Страхова, были предсказаны. Для доказательства этого тезиса он соотносит предсказание Книги о вере о 1666 г. как времени апокалипсических потрясений с 23 стихом главы 6 третьей Книги Ездры: «И труба вострубит с шумом... понеже егда вси услышат, абие ужаснутся» (л. 3 об.). Всю вину за церковный раскол писатель перекладывает на плечи патриарха Никона, в его обвинениях не фигурируют ни царь, ни греческие иерархи, а только некие абстрактные «защитники» русского патриарха. Выстраивая цепочку противников реформ в лице епископа Павла Коломенского, протопопов Аввакума, Ивана Неронова, диакона Федора, наш полемист допускает досадную (далеко не единственную) ошибку – белые попы Никита (Добрынин) и Лазарь названы им священноиноками. При этом Страхов подчеркивает, что попытки изменить Никоном «древлерусские» обряды изначально встретили отпор многих лиц не только духовного, но и «гражданского звания» (л. 4 об.). Иначе говоря, писатель расширяет социальную базу старообрядческого протеста.

Приводя 24-й стих той же главы, Григорий Арефьевич пытается доказать сразу два положения: предопределенность преследований («вооружатся приятели на приятелей»), последнее можно понимать и как намек на первоначальную близость Никона к кружку «ревнителей благочестия», куда входили и перечисленные выше противники патриарха, и предопределенность гибели и отступления епископата («и жилы источников станут, и не истекут в часех трех»). Указанные три часа Страхов соотносит со 180-ю годами отсутствия епископата, но предвосхищая возможные возражения (возможно, учитывая и опыт устных баталий) о правомерности такого соотношения, он приводит весьма существенный, с его точки зрения, довод, связанный со святоотеческим толкованием и касающийся одной из глав Апокалипсиса и книги пророка Даниила, в которых говорится о возможных сроках царствования последнего антихриста. В этом случае Страхов вынужден оспаривать уже саму возможность собственного толкования библейского тек-

³ РГБ. Ф. 164. Картон 3. Ед.хр. 31. Л. 1.

ста: «Аще ли на какое либо пророчество мы и не видим святоотеческого толкования, тогда можем руководствоваться собственным (так!) суждением, соображая какое либо пророчество с событием времени...» (л. 8). Свою позицию здесь он защищает, приводя первые два стиха 9-й главы Книги Ездры: «Мерящъ мери время в себе самом...» (л. 8 об.).

Вторая часть сочинения наиболее обширна. По хронологии она полностью охватывает период династии Романовых. Белокриницкий апологет встает на весьма тернистый и вместе с тем достаточно проторенный предыдущими поколениями старообрядческих писателей путь, связанный с оценкой деятельности царствующих особ. В этой части работы Страховым последовательно комментируются 11-я и 12-я главы третьей Книги Ездры. При этом слова стихов 11 и 13 12-й главы Книги о «восстании царства» он без обиняков связывает с Россией, с событиями Смутного времени, когда, по его убеждению, «род царей прекращался» (л. 10). Страхов приводит хрестоматийный пример об избрании основателя династии Михаила Федоровича Романова «всею русскою землею». Но выстраивая династическую линию российских самодержцев с указанием сроков их правления сугубо по мужской линии и указывая лишь на 14 «царей», включая последнего императора Николая Александровича, Г.А. Страхов обходит молчанием тот факт, что в приводимом перед его расчетом стихе 14 Книги Ездры говорится лишь о «дванадцати» царях. Писатель старательно игнорирует слово «император», «империя», а к управлению страной «царицами» обращается буквально в одном абзаце – лишь в самом конце сочинения, находя для этого соответствующую трактовку (л. 17 об.).

«Злым» героем сочинения стал Петр I. К деятельности первого российского императора Страхов обращается в нескольких местах, подбирая подходящие цитаты из Книги Ездры. Удачным поводом послужило и «долговременное» правление Петра, и «страшные» гонения на старообрядцев, которые «воздвиг» Петр, его «зверства» и отстранение от власти Иоанна Алексеевича (Страхов путает его с Федором Алексеевичем), воспитанного, по глубокому убеждению писателя, «в старом духе» (л. 11–12, 18 об.). Вместе с тем Страхов, отдает должное успехам Петра во внешней политике, когда «русское царство значительно распространило свою власть» (л. 19 об.). В этом случае писатель ставит Петра в один ряд с Александром I и Александром II, одержавшими победы над Францией и Турцией. Благосклонную оценку Страхова получило и освобождение «незабвеннейшим» Александром II крестьян «из-под власти господ». Но это несколько не помешало «австрийскому» апологету буквально через несколько строк обрушить критику на деятельность всех властей по причине продолжавшихся «стеснений» староверия со стороны правительства. Резкое неприятие Г.А. Страхова вызывает миссионерская деятельность официальной церкви, направленная на борьбу со старообрядчеством. Крайне негативное отношение вызывает у апологета единоверие. Страхов в этих целях

даже прибегает к не совсем обычной для него экспрессивной форме изложения, которой предшествует цитата из 11-й главы пророка Даниила: «... противозаконный замысел грекорусской церкви в разрешении единоверия не понятен только для одних ползающих по земле тварей, а для умных старообрядцев его беззаконие очевидно...» (л. 21 об.).

В обличительный ряд следует поставить и «неблагообразную», с точки зрения староверов, кончину упомянутых выше монархов: «незабвенный» Александр погиб от рук «злодеев-социалистов», а Александр I скончался «внезапной смертью» в Таганроге. Причем смерть последнего Страхов пытается связать с «заграничными мистиками», под влиянием которых, по его мнению, находился император. При этом, возможно, писатель сознательно игнорировал активно распространявшийся в Сибири, и в частности в Томске, с конца XIX в. культ «старца» Федора Кузьмича, связанный с именем императора Александра I [11, с. 400–420]. Нельзя исключать и игнорирование писателем в угоду своей концепции и другого хорошо известного факта – гибели императора Павла I, нигде и никак им не упоминаемой.

Цитата из стиха 29 и 30 12-й главы Книги Ездры о царстве, «скудном» и «полном скорбей», дает Г. Страхову возможность связать текст стихов с царствованием Александра III и «современного государя» Николая II. И если при характеристике Александра III находится место для весьма сдержанной критики, то оценивать деятельность последнего российского императора по каким-то соображениям Григорий Арфьевич не пытается. Более того, возвращаясь в самом конце сочинения к «царствованию» Николая Александровича, Страхов, приводя цитату из 11-й главы Книги Ездры (ст. 45–46), утверждает, что результатом правления этого императора «в делах управления государства Российского должно быть перевороту... к лучшему...» (л. 22 об. – 23).

Логически связан с данной частью и фрагмент сочинения, в котором старообрядческий писатель обыгрывает известный сюжет из 11-й главы Книги Ездры, связанный с обличением нечестия орла «рыкающим» львом (ст. 31–32). Совершенно неожиданно Страхов связывает со львом православного харьковского архиепископа Амвросия (Ключарева), известного своей активной общественной позицией [12]. Поводом для столь высокой оценки старовером послужило обличение Амвросием в отпадении от веры как представителей высших учебных заведений, так и всего «передового» русского общества. Причем именно после обличения и последующего за ним наказания орла, согласно трактовке Г. Страхова, Бог должен «ублажить» староверов, «соблюдающих цельность древняго благочестия» (л. 16).

Таким образом, для оригинального крестьянско-белокриницкого писателя характерны собственные, выделяющие его из ряда других апологетов тематические разработки и манера подача материала. Вместе с тем в выявленном сочинении прослеживается и склонность к компромиссам, характерная для идеологии «австрийцев» второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Старухин Н.А.* Проблемы изучения творческого наследия старообрядческого писателя Г.А. Страхова // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 113–115.
2. *Старообрядческие* гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук. Последняя четверть XIX – первая четверть XX в.: каталог изданий и избранные тексты / сост. Н.Ю. Бубнов. СПб., 2012.
3. *Старообрядчество*. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996.
4. *Зольникова Н.Д.* Рец. на кн.: Старообрядческие гектографированные издания Библиотеки Российской академии наук. СПб., 2012 // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 3. С. 115–116.
5. *Епископ Антоний Пермский и Тобольский*. Слово, читанное при открытии V-го епархиального старообрядческого съезда // Сибирский старообрядец. 1919. № 14. 15(28) июля. С. 1–5.
6. *Опарина Т.А.* К вопросу об использовании III Книги Ездры в русской публицистике XVI–XVII вв. // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 143–149.
7. *Титова Л.В.* Послание дьякона Федора сыну Максиму – литературный и полемический памятник раннего старообрядчества. Новосибирск, 2003.
8. *Гурьянова Н.С.* Царь и государственный герб в оценке старообрядческого автора XVIII в. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 81–86.
9. *Першина М.В.* Об отношении старообрядцев-филипповцев к верховной власти в конце XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 3. С. 42–45.
10. *Покровский Н.Н.* Народная эсхатологическая «Газета» 1731 г. // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 290–297.
11. *Громыко М.М.* Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский – Александр I Благословенный. Исследование и материалы к житию. М., 2007.
12. *Петруня А.В.* Амвросий (Ключарев) // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. II. С. 143.

Статья поступила
в редакцию 03.09.2014

УДК 94(571.1/5) : 329.78

Е.Н. САВЕНКО

**«ВЛАСТЬ И СВОБОДУ ВСЕМУ НАРОДУ»:
ИСТОРИЯ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ КОНЦА 1920-х гг.
В СВЕТЕ ДОКУМЕНТОВ СЛЕДСТВИЯ**

канд. ист. наук,
ГТПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

Цель статьи – на основе неизвестных ранее источников проанализировать историю нелегальной организации омских студентов, именовавшейся Российской Партией Народного Права. Материалы следственного дела, хранящиеся в Архиве УФСБ по Омской области, позволяют уточнить существующие в исторической литературе точки зрения о составе, организационной структуре и целях этого объединения. Документы свидетельствуют, что при создании подпольной организации молодежь ориентировалась на демократические традиции революционного народничества. Приводимые в статье отрывки изданных в подпольной типографии прокламаций дают представление о протестных настроениях части сибирского студенчества в конце 1920-х гг. Лейтмотивом молодежного протеста было недовольство идеологической и политической монополией компартии. По мере усиления тоталитарных тенденций в государственной политике неприятие советских реалий и сопротивление диктату возрастали. Соответствующим образом трансформировались и лозунги нелегальных прокламаций, издаваемых молодежью. Первоначально в воззваниях акцентировалось внимание на необходимости сплочения студенческой молодежи для противодействия диктату комсомольского меньшинства. Со временем основным лозунгом листовок стал призыв к вооруженной борьбе с диктатурой компартии ради установления свободной народной республики. Наибольшей активности протестная деятельность нелегальной студенческой группы, большинство членов которой были выходцами из села, достигла в 1929 г. в связи с началом репрессивной политики государства в деревне. Опираясь на материалы следствия, автор пришел к выводу, что выступления молодежи имели спонтанный и локальный характер. Однако органы госбезопасности, руководствовавшиеся тезисом об обострении классовой борьбы, использовали студенческий протест для широкомасштабных репрессий против представителей неблагонадежных слоев населения.

Ключевые слова: молодежь, протестные настроения, «народоправцы», нелегальные организации, подпольная типография, листовки, Омская область.

Конец 1920-х гг. в России – время острых социальных противоречий. В той или иной степени недовольство репрессивной политикой правящего режима

проявляли различные слои населения. Активно выражало неприятие тоталитарных тенденций молодое поколение. По мнению историков, изучавших образ

жизни молодежи в первые послереволюционные десятилетия, в условиях ускоренной коренной трансформации российского социума протест был достаточно распространенной реакцией на общественную ситуацию [1, 2, 3, 4]

Формы проявления протестных настроений были весьма разнообразны. Отмечая весной 1930 г. рост антисоветской активности молодежи, СО ОГПУ констатировал, что доказательством этого является появление большого количества различных молодежных нелегальных организаций. В списке ликвидированных подпольных групп, заслуживающих внимания, упоминалась и «крупная контрреволюционная организация студенческой молодежи» Омска «Народоправцы» [5, с. 1171]. Согласно информации чекистских органов, это было многочисленное (70 чел.) объединение, имеющее «связи с рядом городов помимо Сибири». Достаточно крупной и хорошо организованной организацией предстает омская «Партия Народного Права» и из обзора Секретного отдела Полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю. Информирова о ликвидации в первом полугодии 1930 г. шести антисоветских молодежных обществ, сотрудники спецслужбы обстоятельно характеризовали наиболее значительные из них. Согласно этой сводке Российская Партия Народного Права имела разветвленную структуру. Руководящим органом организации являлся якобы Сибирский центральный комитет РПНП, находившийся в Омске. Затем следовали окружные организации, во главе которых стояли окружные комитеты, и наконец, низовые структуры – ячейки, организованные по принципу пятаков¹. Акцентируя внимание на социально чуждом составе членов организации, чекисты делали вывод о том, что деятельность «народоправцев» строилась исключительно на использовании настроений обиженных советской властью для организационного направления этих настроений на вооруженное восстание.

Незначительно отличалась от чекистских характеристик оценка организации прокурором Омской области, рассматривавшим вопрос о реабилитации членов РПНП в конце 1980-х гг. По его мнению, это была оформленная нелегальная организация, имевшая руководящий орган – «Сибирский ЦК РПНП» и ячейки в ряде населенных пунктов региона [6, с. 212]. Так как деятельность объединения была направлена на свержение советской власти, работники прокуратуры сомневались в возможности реабилитации его членов. Лишь в связи с тем, что решение о наказании было принято коллегией ОГПУ – внесудебным органом в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР, все 52 человека, осужденных по делу РПНП, в 1989 г. были реабилитированы.

Из-за ограничений доступа к следственным материалам истории длительное время вынуждены были ориентироваться лишь на информацию оперативных

органов и публикации советского периода². В результате возникли диаметрально противоположные интерпретации событий. Известный исследователь органов госбезопасности А.Г. Тепляков, рассматривая сопротивление режиму в конце 1920-х гг., предположил, что РПНП была «самой крупной из всех нелегальных структур региона тех лет» [7, с. 217]. Такую точку зрения до определенного момента разделял и автор статьи [8, с. 124]. Однако В.П. Василевский, задавшийся вопросом: «Как в условиях тотального контроля ОГПУ смогла продолжительное время действовать большая нелегальная организация?», сделал вывод: «Омское дело РПНП стало самым крупным из сфабрикованных сибирскими чекистами студенческих дел». По его мнению, целью этой фальсификации было очищение вузов от социально неблагонадежных элементов [9, с. 52].

Обстоятельное ознакомление с материалами следствия показало, что ни одна из точек зрения не является полностью корректной. Поэтому представляется целесообразным подробно осветить историю Российской партии народного права.

Из показаний, данных в ходе допросов студентом Омского мединститута Виктором Чевалковым (1906 г. р.) и учащимся Омского художественного техникума Глебом Петровым (1902 г.р.), следует, что мысль о несоответствии политико-экономической ситуации в стране чаяниям народа из-за узурпации власти коммунистической партией пришла еще в 1926 г. Проживая вместе на частной квартире, они неоднократно обсуждали злободневные проблемы текущей жизни³. Некоторое время все ограничивалось разговорами. Толчком к решению о необходимости нелегальной работы для изменения существующей обстановки стал вызов В. Чевалкова в конце 1926 г. в ОГПУ, где ему сказали, что он является «социально чуждым элементом»⁴. Затем последовало исключение из института. Молодой человек вынужден был вернуться на Алтай, чтобы заработать деньги для оплаты образования. Это событие подвигло его к интенсивному осмыслению своего места в государстве, изучению Конституции и законов СССР. Итогом размышлений стала идея о необходимости создания нелегальной организации, которая бы добивалась «демократического государственного строя, обеспечивающего всему народу основные права человека и гражданина»⁵. В 1927 г., внеся необходимую для завершения обучения сумму, В. Чевалков восстановился в институте и одновременно с учебной приступил к осуществлению намеченных планов. Первым его шагом по реализации задуманного был выпуск рукописной листовки «К студентам», размноженной тиражом 50 экз. Текст листовки предварял лозунг: «Власть и свободу всему народу», сопровождавший в дальнейшем все воззвания нелегальной организа-

² Материалы дела стали доступны лишь в 2006 г. после того как истек 75-летний срок сохранения тайны личной жизни.

³ Архив УФСБ по Омской области. Ф.4. Д. 12500. Т. 1. Л. 20, 169.

⁴ Юноша был сыном алтайского священника А. И. Чевалкова.

⁵ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 4. Д. 12500. Т. 1. Л. 90.

¹ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 87. Оп. 3. Д. 109. Л. 15 а.

ции. Содержание прокламации сводилось к обвинению беспартийных учащихся вузов в аполитичности, подчинении комсомольскому меньшинству, забвении традиций революционного студенчества. Листовка заканчивалась призывом вступать в ряды Партии народного права и лозунгами: «Да здравствует свободная народная республика! Долой самозванное правительство! Да здравствует свободное революционное студенчество! Да здравствует Партия народного права!». Хотя на тот момент организации еще не существовало, воззвание было подписано: «Центральный Комитет Российской Партии Народного Права»⁶. Как свидетельствовал автор листовки, сделано это было «для произведения большего эффекта» на читающих⁷. Надо отдать ему должное: реакция на прокламацию оказалась именно такой, как он и предполагал. Однако этот шаг впоследствии сыграл зловещую роль в судьбе самого В. Чевалкова.

Свое первое воззвание В. Чевалков показал Г. Петрову, который поддержал идею создания нелегальной организации. Конечной целью этого объединения должно было стать «свержение существующей власти или изменение ее путем реформ»⁸. Для ее достижения, по мнению молодых подпольщиков, необходимо было развернуть широкую агитационную работу и поднять «передовых членов общества» на борьбу с диктатурой компартии.

Совместными усилиями юноши распространили листовку в омских учебных заведениях – медицинском, педагогическом и ветеринарном институтах, художественно-промышленном техникуме. Затем они приступили к созданию простейшей полиграфической базы. В начале 1928 г. в распоряжении юношей уже имелся выписанный из Ленинграда компактный каучуковый шрифт и мастичные подушки. С помощью этой домашней типографии были отпечатаны брошюры «Устав и программа партии Народного права» и «Наши задачи», каждая тиражом около 20 экз. Программа РПНП состояла из 9 разделов и во многом была созвучна идеологической платформе партии кадетов. Согласно показаниям, программа полностью была составлена В. Чевалковым. Однако можно предположить, что в ее разработке принимал участие и его старший по возрасту товарищ, вероятно, имевший представление об идеологии конституционных демократов⁹. «Народоправцы» декларировали равенство всех граждан перед законом, свободу совести, личности, устного и печатного слова, передвижения, неприкосновенность жилища, право на организацию союзов и проведение собраний. Формой государственного устройства, по мнению молодых людей, должна быть «свободная народная республика», основанная на федеративных началах. Высшим законодательным органом власти этого

государства провозглашался съезд народных представителей¹⁰. Земля объявлялась народным достоянием, а каждый гражданин наделялся правом землепользования на арендных началах. В программных документах также выдвигалась идея необходимости частной собственности: «граждане имеют право открывать различные предприятия»¹¹. Подчеркивалось, что для предотвращения гибели страны требуется создание крепкой промышленности. По мнению молодых людей, для решения этой задачи необходимо привлечение частного капитала¹². Половину тиража «Программы» юноши распространили в Омске, вкладывая экземпляры в книги читальных залов библиотек или оставляя в других общественных местах. Оставшиеся экземпляры во время студенческих каникул «народоправцы» распространили на Алтае: в Бийске и Улале.

Помимо разработки программных документов молодые люди активно занимались привлечением к своей деятельности новых членов. Агитируя сокурсников участвовать в нелегальной работе, молодые люди утверждали, что в регионе уже существует сильная оппозиционная партия. Одни студенты относились к этой идее негативно, другие – верили, но вступать в организацию отказывались. Нередко эта вера основывалась на примерах из жизни. Так, один из учащихся утверждал, что видел подобные листовки у себя на родине в Нерчинске¹³. Были и те, кто с энтузиазмом откликнулся на предложение участвовать в нелегальной работе. К 1928 г. к двум организаторам «партии» примкнули студенты-медики Василий Ивашко, Дмитрий Кедо, Александр Букреев, а также учащийся типографского отделения художественно-промышленного техникума Анатолий Бовин. Эта группа составила актив РПНП. Еще несколько студентов эпизодически помогали активистам.

Согласно показаниям, полученным в ходе следствия, организационно объединение не оформлялось. Даже некоторые активисты считали свои совместные встречи просто «дружескими беседами», а не «партийными заседаниями»¹⁴. Но у отдельных юношей благодаря дару убеждения В. Чевалкова складывалось впечатление, что группа является ячейкой какого-то большого объединения¹⁵. Тем более что некоторые воззвания лидер группы подписывал «Омский комитет Партии Народного Права». В ходе следствия сам В. Чевалков неоднократно утверждал, что других организаций не существовало, был лишь план по их созданию. Однако масштабы нелегальной издательской деятельности (за два года было отпечатано более 3 тыс. прокламаций) и ареал распространения листовок перевесили показания организатора РПНП.

Значительных показателей выпуска листовок «народоправцам» удалось достичь благодаря энтузиаз-

⁶ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 4. Д. 12500. Т. 10. Приложение. Листовка № 1.

⁷ Там же. Т. 1. Л. 87.

⁸ Там же. Т. 1. Л. 16.

⁹ Г. Петров был сыном учителя, состоявшего ранее в партии конституционных демократов.

¹⁰ Архив УФСБ по Омской области. Ф. 4. Д. 12500. Т. 10: Приложение. Устав и программа партии народного права. С. 3–5.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Там же. Т. 10: Приложение. Наши задачи. Л. 5.

¹³ Там же. Т. 1. Л. 170.

¹⁴ Там же. Т. 2. Л. 72.

¹⁵ Там же. Т. 1. Л. 20, 24, 170.

му лидера, а также навыкам будущих полиграфистов. В декабре 1928 г. наборным способом было отпечатано новое воззвание «К студентам», тираж которого, по разным свидетельствам, составлял от 100 до 300 экз. Содержание этого документа было уже более радикальным. Для примера приведем отрывок из него: «В нашей стране царит черная ночь произвола, всякая новая мысль, всякие новые идеи беспощадно уничтожаются в застенках ГПУ»¹⁶. Акцентируя внимание на творящемся беззаконии, составитель воззвания В. Чевалков призывал студенчество к восстанию «против диктатуры узурпаторов» и вступлению в Партию Народного Права, выражающую идеи освободительного движения¹⁷. Весной 1929 г. появилось еще одно, не менее решительное воззвание «К студентам».

Следует отметить, что призывая к мятежу, лидеры «народоуправцев» все же надеялись на то, что если им удастся возбудить народ и он пойдет за ними, то компартия будет вынуждена пойти на уступки, и тогда можно будет избежать восстания¹⁸. Для этого они всячески стремились увеличить тиражи своих прокламаций. В апреле 1929 г. молодые люди изготовили первый гектограф, а некоторое время спустя в их распоряжении было уже 4 самодельных гектографа. Примечательно, что сведения об изготовлении этого простейшего полиграфического аппарата и технологии гектографической печати юноши почерпнули из воспоминаний подпольщиков, которые в большом количестве издавались в те годы. Мемуары революционеров были для молодых людей и своеобразным пособием для организации нелегальной работы. «В своей практической работе мы искали руководство..., читая соответствующую литературу из воспоминаний бывших подпольных политических деятелей», – говорил на допросе один из организаторов РПНП¹⁹.

Благодаря расширению арсенала полиграфической техники масштабы нелегальной издательской деятельности «народоуправцев» во второй половине 1929 г. заметно увеличились. Например, в сентябре и декабре 1929 г. были изданы две листовки «К крестьянам», тиражом 500 экз. каждая. В октябре и ноябре 1929 г. молодые люди отпечатали более 1300 экз. листовок «Ко всем гражданам». В этих прокламациях уже присутствовал открытый призыв к вооруженной борьбе. Одна из листовок, предназначавшихся крестьянству, содержала призыв: «Вы все как один должны подняться для своего освобождения ... распространяйте эти листовки, вооружайтесь и создайте в каждом селе организации». Завершалось воззвание лозунгами: «Да здравствует свободный труд! Земля и воля крестьянам! Долой коммунистов!».

Как видим, в 1929 г. «народоуправцы» стали ориентироваться на более широкие слои населения. Объясняется это тем, что к этому времени лидеры органи-

зации познакомились с крестьянином-единоличником Алексеем Панаратом (1898 г.р.), останавливавшимся у их квартирной хозяйки во время приезда в Омск. Из разговоров с ним молодые люди поняли, насколько сильно недовольство крестьянства насильственной массовой коллективизацией. Подтверждением напряженной ситуации в деревне стали также впечатления от поездок на родину на Алтай. Молодые люди решили использовать эти настроения в своих целях. В итоге были подготовлены новые листовки. Почти весь тираж воззваний юноши передали для распространения знакомым, проживавшим в сельской местности. Так, житель с. Демьяновка Омского округа А. Панарат получил во время очередного приезда около 200 листовок «К крестьянам», которые он разбросал по пути домой²⁰. Часть листовок передали крестьянину-единоличнику с. Усть-Иша Алтайской губернии Михаилу Щербакову (1897 г.р.). Несколько листовок «народоуправцы» распространили сами, приехав на каникулы.

Активисты РПНП планировали использовать для пропагандистской работы среди крестьян и более весомые печатные материалы. В 1929 г. В. Чевалков написал текст под названием «Земля и воля». В нем юноша резко критиковал аграрную политику правящей партии, суть которой, по его словам, заключалась «в выгребании хлеба из мужицких амбаров, в отбирании последней скотины». Обращаясь к опыту народников, «решивших завоевать для крестьян землю и право пользоваться всеми гражданскими правами», он призывал всех недовольных существующим строем объединиться для «борьбы с ненавистной диктатурой»²¹. Опубликовать рукопись не удалось. 23 декабря 1929 г. все активные «подпольщики» были арестованы. В ходе обыска на квартире, где проживали В. Чевалков и Г. Петров, были изъяты необходимые для полиграфических работ химикаты, каучуковый шрифт, мастичные подушки, гектографы, а также отдельные экземпляры изготовленной с помощью этой простейшей техники печатной продукции²².

Затем последовали аресты тех, кто соприкасался с «народоуправцами». Хотя помимо перечисленных ранее активистов к деятельности РПНП в той или иной степени было причастно еще около 10 чел., к уголовной ответственности было привлечено 52 чел. Все арестованные были жителями Омска и нескольких сел Омской и Алтайской губернии, что опровергает утверждение чекистов о существовании широкой сети РПНП в регионе и за его пределами.

Следственные документы свидетельствуют, что состав арестованных был достаточно разнородный. Помимо реальных «подпольщиков» среди них были учащиеся различных омских учебных заведений, которых активисты пытались привлечь к рабо-

¹⁶ Там же. Т. 10. Приложение. Листовка № 2. Л. 1.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 90.

¹⁹ Там же. Т. 1. Л. 60, 89.

²⁰ Там же. Л. 172.

²¹ Там же. Т. 10. Приложение. Рукопись «Земля и воля». Л. 6, 15.

²² Там же. Т. 1. Л. 3–4.

те. К уголовной ответственности привлекли и 19 крестьян-единоличников, большинство из них были малограмотными. Итогом четырехмесячных разбирательств стал приговор, вынесенный заседанием Коллегии ОГПУ 23 апреля 1930 г. Шестерых осужденных приговорили к расстрелу. Помимо печатавших прокламации студентов В. Чевалкова, Г. Петрова, В. Ивашко и Д. Кедо высшую меру наказания получили крестьяне А. Панарат и М. Щербаков. 33 фигурантов дела приговорили к лишению свободы сроком от 3 до 10 лет. На 10 лет лагерей был осужден священник г. Улалы Алтайского края Алексей Иванович Чевалков, не подозревавший о деятельности сына²³. Остальным зачли в наказание срок предварительного заключения и освободили из-под стражи²⁴.

Масштаб и суровость репрессивных мер, вероятно, объясняются особенностью политической ситуации в стране. Рубеж 1920–1930-х гг. характеризовался острым противостоянием власти и общества. Насильственная массовая коллективизация сельского хозяйства вызвала резкий протест крестьян. Из 565 массовых крестьянских выступлений, произошедших в первой половине 1929 г., на долю Сибири приходилось 149 волнений [10, с. 92]. Поэтому власти решительно пресекали любую деятельность, способствующую возбуждению протестных настроений. Пример тому – дело РПНП, по которому репрессированы были не только реальные члены нелегальной группы, но и представлявшие угрозу в период обострения классовых борьбы лица из их ближайшего окружения.

Дело Российской партии народного права свидетельствует, что для воссоздания исторически достоверной картины социальных процессов первых советских десятилетий требуется обстоятельное и в то же время критическое изучение ранее недоступных документов,

в первую очередь архивно-следственных дел органов госбезопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев В.И. Молодежь Сибири в трансформирующемся обществе: условия и механизмы социализации. 1920–1930-е гг. Новосибирск, 2003. 241 с.
2. Исаев В. И. Нелегальные организации молодежи в Сибири в 1920-е – начале 1930-х гг. // Политические партии, организации, движения в условиях конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. Ч. 2. С. 55–59.
3. Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х гг.: в 2 т. Краснодар, 2002. Т.1. 404 с.
4. Рожков В.И. Молодой человек и советская действительность 1920-х годов: формы повседневного протеста // Социологические исследования, 199. № 7. С. 128–143.
5. «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2008. Т.8, ч. 2: 1930 г.
6. Якунин А. Черное и белое: заметки прокурора. Омск, 1990. 221 с.
7. Тепляков А.Г. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири 1918–1929 гг. М., 2007. 288 с.
8. Савенко Е.Н. Несанкционированная печать в условиях общественного противостояния 1920-х–1930-х гг. (на материалах Сибири) // Книжная культура Сибири и Дальнего Востока в условиях общественных кризисов XIX – начала XXI в. Новосибирск, 2013. С.114–132
9. Василевский В.П. Студенчество Омска как объект деятельности органов ГПУ–ОГПУ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Тамбов, 2014. № 5 (43): в 3 ч. Ч. I. С. 49–53.
10. Ивницкий Н.А. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000. 350 с.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2014

УДК 94(470+571)

И.В. ЛИЗУНОВА

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕССА СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XX – НАЧАЛА XXI вв.

д-р ист. наук,
ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье определяются особенности функционирования национальной прессы Сибири и Дальнего Востока на протяжении XX – первого десятилетия XXI вв. Дается категориальный анализ понятия «национальная пресса». Детально рассматривается процесс формирования национальной периодики у народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера – от выпуска отдельных страниц-приложений до возник-

²³ Там же. Т.1. Л. 268–269.

²⁴ Архив УФСБ по Омской области. Ф.4. Д. 12500. Т. 1. Л.262–263.

новения специализированных газет и журналов на языках данных народов в местах их проживания. Анализируются проблемы, связанные с изданием национальной периодики, подчеркиваются преимущества ее создания.

С момента возникновения и на разных этапах своей истории национальная печать выполняла важнейшие социокультурные задачи. Она служила универсальным средством информации и культурного просвещения аборигенного населения Сибири и Дальнего Востока. Пресса являлась катализатором развития национальной письменности и образования, национальной литературы. Газеты и журналы, издаваемые на национальных языках, способствовали сохранению этнических традиций и самобытности, вносили определенный вклад во взаимодействие культур народов России.

Приводимая статистика выпуска печатной периодики в начале XXI в. свидетельствует о степени состоятельности и зрелости института национальной прессы, а также о нарастающих проблемах в расширении медиапространства страны. Анализируются различные точки зрения на роль государства в развитии печатных национальных СМИ, их влияние на эволюцию этнокультуры собственного народа. Выясняется, на каком этапе развития находятся современные национальные СМИ: возрождения, взлета или кризиса и исчезновения. Обосновывается важность обретения национальной печатью большей независимости. Раскрывается значение национальной периодики во взаимодействии культур народов, проживающих за Уралом. Аргументируется необходимость активного использования языков народов Сибири и Дальнего Востока в печати.

Ключевые слова: национальная пресса, газеты, журналы, периодическая печать, Сибирь, Дальний Восток, медиапространство.

Издание печатной продукции на национальном языке является неотъемлемым атрибутом социальной среды любого этноса. Развитие национальной прессы определяет, среди прочего, уровень внимания и поддержки обществом малых народов, степень состоятельности и зрелости государства, в котором проживают эти народы¹. Печатное слово не только выполняет функции сохранения языка, национальной самобытности и идентичности, но и содействует возрождению и эволюции этнокультуры, прогрессу малого народа, вовлекает его во взаимодействие с культурами других народов [1, с. 55–56].

Парадоксально, но на фоне резкого всплеска национального самосознания народов, населяющих Сибирь и Дальний Восток, специалисты заговорили о предстоящих угрозах – тех негативных тенденциях, которые обуславливают исчезновению национальной прессы из медийного пространства страны. Чтобы выяснить, в каком состоянии находятся современные печатные СМИ на национальных языках, обратимся к фактам, статистике и авторитетному мнению медиаэкспертов. Прежде всего попытаемся ответить на следующие вопросы: какую роль во взаимодействии культур народов, проживающих в регионе, играла национальная пресса в различные периоды ее функционирования; каково ее участие в эволюции этнокультуры собственного народа; что происходит с печатными национальными СМИ сегодня, на каком этапе развития они находятся: возрождения и взлета или кризиса и исчезновения; каким должно быть участие государства в поддержке национальной прессы?

Что же подразумевается нами под «национальной прессой». Понятие «национальная пресса», как правило, употребляется в следующих значениях. Первое – это все газеты и журналы, выходящие в национальном регионе (близко понятию «региональная пресса»), либо это произведение периодической печати, адресованные народу, проживающему на данной территории. Второе понятие объемлет печатные (элек-

тронные) СМИ, изданные на национальных языках. В данной статье нами будет использоваться последнее понимание термина.

Процесс формирования национальной периодики у народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера берет свое начало в советское время (в отдельных случаях чуть раньше). Периодическая печать у малых народов стала зарождаться с завершением разработки и введением письменности, а развитие происходило под воздействием роста национального самосознания, изменения социально-экономического развития, национальной и социальной структуры населения региона. Становление национальной прессы пришлось на 1920-е – начало 1930-х гг. В Новониколаевске (Новосибирске) – столице Сибирского края в начале 1920-х гг. на языках национальных меньшинств, проживавших или в силу различных обстоятельств оказавшихся в Сибири, возникло и функционировало сразу несколько газет: на латышском – «Сибиряк-цинга» («Борьба Сибири», 1920–1936), на татарском – «Азад Себер» («Освобождение Сибири», 1921–1936), на латгальском – «Тайснейба» (1926–1937 – единственная газета в СССР), на мордовском – «Од Эряма», на эстонском – «Сибери Театая» (1920–1936) и др. [2, с. 13].

Началом возрождения национальной печати малых народов Севера послужил выпуск страниц (приложений) на языках данных народов в местах их проживания. Так, одними из первых стали выходить материалы на нанайском языке в газете Нанайского района Хабаровского края. С целью распространения нового алфавита здесь же стала издаваться специальная газета «Учебный путь» («Тачиочиори покто», 1932, с. Найхин; с 1935 – «Сталинский путь»). По мере оформления национальной письменности интерес к газете значительно возрос. В 1935 г. было выпущено 27 номеров с разовым тиражом 300 экз., а в 1940 г. – 110 номеров тиражом в 1000 экз.² Для изучения нанайского языка в педагогическом училище города Николаевск-на-Амуре печаталась газета «Новый путь», журнал «Новая жизнь» («Сикун балдин», №1, 2, 1936) [3, с. 7].

¹ Мишанин Ю.А., Мишанина А.Ю. Национальная пресса в условиях рынка: обретения и потери (финно-угорский контекст) // Финно-угорский мир. 2012. №3/4. С. 32–35.

² Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. П – 271. Оп. 1. Д. 103. Л. 90.

Регулярно статьи на национальных языках малых народов Севера публиковались в районных, окружных и областных печатных СМИ Сибири и Дальнего Востока во второй половине 1930-х гг. На нивхском языке выходили материалы в районных газетах Сахалина и в областном издании «Советский Сахалин». А в Николаевске-на-Амуре была предпринята попытка выпустить газету «Нивхская правда» (до 1935 г. вышло 11 номеров). Статьи на алеутском языке периодически появлялись в «Алеутской правде», на эвенкийском – в «Охотско-Эвенкийской правде»³. В Анадыре в окружной газете «Советская Чукотка» («Советкэн Чукотка», 1933; с 1993 – «Крайний Север») печатались материалы на чукотском и эскимосском языках. В Магадане имелся опыт выпуска областной газеты – на нивхском языке «Советская Колыма», (1935), а также газет на эвенском языке «Айдит орочел» (1935–1936 гг.) и «Оротты правда» (1936–1941 г.).

По подсчетам исследователей, в 1935 г. на Дальнем Востоке издавалось шесть газет на языках малочисленных народов Севера: четыре выходили на национальном языке, две являлись смешанными (русско-эвенская и нанайско-русская, тираж – 500 экз.) [4].

На этапе создания национальной периодики печатное слово обучало грамотности и просвещало, способствовало развитию языков, сохраняло национальные традиции и в целом формировало этнокультуру народа. При этом новообразованная советская национальная пресса приспосабливалась к властным потребностям, встраивалась в организационную структуру средств массовой информации и пропаганды. В обязательном порядке на языках народов Сибири и Дальнего Востока, имевших свою автономию в рамках РСФСР, создавалось и функционировало по несколько газет (общественно-политическая, молодежная, детская, районные) и журналов (литературно-художественные, профессиональные). Например, к концу 1930 г. в Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай) выходило пять национальных газет. Главной была «Кызыл солун табыш» («Красные известия», основана в 1922 г.), затем переименована в «Ойроттын Јери» («Ойротский край», с 1923 г.). Сменившая ее «Кызыл Ойрот» («Красная Ойротия», с 25 февраля 1925 г., первый редактор – И. С. Алагызов) с января 1948 г. стала называться «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая»). Кроме основного офиса издавались районная «Кызыл Шор» («Красная Шория», пос. Кузедеево, газета выходила только в совместном алтайско-русском варианте в 1930–1932 гг.); молодежная «Комсомолец Ойротии» (1930–1936 гг., 5 раз в месяц на русском и алтайском языках); газета для крестьянства «Колхоз ижине» («Колхозный путь», пос. Онгудай, в 1930–1931 гг. – на алтайском, затем в алтайско-русском варианте). Разовый тираж всей периодической прессы составлял 6100 экз. [5].

Возникнув на волне подъема национального самосознания, многие газеты просуществовали недолго.

Сказались причины материально-технического характера – отсутствие либо слабость полиграфической базы, нехватка финансов, подготовленных редакторских и журналистских кадров, квалифицированных переводчиков. Зачастую элементарно не было аудитории, способной читать на родном языке.

В послевоенные годы национальную прессу региона пополнили литературно-художественные журналы: в 1946 г. выходит альманах на тувинском языке «Улуг-Хем», в 1947 г. – на бурятском языке «Байгал»; в 1952 г. – на хакасском языке «Хакасия оттары» и в 1959 г. – «Ах тасхыл». Но в целом процесс расширения пространства сибирско-дальневосточных национальных печатных СМИ был приостановлен. Это стало следствием идеологической установки на форсированное сближение наций, их слияние в будущем и возникновение новой исторической общности людей – советского народа. Начался процесс постепенного вытеснения национальных языков русским, обладающим более высоким потенциалом и сферой влияния (разработанностью научной и технической терминологии, высокой степенью зрелости литературного языка) [6, с. 9].

Снижение тиражей и прекращение выпуска некоторых периодических изданий на языках коренных и малых народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера также отражало политику национального нивелирования. Этому способствовала как мощная ассимиляция народов, сокращение количества людей, знающих язык своего народа и желающих его изучить⁴, так и уменьшение из года в год читательской аудитории национальных газет и журналов.

Процесс издания периодики на национальных языках в азиатской части России в постсоветские времена протекал неравномерно. Революционные преобразования всех сфер жизнедеятельности общества в 1990-х гг. двояким образом отразились на общественном бытовании национальной прессы. С одной стороны, они вызвали к жизни мощный всплеск национального духовного пробуждения, усилили внимание общества к проблемам языка и образования, значительно расширили читательскую заинтересованность в издании книг, газет и журналов на национальных языках. С началом демократизации национальных отношений в России стремление к сохранению родного языка обрело характер народного движения. В его основу закладывался принцип выживания этносов, когда лозунг «Жив язык – жив и народ» наполняется конкретным содержанием⁵. С другой стороны, демократизация прессы способствовала кардинальному изменению количества и состава участников формирующегося регионального медиапространства.

Волна национального пробуждения привела к появлению в периодике многочисленных материалов

⁴ Петрук А. Нанайский бы выучил только за то... // Тихоокеан. звезда. 2014. 22 июля.

⁵ Буряад Унэн: Издательский дом с 1937 года : URL: <http://burunen.ru/publications/> (дата обращения: 25.10.2014).

³ ГАХК. Ф. Р – 137. Оп. 10. Д. 242. Л. 36.

на языках малых народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, проживавших в данном регионе, способствовала созданию новых национальных газет и журналов. Так, в газетах Чукотки с 1990 г. систематически публикуются отдельные страницы на эвенском языке, периодически выходят материалы на эвенском языке и в газетах различных улусов Якутии. На Камчатке издается газета «Айдит» с параллельными текстами на русском и эвенском языках. Отдельные статьи на эвенском языке печатались в изданиях журнального типа: «Розовая чайка» (Якутия, 1991–1992 гг.), «Айвэрэттэ» (Чукотка, 1989–1995 гг.). В 1989 г. в Эвено-Бытантайском районе Республики Саха (Якутия) с целью развития эвенской культуры и эвенского языка создана районная газета «Бытантай уоттара тогални» («Огни Бытантая»), очень быстро ставшая популярной среди читателей⁶. Публикации на эскимосском языке спорадически появляются в двух окружных газетах Чукотского АО – «Чукотка» и «Мургин Нутенут». В районных, городских, многотиражных газетах Хабаровского края на языках коренных народностей – ульчей, эвенков, нанайцев – возникли литературные страницы, представленные авторами разных национальностей, родились специальные рубрики, посвященные культурным и историческим событиям родной земли [7, с. 131]. На Сахалине с 1990 г. выпускается уникальная газета – единственная в мире, издающаяся на двух диалектах нивхского языка «Нивх-див» («Нивхское слово»).

Сменив учредителя, пережив трансформации 1990-х гг., перешагнув или подойдя к 90-летию юбилею, продолжают существовать, сохраняют свою читательскую аудиторию и так называемый статус «газет влияния» [8] крупнейшие общественно-политические газеты титульных народов Сибири и Дальнего Востока: «Буряад унэн» («Бурятская правда», с 1921 г.) – на бурятском языке; «Алтайдын Чолмоны» («Звезда Алтая», с 1922 г.) – на алтайском языке; «Хабар» («Известия», с 1927 г.) – на хакасском языке; «Шын»

(«Правда», с 1925 г.) – на тувинском языке; «Кыым» («Искра», с 1921 г.) – на якутском языке.

Современная картина национальных печатных СМИ постоянно меняется: одни проекты учреждаются, регистрируются, существуют, издаются редко, нерегулярно, другие исчезают, так и не увидев свет. Большая часть действующих национальных газет и журналов выходит малыми тиражами – от 500 до 1000 экз. Тенденция сокращения национальной прессы усилилась в середине 1990-х гг.: количество и тиражи периодических изданий стали резко снижаться. По данным официальной статистики за первое постсоветское десятилетие число таких газет сократилось в 2 с лишним раза – с 56 до 23 единиц, а тираж – более чем в 10 раз – с 53 722 до 4438 экз. (см.: табл. 1–2).

Доля журналов за этот же период снизилась по названиям в 4 раза – с 11 до 3 и в 20 раз по тиражам – с 607 до 30 тыс. экз. (см. табл. 3–4).

Формирование новой системы национальной периодики пришлось на вторую половину «нулевых» годов. Возобновление тематического репертуара, появление изданий, рассчитанных на удовлетворение новых информационных потребностей аудитории, позволило достичь (а в отдельных случаях и превзойти) предыдущих количественных позиций газет и журналов уже к концу первого десятилетия XXI в. Однако добиться прежнего уровня тиражных показателей национальной печати так и не удалось (см. табл. 1–4)*.

Статистика свидетельствует, что к концу первого десятилетия XXI в. национальная пресса Сибири и Дальнего Востока оказалась в непростом состоянии. Цифры количества наименований и тиражей медленно растут, однако достичь уровня 1990 г. в обозримом будущем вряд ли смогут. Ситуацию усугубляет и то, что, лишившись системы государственных заказов и сетей распространения, малотиражные газеты и журналы не доходят до читателя, несмотря на то, что большая часть такой прессы дотируется из госбюджета. Спрос на информацию и востребованность местной

Таблица 1

Выпуск газет на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в 1990–2011 гг. (число названий)

Язык издания	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Алтайский	1	2	3	4	5	4	5	4	4	
Бурятский	15	7	7	7	7	8	7	8	9	8
Тувинский	6	8		1	2	3	4	5	9	8
Хакасский	1	1		1	1	1	2	2	3	3
Якутский	29	27	10	12	15	15	15	26	35	34
Мансийский	1		1	1	1	1	1		1	1
Ненецкий	1	1	1		1		2	2	2	2
Хантыйский	1		1	1	1	1	1	1	2	2
Чукотский	1			1	1	1	1	1	2	1
Всего	56	45	23	28	34	34	38	49	67	59

⁶ Кривошапкин А. Газета на эвенском языке // Читающая Россия. 1994. №6. С. 52.

Т а б л и ц а 2

Выпуск газет на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в 1990–2011 гг. (тираж, тыс. экз.)

Язык издания	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Алтайский	1675	1376	89	673	835	535	736	630	158	
Бурятский	3556	1548	2833	3912	1728	2907	4713	1629	718	695
Тувинский	14153	4229		16	462	642	2077	1839	1609	1687
Хакаский	1600	603		420	607	1443	2545	4621	458	480
Якутский	32707	22118	1412	974	1286	1381	1774	5413	7975	8602
Мансийский	2	12	30	23	20	29	0,8		30	14
Ненецкий	19	21	36		57		106	18	56	54
Хантыйский	36		38	39	23	48	2	2	87	57
Чукотский	24			1	9	5	7	56	44	6
Всего	53 772	29 907	4438	6058	5027	6990	11 960,8	14 208	11 135	11 595

Т а б л и ц а 3

Выпуск журнальных изданий на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в 1990–2011 гг. (число названий)

Язык издания	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Алтайский	1	1		2	2		1	3		
Бурятский	3			3	1	1	5	2	3	3
Тувинский	2	1	3			1	1	1	1	1
Хакаский	1					1	1		1	
Якутский	4	3			1		2	7	9	10
Всего	11	5	3	5	4	3	10	13	14	14

* Таблица составлена по данным стат. сб. «Печать Российской Федерации» и «Российский статистический ежегодник» за 1991–2013 гг.

Т а б л и ц а 4

Выпуск журнальных изданий на языках коренных народов Сибири и Дальнего Востока в 1990–2011 гг. (тираж, тыс. экз.)

Язык издания	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Алтайский	4	9		16	10		4	7		
Бурятский	36			6	2	4	18	17	17	12
Тувинский	57	30	30			40	9	18	14	6
Хакаский	2					0,1	0,1		2	
Якутский	508	100			16		2	253	160	325
Всего	607	139	30	22	28	44,1	33,1	295	193	343

периодики увеличивается, однако тиражи газет падают: сказывается дороговизна подписки и услуг почты [9, с. 19]. По мнению медиаэкспертов, если подобные издания оставить без государственного содействия, они в скором времени исчезнут из регионального медиапространства [10, с. 471].

Национальная пресса столкнулась с вызовами времени, и каждый из них представляет реальную угрозу ее дальнейшему существованию. Среди них:

– вызовы рынка, неспособность и нежелание национальной периодической печати перейти на рыночные механизмы функционирования;

– материальная и административная зависимость от местных органов власти и необходимость в дотациях из регионального бюджета;

– потеря читательской аудитории (в силу разных причин – прежде всего из-за снижения количества читателей, владеющих национальными языками [11]; дублирование информации с русскоязычными газетами и журналами; низкое качество литературно-художественного перевода; скучный маркетинг и т. п. [12]);

– жесткая конкуренция с электронными СМИ, вытеснение последними традиционной прессы из формирующегося регионального медиапространства.

Современные тенденции сужения ареала и влияния национальных СМИ в информационном поле страны для национальной культуры и соответственно для взаимодействия культур народов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера могут быть невосполнимо трагичными: «Свертывание национальной прессы реально угрожает сохранению языков малых наций и народностей, <...> и, в конечном счете, жизни самой нации» [10, с. 471–472]. Для преодоления неблагоприятных факторов функционирования печати предлагается единственно возможный выход – государственная поддержка издательской практики национальной прессы, книг и брошюр. Об этом говорится с высоких трибун, существующие проблемы обсуждается на авторитетных научных форумах. В частности, на состоявшемся в июне 2014 г. в Казани V Форуме региональных и национальных СМИ глава Роспечати М. В. Сеславинский выступил с заявлением о том, что региональная и национальная пресса не является бизнес-проектами и в условиях рынка печать на национальных языках не может конкурировать с коммерческими СМИ. Поэтому государство обязано ее дотировать. В 2013 г. на поддержку национальных СМИ по линии Роспечати было выделено 116 млн руб. Однако, по мнению участников форума, этих средств все равно не хватает⁷.

Степень поддержки прессы вообще и национальных газет и журналов в частности в регионе была разной. Экономические трансформации 1990-х гг., переход к рыночным механизмам хозяйствования, материально-финансовые проблемы привели к тому, что национальная печать Сибири оказалась не способна к выживанию, не будучи встроенной в структуры власти и не являясь придатком этих структур [13, с. 62]. По мнению О.Д. Якимова, в силу выше-названных причин «национальная газета обречена быть вмонтированной в структуру власти и, следовательно, служить ее интересам до тех пор, пока будет ей нужна» [13, с. 62].

Прогнозируя будущее национальных печатных изданий региона, А.Г. Бекбаева указывает на «важность обретения национальной печатью большей самостоятельности, превращения ее в институт, выражающий мнения национальных и конфессиональных групп населения». При этом она отмечает необходимость государственных дотаций национальным изданиям как меры, «гарантирующей сохранение и расширение сети изданий, выходящих на национальных языках» [14, с. 26].

Признавая значимость государственной поддержки, отметим, что, являясь безальтернативным пу-

тем спасения национальной прессы, она будет способствовать либо консервации, либо частичному (но не более) улучшению существующего положения. Перехода на рыночные механизмы хозяйствования так и не произойдет. По верному суждению Н.Н. Михайлова, «в стране с рыночной экономикой это не может и не должно продолжаться вечно. Национальные СМИ рано или поздно будут вынуждены научиться выживать на медийном рынке или исчезнут» [10, с. 471].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахметова А.В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925–1985 гг.). Владивосток, 2013. 169 с.
2. Лизунова И.В., Посадсков А.Л. Печать периодическая // Средства массовой информации Новониколаевска-Новосибирска. 1906–2006 гг.: словарь-справ. Новосибирск, 2007. С. 9–64.
3. Оненко С.Н. Нанайско-русский словарь: 12800 слов. М., 1980. 552 с.
4. Елфимов А. Первые годы Севера // Дальний Восток. 1980. №3. С. 80–83.
5. Иванов П.Н. Создание периодической печати в национальных районах Сибири // Из истории партийных организаций Сибири. Новосибирск, 1970. Вып. 46.
6. Коротеева В.В., Мосесова М.В. Проблемы национальных языков и их отражение в общественном сознании (по материалам писем читателей в центральные газеты) // Сов. этнография. 1988. № 5. С. 9.
7. Лазарева Л.П. Роль печати в национальных районах // Культура, наука и образование народов России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона: история, опыт, развитие. – Хабаровск, 1996. Вып. 4. С. 131–133.
8. Посадсков А.Л. Десять лет свободы печати: пресса и книжное дело России в 90-е гг. XX в. // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000. С. 79–86.
9. Борисов И. Наш президент относится к газетам благосклонно // Журналист. 1995. № 8. С. 19–20.
10. Михайлов Н.Н. Национальная пресса постсоветской России: взгляд в будущее // Диалог культур в условиях глобализации. СПб., 2012. С. 471–472.
11. Волдина М. Наши газеты – учебники национального языка // Журналист. 2012. № 2. С. 34–36.
12. Мартыненко Н.Г. Проблемы дублирования в национальной печати // Сб. науч. тр. / Якут. гос. ун-т. Сер. Филология. Якутск, 2000. Вып. 1. С. 12–15.
13. Якимов О.Д. Печать национальных государственных образований: что ждет ее завтра? // Актуальные проблемы филологии. Якутск, 2000. Вып. 3. С. 57–63.
14. Бекбаева А.Г. Становление и проблематика национальной периодической печати Западной Сибири в 1990–2002 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 28 с.

Статья поступила
в редакцию 01.08.2014

⁷ Региональная и национальная пресса – не бизнес-проекты // Государственная телерадиоккомпания «Татарстан». URL: <http://trt-tv.ru/news/regionalnaya-i-nacionalnaya-pressa-ne-biznes-proekty/> (дата обращения: 25.10.2014).

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 94(47)''16''

И.Л. МАНЬКОВА

МУЖСКОЙ МОНАСТЫРЬ В ПРАВОСЛАВНОМ ЛАНДШАФТЕ ТОБОЛЬСКА XVII в.

канд. ист. наук,
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: ilman.08@mail.ru

Целью статьи является апробация концепта «православный ландшафт» на материале истории тобольского мужского монастыря в XVII в. Под православным ландшафтом понимается система культовых объектов, размещенных на определенной территории и образующих целостность. Считается, что монастырь с церковью во имя Зосимы и Савватия Соловецких был основан на правом берегу Иртыша до 1595/96 г. Со сменой места расположения он менял названия – Успенский, с 1609/10 г., Знаменский – с 1624 г. Автор доказывает ошибочность датировки появления мужского монастыря в Тобольске до 1595/96 г. и вообще высказывает сомнение в существовании Зосимо-Савватиевской обители. Эти сомнения основаны на том, что по документам первой четверти XVII в. в храмоименованиях и иконостасах церквей Успенского и Знаменского монастырей не прослеживается традиция почитания Зосимы и Савватия Соловецких. Она возникла только во второй четверти XVII в. и отразилась в посвящении этим святым придела Знаменской церкви. В последней четверти XVII в. придел, посвященный Соловецким чудотворцам, появился у Казанской церкви. По мнению автора, это связано с созданием истории о существовании Зосимо-Савватиевского монастыря как родоначальника Знаменской обители. Потребность в определении исторических корней возникла у монашеской общины в процессе изменения статуса монастыря в сакральном пространстве Тобольска. Сначала он был местом упокоения немощных ветеранов государственной службы и ссылки опальных монахов. С созданием Сибирской епархии начала оформляться его роль как духовного центра, тесно связанного с Тобольским архиерейским домом. Важным этапом в этом процессе стало обретение в Знаменском монастыре чудотворной иконы Богородицы Казанской в 1661 г. Согласно гипотезе автора, тобольский мужской монастырь ведет свое начало от пустыни, возникшей недалеко от Тобольска до 1609/10 г. В ней проживало несколько монахов и, скорее всего, не было церкви. В 1609/10 г. они переселились в Успенский монастырь, который построили служилые люди, заботясь о своем пристанище в старости.

Ключевые слова: Тобольский Знаменский монастырь, православный ландшафт, Сибирская епархия, освоение Сибири в XVII в.

В процессе колонизации Сибири русское население переносило на новые земли свои религиозные традиции и формировало свой конфессиональный (православный) ландшафт. Мы рассматриваем «православный ландшафт» как систему культовых объектов, размещенных на определенной территории и образующих целостность. Они маркируют территорию как находящуюся под защитой высших христианских сил, становятся основой для развития отношений в местном конфессиональном сообществе, внутри- и межрегиональных коммуникаций. Православный ландшафт создавал человеку условия для удовлетворения духовных потребностей и совершения ритуальных практик. Монастыри являются одним из элементов этой системы.

Тобольск, заложенный в 1587 г. при впадении Тоболы в Иртыш, занимает особое место в истории рус-

ской колонизации Сибири. Он был одним из первых городов, основанных служилыми людьми за Уральским хребтом, главным административным и экономическим центром, а с учреждением Сибирской епархии и православной столицей региона.

Прямых свидетельств о времени появления мужской монашеской общины в Тобольске не сохранилось, поэтому высказывались разные предположения. Так, в литературе XIX в. датой основания монастыря назывались 1601 г. или 1605 г. А. Сулоцкий обратил внимание на грамоту 1662 г., адресованную тобольскому воеводе И. Хилкову [1, с. 71.]. В ней упоминались переписные книги владений Знаменского монастыря 150 (1641/42) г., в которых шла речь об истории приобретения монастырем некоторых земель¹. В частности, был отмечен

¹ ДАИ. СПб., 1851. Т. 4. С. 262–265.

земельный вклад 104 (1595/96) г., сделанный сыном тобольского атамана пеших казаков Третьяка Юрлова Максимом «по приказу отца его»². На основании этого документа А. Сулоцкий определил, что мужской монастырь появился в Тобольске до 1595/96 г. [1, с. 20]. Эта датировка закрепились в историографии и стала основанием для того, чтобы считать тобольский монастырь древнейшим в Сибири [2, с. 7.].

Согласно сложившейся версии, первоначально монастырь находился на левом берегу Иртыша недалеко от устья Тобола, и его церковь была посвящена Зосиме и Савватию Соловецким [3, с. 143]. Существует предположение, что его основатели были выходцами из Соловецкого монастыря [2, с. 7.]. Со сменой места расположения обитель меняла названия, став сначала Успенской/Никольской (с 1609/10 г.), позднее – Знаменской (с 1624 г.).

В историографии наряду с этой версией факт существования Зосимо-Савватиевского монастыря получил самостоятельное звучание. В справочнике В.В. Зверинского ему посвящена отдельная статья [4, с. 67–68]. В относительно недавно вышедшей работе «Сибирь. Атлас Азиатской России» на карте «Монастыри Сибири» отмечен Тобольский Зосимо-Савватиевский монастырь (№ 90), основанный в XVII в. [5, с. 815]. Однако еще в начале XX в. А. Юрьевский выразил сомнение в его существовании, обратив внимание на то, что сведения о месте его расположения и наименовании имеются лишь в «Книге записной». По его мнению, в публикации грамоты 1662 г. была допущена ошибка, год вклада Третьяка Юрлова – 140 г., а не 104 г. Владения вверх по Иртышу, якобы переданные монастырю, по данным дозорной книги 1623 г. еще принадлежали тобольскому атаману Третьяку Юрлову [6, с. 81]. Как установил Н.И. Никитин, Третьяк Юрлов служил в этой должности по 1630 г. [7, с. 75]. Очевидно, в 1630 г. или 1631 г. он скончался или собирался на покой в монастырь, и тогда логичным выглядит поступок его сына, передавшего монастырю в 1631/32 г. владения отца.

Доказательством тому, что монастырь получил эти земли позже 1595/96 г., могут служить и переписи монастырских владений 1621 и 1623 гг. В них отмечено, что обитель имела «вверх по Иртышу» «на Вагае, на старой Сибири и в Шанталыке» 8 деревень и починок³. Единственный вклад, указанный в книге 1623 г. – это деревня-однодворка на Вагайском острове Саввы Французенина. Таким образом, датирование основания мужского монастыря концом XVI в. лишается единственного доказательства. Также не находят документального подтверждения и другие даты основания Зосимо-Савватиевского монастыря, упоминаемые в литературе.

Задав вопрос, «существовал ли на самом деле этот монастырь», А. Юрьевский не решился дать на него од-

нозначный ответ по причине того, что еще «не все документы, относящиеся к истории Сибири, открыты» [6, с. 77]. К сожалению, и сегодня историки не располагают прямыми доказательствами его существования или отсутствия. Вместе с тем на определенные размышления может навести анализ посвящений престолов церквей и состав икон Успенского и Знаменского монастырей, зафиксированных в дозорной книге Тобольска 1624 г.⁴ Успенская обитель была построена в нагорной части города за острогом, недалеко от Воскресенских ворот в 1609/10 г. [3, с. 143]. Удаленность от реки, большие затраты на доставку строительных материалов и дров вынудили старцев искать новое место для монастыря [9, с. 82]. В 1624 г. завершилось строительство Знаменского монастыря в подгорной части Тобольска вблизи Иртыша, и туда переселилась мужская община.

Согласно дозорной книге 1624 г., в Успенском монастыре находились Успенская с приделом во имя Варлаама Хутынского и Никольская церкви. Не исключено, что придельный храм у Успенской церкви появился в первые годы существования Сибирской епархии, и инициатором выбора его посвящения мог быть архиепископ Киприан, который до поставления на тобольскую кафедру был игуменом Новгородского Хутынского Преображенского монастыря. Согласно «Книге записной», Никольская церковь была возведена за один день (23 июня 1611 г.) «по обещанию всех православных христиан от конского падежу» [3, с. 143]. Поэтому в первой четверти XVII в. обитель также называли Никольской⁵.

В описании Успенской церкви 1624 г. среди местных икон отмечены храмовые образы Успение Богородицы «на золоте» и Варлаам Хутынский «на вохре в аршин с четью», а также иконы Ильи пророка «на золоте», Николая Чудотворца, Бориса и Глеба «на пражелени в аршин с четью». Образ-пятница Николая Чудотворца с чеканным серебряным окладом в киоте был особо почитаем, об этом можно судить по большому количеству прикладов. Разные манеры исполнения и размеры икон местного ряда свидетельствуют о том, что они появились в церкви не одновременно. В местном ряду Никольской церкви находились иконы Успения Богородицы, Николая Можайского и Кирилла Белозерского. У резного образа Николая Можайского также имелось много прикладов.

В только что построенном Знаменском монастыре была Знаменская церковь на высоком подклете, в котором размещались погреб и келарская. Местный ряд ее иконостаса составляли образы Знамения, Успения и Одигитрии. Храмовая икона Знамение Богородицы была выполнена «на вохре», ее украшала пелена «кунная брузнична, опушена кушаком». У иконы Богородицы Одигитрии были серебряный оклад и киот, пелена, значительное количество прикладов. Скорее всего,

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 3. Л. 61–69.

⁵ В частности, оно использовано архиепископом Киприаном в сообщении патриарху Филарету о кадровых назначениях в сибирские монастыри в 1621 г. [7, с. 177].

² Там же. С. 264.

³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 13. Л. 224–245; Дозорная книга 1623 г. [8, с. 10–12].

ее почитание началось еще до строительства Знаменской церкви⁶. Возможно, эта икона была перенесена из Успенского монастыря.

В трапезной Знаменского храма находилось 12 икон «на празелени» размером в 3/4 аршина, посвященных Господским и Богородичным праздникам, а также икона Богородицы Печорской «на празелени». Скорее всего, праздничные иконы были заказаны единой партией специально для Знаменской церкви. А образ Богородицы Печерской, возможно, был привезен постриженным Печорского монастыря черным дьяконом Ферапонтом, приехавшим в Сибирь вместе с архиепископом Киприаном и отправленным на служение в Успенский монастырь в 1621 г. [10, с. 177]. По начальному плану территории Успенского и Знаменского монастырей должны были принадлежать одной мужской монашеской общине, но в 1625 г. тобольские воеводы перевели в Успенский монастырь монахинь, до этого проживавших в кельях при церквях Рождества Богородицы и Николая Чудотворца на верхнем посаде⁷. Любопытно, что через некоторое время женская община построила на территории монастыря церковь во имя Рождества Богородицы, обитель стали называть Богородицерождественской, т.е. старицы сохранили традицию почитания этого праздника в храмоименовании.

Таким образом, если действительно за Иртышом существовал монастырь с Зосимо-Савватиевской церковью, то при перенесении обители дважды на новое место традиция посвящений монастырских церквей во имя соловецких святых не воспроизводилась. Не наблюдается преемственности почитания Зосимы и Савватия и в местных рядах иконостасов монастырских храмов в первой четверти XVII в.

Версия о существовании Зосимо-Савватиевской обители была оформлена в «Книге записной», созданной в конце XVII в. В сюжете о строительстве Знаменского монастыря летописец отметил, что были воздвигнуты церкви «во имя Знамения пресвятыя богородицы, яже в Великом Новеграде, а другая во имя Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, яже и первоначальная бысть за рекою в монастыре» [3, с. 147].

По имеющимся документам существование отдельно стоящей церкви во имя Зосимы и Савватия Соловецких на территории Знаменского монастыря не прослеживается. По мнению П.Н. Буцинского, церковь с таким посвящением была приделом Знаменской церкви [11, с.110]. Возможно, между 1627/28 и 1659 г. Знаменская церковь подверглась перестройке, и у нее появился этот придел. В мае 1659 г. пожар уничтожил все постройки Знаменского монастыря. Впоследствии после каждого пожара Знаменская церковь восстанавливалась, но не известно, с приделом или без него. Скорее всего, какой-то период Зосимо-Савватиевской

церкви на территории монастыря не существовало. Такое храмоименование появилось позднее у придельного храма другой монастырской церкви.

Согласно описанию Г. Миллера, в 1741 г. в Знаменском монастыре находились каменная Преображенская, деревянные Знаменская с приделом во имя Трех святителей и Казанская с «боковым алтарем» во имя Зосимы и Савватия. Последняя была в весьма плачевном состоянии, поэтому было начато строительство новой каменной Казанской церкви с «двумя боковыми алтарями»: Трех святителей и Соловецких чудотворцев [12, с. 184].

Впервые монастырская Казанская церковь была возведена в 1661 г. за три дня в связи с явлением Казанской иконы Богородицы в Тобольске. Вряд ли тогда ее построили с приделом. Казанская церковь, как минимум, дважды уничтожалась пожарами и вновь отстраивалась. Возможно, новая церковь возводилась с приделом. Очевидно, Казанский храм, который видел Г. Миллер, построили после 1683/84 г., потому что в описании монастыря этого года ее еще нет [8, с. 20].

На наш взгляд, возобновление посвящения придельного храма во имя Зосимы и Савватия, но при Казанской церкви, не случайно и связано с утверждением версии о существовании начального Зосимо-Савватиевского монастыря. Потребность в обретении своей истории появилась у братии на определенном этапе существования обители под влиянием внешних и внутренних факторов. Обитель находилась в городе, ставшем центром епархии. Если в начале монастырь был местом упокоения немощных служилых людей⁸ и ссылки провинившихся священнослужителей, то с созданием епархии его статус стал меняться, и немалую роль в этом сыграли сибирские архиереи.

Важным показателем этих изменений является возведение настоятеля в сан архимандрита. В 1621 г. архиепископ Киприан писал, что он «послал» в Успенский (Никольский) монастырь архимандрита Мефодия [10, с. 177]. Долгое время тобольский монастырь был единственным в Сибири, управлявшимся архимандритом⁹. Очевидно, это было связано с тем, что архимандриты тобольского монастыря являлись духовниками сибирских архипастырей. По крайней мере, так было при архиепископе Киприане [10, с.209]. Отметим, что такие старинные монастыри, как Кириллов Белозерский, московский Богоявленский, Иосифов Волоколамский, получили архимандритию лишь в середине XVII в. [13, с. 165].

Знаменские архимандриты принимали участие в важнейших церковно-государственных событиях, про-

⁶ Между освящением Знаменской церкви и составлением дозорной книги прошло не более 4–5 месяцев. Вряд ли за такое короткое время новая икона могла стать столь почитаемой.

⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 13. Л. 165.

⁸ В челобитной около 1627/28 г. архимандрит Тарасий писал, что в монастыре «стригутся все служилые люди старые и увечные, которые вашей государские службы служить не могут и прожитком обнищали, а иных воеводы присылают по их челобитью старых же и увечных, велят постригать для смертного часа». – См.: РГАДА. Ф. 214. Л. 3. Д. 13. Л. 165.

⁹ Верхотурский Николаевский монастырь стал управляться архимандритом только с 1669 г. – См.: Тобольский областной краеведческий музей. Д. 12584. Л.14 об.

исходивших в городе. Так, в 1676 г. во время приведения к присяге царю Федору Алексеевичу тобольских воевод, приказных чинов и голов архимандрит Герасим читал «обещания их верную исповедь» [3, с. 168]. Благодаря сибирским архиереям монастырь стал важным элементом сакральной системы города. При архиепископе Макарии закладывается традиция шествия новых архиереев из Знаменского монастыря в город [3, с. 148]. Когда в 1643 г. сгорел Софийский двор, обитель стала местом проживания архиепископа Герасима [14, с. 378]. Митрополит Корнилий, приняв схиму, скончался в этом монастыре в 1678 г. [3, с. 170].

В 1661 г. монашеская община обрела собственную святыню – чудотворный образ Богородицы Казанской, что, несомненно, должно было повысить роль обители в православном ландшафте не только города, но и региона. Митрополит Корнилий установил порядок ежегодного принесения чудотворной иконы Богородицы Абалакской в Тобольск 8 июля в день празднования Казанской иконы. После торжественной литургии в Софийском соборе самая известная сибирская святыня препровождалась в Казанскую церковь Знаменского монастыря [1, с. 141]. На наш взгляд, именно тогда, в 1660-е гг., у братии и появилась потребность в определении своих исторических корней¹⁰.

Строительство Казанской церкви с приделом во имя Зосимы и Савватия Соловецких соединило главную монастырскую святыню и истоки Знаменского монастыря. На чудотворной иконе Богородицы Казанской появились предстоящие Зосима и Савватий Соловецкие [15, с. 161]. В XVIII или XIX в. предполагаемое место начальной церкви во имя Зосимы и Савватия Соловецких было отмечено деревянной часовней [2, с. 7], что усилило эффект историчности сложившейся версии.

Как показывает история многих урало-сибирских монастырей, первые упоминания о них в документах появляются уже после того, как монашеская община просуществовала некоторое время, поэтому точную дату ее появления установить невозможно. На наш взгляд, начальная история тобольского мужского монастыря развивалась по тому же сценарию. До 1609/10 г. недалеко от Тобольска и не исключено, что на том самом месте, что указано в «Книге записной», возникла пустынь, в которой проживало несколько монахов. В 1609/10 г. служилые люди, заботясь о своем пристанище в старости, построили монастырь на горе за острогом, и туда переселились монахи. Еще в 1611/12 г. монашескую братию возглавлял строитель,

что характерно для пустыни [13, с. 164]. Став вкладчиками, служилые люди принимали активное участие в судьбе обители, в первую очередь решая вопросы ее обеспечения [9, с. 79]. Известно, что таким же образом, с пустыни без храма и какого-либо хозяйства, начинался Пыскорский Преображенский монастырь, затем его ктиторм стал Аника Строганов. На роль же древнейшего монастыря Сибири может претендовать и Верхотурский Николаевский монастырь, первое упоминание о котором в документах относится к 1604 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сулоцкий А.И. Сочинения: в 3 т. Тюмень, 2000. Т. 1. О церковных древностях Сибири/под ред. В.А. Чупина. 480 с.
2. Г-нь (Головин) П. Тобольский Знаменский, второклас., мужской монастырь//Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 1 – 2, часть неофициальная. С. 6–60.
3. Книга записная // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). М.: «Наука», 1987. Т. 36: Сибирские летописи Ч. 1: Группа Есиповской летописи. С. 138–176.
4. Зверинский В.В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. СПб, 1897. Т. 3. 270 с.
5. Азиатская Россия. Сибирь. Новосибирск; Москва, 2007. 865 с.
6. Юрьевский А. Свящ. Зосимо-Савватиевский Тобольский монастырь // Тобольские епархиальные ведомости. 1904. № 5. неоф. отд. С. 76–84.
7. Никитин Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия»//Проблемы истории России. Екатеринбург: НППМ «Волот», 2001. Вып. 4.: Евразийское пограничье. 384 с.
8. Вотчины Тобольского Софийского дома в XVII в. / сост. Н.А. Балук. Тюмень, 2001. 88 с.
9. Покровский Н.Н. Три документа по истории церкви в Сибири в XVII в.// Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 77–86.
10. Тобольский архиерейский дом в XVII веке. / сост. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск, 1994. 294 с.
11. Буцинский П.Н. Сочинения: в 2 т. Тюмень, 1999. Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. 328 с.
12. Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г.Ф. Миллера / пер. и подг. текста, предисл., коммент. А.Х. Элерта. Екатеринбург: НППМ «Волот», 2006. 416 с.
13. Румянцева В.С. Монастыри и монашество в XVII веке // Монашество и монастыри в России XI–XX века: исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 163–185.
14. Герасим архиепископ Сибирский и Тобольский // Тобольские епархиальные ведомости. 1887. № 19–20. С. 376–381.
15. Чугреева Н.Н. История Тобольской Казанской иконы Богоматери // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 161–165.

Статья поступила
в редакцию 11.07.2014

¹⁰ Яркий пример такой актуализации прошлого – это создание в начале XVIII в. «Известия об основании Далматовского монастыря». – См.: Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII в.): сб. док. / сост. И.Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 184–186.

УДК [930.2:913] (571.1/.5) “16”

В.Н. ДОБЖАНСКИЙ

**НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О НАЗВАНИИ ВЕРХНЕГО ЧУЛЫМА
И МЕСТОНАХОЖДЕНИИ КИЗЫЛЬСКОЙ ВОЛОСТИ В XVII в.**

доцент кафедры отечественной истории,
Кемеровский государственный университет,
г. Кемерово,
e-mail: kafoi@history.kemsu.ru

Автор на основе изучения историографии избранной темы, а также документа, обнаруженного в фондах Сибирского приказа и впервые вводимого в научный оборот, уточняет местонахождение Кызыльской волости, особое внимание уделяет истории выяснения локализации Ачинского острога и оз. Сызырим, его идентификации. Как известно, в 1641 г. служилые люди Томска, Тары, Тюмени, Тобольска и Кузнецка под руководством Я.О. Тухачевского поставили Ачинский острог. Он был построен для сбора ясака и оберегания ясачных людей Верхнего Чулыма от енисейских киргизов. Из отписок Тухачевского известно, что Ачинский острог был построен на р. Июс и оз. Сызырим. Долгое время р. Июс ассоциировалась с р. Белый Июс. В связи с этим предполагалось, что оз. Сызырим – это современное оз. Билё. Д.Я. Резун считал, что оз. Сызырим и местоположение Ачинского острога 1641 г. надо искать в районе Белого Июса и озер Билё и Ши́ра. Все попытки локализовать Ачинский острог в бассейне современного Белого Июса результата не давали. Благодаря изысканиям А.Х. Элэрта местоположение Ачинского острога 1641 г. уточнялось – не на Белом Июсе, в районе оз. Билё, а на современном Чулыме. Однако данный факт не мог объяснить того, что в одних документах Ачинский острог был построен на р. Июс, а в других – на р. Белый Июс. Автору, благодаря обнаруженному в РГАДА документу, удалось данное противоречие снять. В XVII в. енисейские киргизы называли Белым Июсом верховье р. Чулым вплоть до местонахождения Мелесского острога. Это название было принято русскими служилыми людьми, которые со временем сократили его до Июса. Наряду с этим устанавливается точное местоположение Кызыльской волости.

Ключевые слова: Ачинский острог, Кызыльская волость, Ачинская волость, р. Белый Июс, р. Чулым, р. Июс.

Для решения некоторых вопросов истории Сибири XVII–XVIII вв. определяющее значение имеет знание исторической географии того времени. Однако историко-географическая проблематика Сибири в целом и XVII в. в частности редко присутствует на страницах исторических исследований. Виною тому скудость источников. Другим фактором, затрудняющим изучение историко-географической проблематики Сибири, является слабая изученность имеющейся источниковой базы [1, с. 97–104; 2, с. 3–15.]. Особенно это актуально для первого этапа русской колонизации Сибири – конца XVI–XVII вв. Примером такого рода незнания современными исследователями историко-географических реалий того времени, которые впоследствии оказались забытыми, является проблема локализации Ачинского острога 1641 г. Подробная историография вопроса дана Д.Я. Резуном [3, с. 7–36].

Указанием на местоположение Ачинского острога 1641 г. мы обязаны Г.Ф. Миллеру: «Успешно пошло дело с постройкой в 1641 г. острога в Томском уезде. ... Для построения его был отправлен воевода Яков Тухачевский, который выбрал для острога место в Ачинской волости на реке Июсе. Это был Ачинский острог, который был построен тогда у озера Сызырима, к востоку от реки Июса, примерно в 60 верстах к северу от большой Красноярской дороги и перевоза на этой реке» [4, с. 98].

Исследователи предпринимали неоднократные попытки локализации острога на современной географической

карте. Как заметил позднее А.Х. Элэрт, «на оз. Сызырим и р. Июс указывает в своих отписках и основатель острога – Я. Тухачевский. Но где это озеро? И какой Июс имел в виду Миллер – Черный или Белый? О какой “большой Красноярской дороге” он писал, если в то время восточнее Июсов “больших дорог” на Красноярск не было? Свои решения этих вопросов предлагали десятки историков и краеведов. Но ни архивные разыскания, ни попытки привлечь данные топонимики, ни полевые изыскания не позволили ответить на них достаточно определенно» [2, с. 80].

Действительно, долгое время историки не имели четких представлений об оз. Сызырим, Красноярской большой дороге. Относительно же р. Июс особых разногласий не было, под ней понималась р. Белый Июс.

К.Н. Сербина на карте, приложенной ко 2-му тому «Истории Сибири», поместила Ачинский острог 1641 г. при слиянии Белого и Черного Июсов [5, карта-вкладка]. Долгое время эта локализация не вызывала сомнений. Она повлияла на вычерчивание русско-киргизской границы середины XVII в. В.С. Синяевым [6, с. 81]. Д.Я. Резун в целом согласился с предложением В.С. Синяева, но считал, что оз. Сызырим и местоположение Ачинского острога 1641 г. надо искать «в районе Белого Июса и озер Билё и Ши́ра» [3, с. 30, 69]. Однако все попытки локализовать Ачинский острог в бассейне современного Белого Июса результата не дали.

В 1988 г. Элэрт опубликовал историко-географическое описание Томского уезда, написанного Миллером в октябре

1734 г., и стало, наконец, понятно о какой р. Июс говорят документы. В этом описании Миллер отмечает, что р. Чулым «имеет особенно длинное и извилистое течение и получает свое название на Красноярской и Кузнецкой границах после слияния рек Июс и Урюп» [7, с. 65]. В другой своей работе сибирский историограф указал и местоположение оз. Сызирим [8, с. 215]. Его сведения позволили Элерту прийти к заключению, что «Ачинский острог 1641 г. находился не на Белом Июсе, в районе оз. Билё, как считали многие исследователи, а на современном Чулыме, приблизительно на 150 км севернее» [2, с. 81].

Вывод А.Х. Элерта никем теперь не оспаривается и принят историками-сибироведами. С этим выводом согласен и автор этих строк. Единственно, что вызывало вопрос и не находило объяснения, это упоминание в одних документах, что Ачинский острог был построен на р. Июс, в других – на р. Белый Июс. Так, в царской грамоте тюменскому воеводе И. Бобринцеву-Пушкину о походе Я.О. Тухачевского прямо сказано, что Ачинский острог был поставлен на Белом Июсе: «...да и он же де, Яков, отыскав в Киргизской земле угоднее место, поставил разных сибирских городов с служилыми людьми с 38 человеками среди Киргизские земли в Ачинской волости на реке на Белом Июсе и на Сызырме озере острог и всякими крепостями укрепил» [4, с. 574]. Это утверждение документа противоречит указанию Миллера и выводу Элерта. Ведь Миллер, говоря о том, что Июсом в его время называли верхний Чулым, тем самым подчеркивал его отличие от Белого Июса. Элерт также не обратил на это внимания.

Д.Я. Резун раннюю историю Ачинска изучал на основе подлинных документов Сибирского приказа, хранящихся ныне в РГАДА. Он приводит цитату из челобитной первых строителей Ачинского острога 1641 г.: «... острог в Киргизской земле в Ачинской волости на реке на Белом Июсе и на Сызырме озере поставили» [3, с. 69]. В другой челобитной строители Ачинского острога писали: «острог в Киргизской земле в Ачинской волости на реке Июсе и на Сызырме озере поставили»¹.

О строительстве Ачинского острога на р. Июсе или Белом Июсе пишет в своих отписках и Я.О. Тухачевский. В отписке от 31 июля 1641 г. он писал: «И я ... ехал посеред Киргизские земли в Кызыльскую волость на реку Июс сходитца з запасы, которые посланы ис Томского с сыном боярским с Васильем с Прокофьевым рекою Июсом. А в Кызылы я ... приехал июля в 21 день и в Кызыльскую, государь, волость з запасы не попали. И я ..., проехав Кызыльскую волость, а приехав в Ачинскую, зделав плот, поплыл на низ рекою Июсом в Мелеской острог против запасов ... и з запасными судами я ... сшелся в Мелеском остроге июля в 30 день, а вверх я Июсом ... пошел из Мелеского острогу июля в 31 день в Кызыльскую волость острогу ставить. ... А Кызыльская ... волость стоит посреди Киргизские земли на реке Июсе в великом угодье»².

В октябре 1642 г. уже вернувшись на Тару, Я.О. Тухачевский писал царю Михаилу Федоровичу: «И я ... проехал Киргизскую землю навстречу против запасов, которые были

запасы посланы наперед меня в Киргизскую землю, а встретился я, холоп твой, с хлебными запасы на реке на Белом Июсе под Мелеским острогом. И взяв тех служивых людей, которые шли з запасы, пошел вверх рекою Белым Июсом в Киргизскую землю. И пришедши в Киргизскую землю во 150-м году сентября в 8 день, поставил острожек в Ачинской волости на реке на Белом Июсе»³.

Таким образом, возникло новое противоречие, которое можно было объяснить только тем, что под Июсом и под Белым Июсом в цитированных выше документах понималась одна и та же река. Какая же эта река? Современный Верхний Чулым. Получается, что современный Верхний Чулым в XVII в. называли то Июсом, то Белым Июсом. Современные историки знают только один Белый Июс – тот, который после слияния с Черным Июсом, дает начало Чулыму. Более того, р. Чулым на «чертеже земли Томского города» также начинается от слияния Белого и Черного Июсов [9, л. 11]. Поэтому понять исследователей можно, когда они пытались локализовать Ачинский острог 1641 г. на современном Белом Июсе.

19 февраля 1642 г. глава Сибирского приказа князь Б.М. Лыков докладывал царю Михаилу Федоровичу о результатах похода в Киргизскую землю под руководством Я.О. Тухачевского. К докладу была сделана выписка из наказа Тухачевскому и его отписок из «Киргизской землицы», а также приложены «скаска» томских, тарских и красноярских служилых людей, приехавших в Москву по службе (см. Приложение).

Говоря о местоположении Кызыльской волости, томские служилые люди отмечали, что она находилась «в Киргизской земле, в камени, на верховье реки Чулым, что называют тое реку киргизы Белым Июсом»⁴.

Еще И.Е. Фишер обратил внимание на то, что разные части реки в зависимости от этнического состава жителей имели разные названия и что при анализе русских названий надо учитывать, с какой стороны они познакомились с этой рекой [10, с. 307–309, прим. 6; с. 579–582, прим. 33].

Русские познакомились с Чулымом со стороны Оби, после разгрома сургутскими казаками так называемой Пегой орды – одного из военно-политических объединений селькупских племен под главенством князя Вони. Селькупы обитали на обширной территории Средней Оби и ее притоках. Самым южным селькупским племенем было племя пайгула, или байгула, обитавшее в низовье Чулыма [11, с. 36–37]. От селькупов русские восприняли это название реки, именно селькупы в XVI в. и сейчас называют ее Чулым (чулымки) [12, с. 83].

Весь остальной бассейн Чулыма заселяли различные тюркоязычные народности, которые в русских документах XVII в. назывались татарами. Тюрки Оби называли Чулым еще в XVIII в. Ак-су (мутная река). Сами же чулымские тюрки «называли (и до сих пор еще называют) реку, на которой они проживают – Цём – от устья до деревни Коклаево, а выше до истоков – Йюс. Русские вплоть до XVIII в. назы-

¹ РГАДА, Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 338–339.

² Там же. Л. 301–302.

³ Там же. Стб. 84. Л. 747–748.

⁴ Там же. Оп. 3. Стб. 84. Л. 367.

вали эту реку Чулымом только до впадения Урюпа; выше ее называли Июсом» [12, с. 83; 13, с. 180].

Томские казаки восприняли от населения Верхнего Чулыма название Белый Июс, о чем и поведали в своей «скас-ке». Однако в повседневной жизни они редко называли Верхний Чулым Белым Июсом, сократив его просто до Июса.

В документах XVII в. гидроним *Июс* упоминается, хотя и не часто, как река, отличная от современного Белого Июса – в отписках преимущественно томских воевод и казаков, а также в статейных списках русских послов, ходивших к монгольским Алтын-ханам через «Киргизскую землю». Самое раннее упоминание р. Июс встречается в расспросных речах атамана Тарского города В. Тюменца и десятника И. Петрова об их поездке летом 1616 г. к Алтын-хану: «А ис Томскова города первая река Чя (Яя), река Кыя, река Урюпа, *река Июс*, река Енесея» [14, с. 58; 15, с. 5–6]. В «наказных памятях» 1621 г. строителям Мелеского острога М. Лаврову и О. Кокореву верховье Чулыма называли также Июсом [16, с. 82–83].

В январе-феврале 1680 г. состоялся поход в «Киргизы» томских служилых людей под руководством детей боярских Р. Старкова и И. Гречанинова. Поход этот был неудачным. Тем не менее его результатом стал предварительный договор об условиях уплаты киргизами ясака, была установлена граница между русскими владениями и Киргизской землей. Этой границей определена р. Июс: «*а русским де было в их землю за Июс войною не ходить, и им де под государевы города и остроги также за Июс не ходить*» [17, с. 219; 18, с. 171–172].

Во второй половине XVII в. верхнее течение Чулыма служилыми людьми Красноярска называлось просто Июс. Так, в феврале 1682 г. в своей «скаске» воеводе Г.И. Шишкину о путях и времени доставки в Киргизскую землю хлебных запасов красноярские казаки отмечали: «А ис Томского водяным путем в Киргизскую землю хлебные запасы на стругах провадить мочно Чулымом рекою и до Ачинского острогу и

дале. *А с устья той реке зов Чулым, а в Киргизской землице той же реке зов Июс*»⁵.

Томские казаки, говоря о Кизыльской волости, все же не указали ее точной локализации. Уточняет местоположение Кизыльской волости «скаска» тарских служилых людей Снетовского и Хорошко, которые утверждали, что Тухачевский хотел идти из Мелеского острожка «в Кизыльскую волость и хотел на реке на Белом Миусе и на усть речки Сыреси острог ставить»⁶. Сыресь – это современная речка Серж, которая впадает в р. Чулым примерно в 15 км западнее г. Назарово и в 20–25 км д. Дорохово [19, с. 82]. В районе этой деревни и находился Ачинский острог 1641 г. [2, с. 81] Таким образом, устанавливается местонахождение Кизыльской волости, которая находилась в устье рч. Серж.

Наконец, весьма интересно указание красноярского пятидесятника Н. Кольцова, что «Белой де Миус впал в Чулым реку»⁷. Это указание надо понимать в том смысле, который вытекает при чтении отписок Тухачевского, в частности, его последней отписки, цитированной выше. Из нее недвусмысленно следует, что в середине XVII в. верховье Чулыма называли Белым Июсом или просто Июсом вплоть до местонахождения Мелеского острога.

Таким образом, находит полное подтверждение указание Миллера о том, что не только в первой трети XVIII в., но уже столетием ранее верховье современного Чулыма служилые люди Томска и Красноярска и, вероятно, Кузнецкого и Енисейского острогов, называли Июсом (Миусом). При этом, судя по материалам Миллера и отпискам Тухачевского, к началу XVIII в. представление о протяженности р. Июс применительно к верховью Чулыма претерпевает изменения. По данным Миллера р. Чулым начиналась уже от слияния Июса и Урюпа [20, с. 307]. И это надо учитывать при чтении документов, в которых упоминаются Белый Июс, или просто Июс, разумеется, исходя из контекста документа.

Документ публикуется по Правилам публикации исторических документов в СССР (М., 1990).

П р и л о ж е н и е

1642 г., ранее февраля 19. – Расспросные речи тарских, томских и красноярских служилых людей в Сибирском приказе о кочевьях киргизов и местоположении Ачинского острога.

(Л.365) И в Сибирском приказе против Яковлевы отписки Тухачевского про киргиз и про киштымов и про острог, где быть в Киргизской земле острогу, расспрашиваны сибирские служилые люди, которые присланы от Якова Тухачевского с отписки, да томские да красноярской служилые люди, которые присланы из Томского да Красноярского острогу с государевою соболиною казною.

А в роспросе тарской ротмистр Иван Снетовской да казак Ивашко Хорошков, которые присланы от Якова Тухачевского с отписки, сказали. – Повоевал де Яков Тухачевской киргизских⁸ людей в Киргизской земле в их улусех над речкою Юбатов, под каменем, и, повоевав, шел вверх реки Юбату 3 дни, и, пришед, на реку Миус хотел острог ставить. И служилые де люди не дошед до Миусу, не послушав Якова, пошли в Томской на Кузнецкой // (Л.366) острог. А с Яковым де осталось служилых людей и ево, Яковлевых, людей всего двенадцать человек, да в Мелеском острожке сшел служилых людей, которые к ним шли с хлебными запасы. И всего ныне с Яковым служилых людей и ево, Яковлевых, людей человек с сорок. И с теми людьми хотел Яков из Мелеского острожка итти в Кизыльскую волость и хотел на реке на Белом Миусе и на усть речки Сыреси острог ставить. А то де

⁵ РГАДА, Ф. 214. Оп. 3. Стб. 715–716. Л. 226, 229.

⁶ Там же. Стб. 84. Л. 366.

⁷ Там же. Л. 370.

⁸ исправлено, в тексте киргизских.

место, где быть острогу, угодно [...] ⁹ меж рек Миюсу и Сыреси и от киргиских людей за каменем, и за горами, и за болоты, и лесов, и пашенных мест, и сенных покосов, и рыбных ловель, и зверя, и всяких угодей много. А по другую сторону реки Миюсу кочуют киргиские киштымы, а езд[у] от Томского города до Кизыльской волости, где быть острогу, четыре недели, а до Кузнецкого острогу две недели. А киргиские де люди кочуют в старых своих кочевьях // (Л. 367) за рекою Юбатом в каменных горах, от того места, где быть острогу, в десяти днищех. А воевать де из того острогу киргиских людей изгоном, а под государевы города, под Томской и под Кузнецкой, и на волости приходов киргизских людей тем острогом не унять, учнут обходить иными дорогами.

Томского города служилые люди атаман Дмитрий Копылов, Микитка Васильев, Еремка Степанов, Кирюшка Семенов, Володка Кизылов, Тренка Васильев, Баженко Васильев, Сенка Иванов, в роспросе сказали. – Та де Кизыльская волость в Киргизской земле, в камени, на верховье реки Чюлым, что называют тое реку киргизы Белым Миюсом, в черных лесах, а пашенных мест они в той волости не видали. А владеют ныне тою Кизыльскою волостью киргизы. А государю ясаку // (Л. 368) с себя те кизылы не дают другой год, а наперед сего они государю ясак платили и киргизы с них ясак имали ж. А от Томского де та Кизыльская волость езд[у] конем две недели. А за Кизыльскою де волостью киргиские кочевья в дву днищах, да тут же де, в киргиских кочевьях, в розных местех, кочуют киргиские киштымы, тубинцы, моторцы, точи, саяны. А водяной де путь от Томского к той Кизыльской волости тесен, одва и до Мелеского острогу с хлебными запасы одним летом поспевают, потому что река Чюлым невелика и мелка. А Кизыльская де волость от Мелеского острожку езд[у] конем днища с четыре, а водяного ходу от Мелеского в Кизылы не будет, потому что вода мелка добре, ходить будет в малых каюках нельзя. А хотя де в той Кизыльской волости киргиских людей приходов отнюдь не унять и государевых ясачных [волостей] ¹⁰ от них, киргиских [людей] ¹¹ // (Л.369) тем острогом не загородить, потому что киргиские люди ходят многими дорогами мимо Кизыльской волости. А от томскую сторону кизыльские киштымы кочуют не многие. А пристойнее б де того Кизыльского острогу прибавити в Томской да в Красноярской острог конных служилых людей, сколько государь укажет, и теми де прибылыми и старыми томскими и красноярскими служилыми людьми киргиских людей, смотря по тамошним временам, войною смирить, и под государеву руку привести, и аманатов у них поймать мочно. А только де не поймать у них аманатов добрых и их де без оманатов отнюдь умирить и от войны унять нельзя.

А речка Сересь, про которую сказывает тарской ротмистр Иван Снетовской, в той Кизыльской волости с Томскую сторону течет из Камени в Белой Миюс, а на усть той речки под острог место угодно ль, того они не знают, что они мимо тех мест ездят проездом с вожами. //

(Л.370) Красноярской пятидесятник Микифорко Кольцов в ропросе сказал. – Та де Кизыльская волость от Красноярского острогу езд[у], станичною ездою, 3 днища, на реке на Белом Миюсе, в Киргизской земле. А за Кизыльскою де волостью вверх по Белому Миюсу и переходя на Черной Миюс кочуют киргиские люди. А за киргискими людьми кочуют киргиские киштымы точи да саяны да мунгаты, а за киштымы Алтына царя люди.

А в Кизыльской де волости кочуют киргиские ж киштымы в розных местех. А с томскую сторону от Кизыльской волости кизыльские киштымы кочуют немногие, а большие киштымы кочуют за Кизыльскою волостью х киргиской стороне. А Белой де Миюс впал в Чюлым реку. Да с томскую ж де сторону у Кизыльской волости пришли места каменные, и у рек и у озер, болота, а пашенные места и сенные покосы в той Кизыльской волости каков[ы], того он не знает.

А те де кизыльские киштымы пашнишка невелика, наперед сего пахивали, сеяли курлык. А лесов больших нет, лес осинник да березник, и рыбы в той реке Миюсе // (Л. 371) много.

А где кочуют киргиские люди и те места степные, а приходов киргиских людей под Томской город, и под Кузнецкой острог, и на волости, хотя в той Кизыльской волости ос[трог] поставитца, не унять, учинят обходить около того острогу иными мест[ами], только де им будет утеснения мал[о] в том остроге, будут государевы служилые люди и киргиским людям ходить будет под Томской и под Кузнецкой от тех государевых служилых людей опас[но], потому что у них учнут ставитца на кочевьях жены и дети. А от Томского сколь далеко та Кизыльская волость и каков к ней ход, того он не ведает. //

(Л. 372) В роспросе ж томские служилые люди сын боярской Василей Прокофьев ^{12а}-да казак Мосей Григорьев-^{12б}, которые присланы из Сибири к государю от Якова Тухачевского с отписки в нынешнем во 150-м году января в 12-м числе сказали. – Сами де они с Яковом Тухачевским в походе не были, посылаемы они после того к Якову из Томского с хлебными запасы и им де Яков Тухачевской сказывал. Как де он, Яков, киргиских людей повоевал и сибирские де служилые люди, которые были с ним, с Яковом, не послушав ево, Якова, пошли с полоном, и с киргискими лошадьми, и с верблюдами, [и со всякими] ¹³ животы, что поимали у киргиз, через Кузнецкой острог в Томской город. А с ним де, Яковом, осталось служилых людей и ево, Яковлевых, людей только девять

⁹ слово неразборчиво;

¹⁰ слово утрачено, вставлено по смыслу;

¹¹ слово утрачено, вставлено по смыслу;

^{12а–12б} вписано над строкой;

¹³ утрачено, поставлено по смыслу;

человек и он де, Яков, служилым людям говорил, чтоб они дали ему для острожново ставленья и для промыслу, выбрав по десяти человек с роты, а сами б отвезли полон и поотправясь в Томском, пришли к нему, к Якову. И служилые де люди не послушали ж, пошли все в Томской. А как де они пришли в Томской и в Томском де воеводы тем служилым людям государево денежное и хлебное // (Л.373) жалованье дали, а к Якову Тухачевскому тех служилых людей высылали ль, того они не ведают, потому что они в Томском в ту пору не были, а были с Яковым. А при них де, как они, Василей и Мосейко, в Томском были ноября в 1-м числе, воеводы тех служилых людей к Якову Тухачевскому высылали и они де воевод не послушали, к Якову не пошли. И по их де поезд все служилые люди, которым указано быть с Яковым, в Томском все. А чают де они, что тем служилым людям к Якову и вперед не хаживать. А как бы де служилые люди от Якова не пошли [и остались]¹⁴ с ним или б их из Томского к Якову воеводы выслали и Яков бы государев указ исполнил, с теми служилыми людьми киргисских людей под государеву руку давно привел. А после де их отпуску осталось с Яковым служилых людей, которые к нему пришли с хлебными запасы, всех 37 человек.

А в котором де месте Яков Тухачевской острог поставил и то де место угодно, пашенных мест и сенных покосов и всяких угодей много и от киргисских¹⁵ людей в крепь, приход к тому острогу только с одну сторону, а с трех сторон пришли реки, река Белой Июс, да озеро, да речка Иргиска¹⁶.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Элерт А.Х.* Описание уездов Сибири Г.Ф. Миллера как исторический источник // Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1986. С. 97–104.
2. *Элерт А.Х.* Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1990.
3. *Резун Д.Я.* Русские в Среднем Причулымье в XVII–XIX вв. (проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск, 1984.
4. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 2000. Т. II.
5. *Сербина К.Н.* Карта Сибири первой половины XVII в. // Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 2000. Т. II.
6. *Синяев В.С.* К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII в. // ТТОКМ. 1956. Т. V. С. 79–88.
7. *Элерт А.Х.* Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.
8. *Миллер Г.Ф.* Путешествие из Красноярска в Томск. 1740 г. // Элерт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990. Приложения. С. 209–233.
9. *Ремезов С.У.* Чертежная книга Сибири. СПб., 1882.
10. *Фишер И.Е.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1774.
11. *Пелих Г.И.* Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981.
12. *Дульзон А.П.* Былое расселение кетов, по данным топонимики // Географические названия. М., 1962. С. 50–84. (Вопросы географии; Сб. 58)
13. *Дульзон А.П.* Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики // УЗ ТГПИ, 1950. Т. VI. С. 175–187.
14. Русско-монгольские отношения. 1607–1636: сб. док. / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук. М., 1959.
15. *Добжанский В.Н.* Гидронимы «Июс» и «Белый Июс» в русских документах XVII в. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири: Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. 7–8 октября 2003 г. Барнаул, 2003. Кн. II. С. 3–7.
16. *Добжанский В.Н.* «Наказные памяти» строителям Мелеского острога М. Лаврову и О. Кокореву // Гуманитарные науки в Сибири, 2012. № 3. С. 80–83.
17. *Бахрушин С.В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. М.: Изд-во АН СССР, 1955г. Т. III, ч. 2. С. 176–224.
18. *Бутанаев В.Я., Абдыкалыков А.* Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII вв. Абакан, 1995.
19. Красноярский край, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский автономные округа: Атлас. Новосибирск, 2008.
20. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Изд. 2-е, доп. М., 1999. Т. I.

Статья поступила
в редакцию 07.07.2014

¹⁴ слово утрачено, вставлено по смыслу;

¹⁵ исправлено, в тексте русских.

¹⁶ РГАДА, Ф. 214. Оп. 3. Стб. 84. Л. 365–373.

УДК 94(47).082/083

Н.Ю. ПИВОВАРОВ

**ФОРМИРОВАНИЕ КООПЕРАТИВНОЙ ЭЛИТЫ В РОССИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.***

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: pivovarov.hist@gmail.com

В статье рассматриваются генезис и развитие кооперативной элиты в России. Показано, что формирование элиты происходило параллельно со становлением и развитием кооперативного движения в Российской империи. Начальный этап формирования пришелся на годы реформ Александра II. Однако неразвитость кооперативного движения определила слабость самой элиты. В 1890-е гг. произошли существенные социально-экономические изменения, что отразилось на росте численности кооперации. Именно с этого времени кооперативная элита получила реальную возможность реализовывать свои идеи на практике. Исключительную роль в идейно-психологическом сплочении элиты сыграли кооперативное совещание 1896 г. в Нижнем Новгороде и Первый всероссийский кооперативный съезд в Москве в 1908 г. В итоге к 1917 г. элите удалось сосредоточить в своих руках ключевые рычаги влияния российской кооперации. Представители кооперативной элиты отличались по социальному происхождению, роду занятий и политическим взглядам. Большинство из них были представителями дворянства, духовенства и мещанства. Как правило, они занимали посты ответственных сотрудников, руководителей отделов и состояли членами правлений крупных кооперативных союзов. Другие совмещали работу в кооперативах со службой в различных государственных и общественных сельскохозяйственных организациях. Многие являлись журналистами и публицистами, причем большое внимание уделяли пропаганде кооперативных идей. Среди кооперативной элиты были преподаватели университетов, представители высших военных и гражданских чинов. Кооперация объединяла людей разных политических взглядов. Но относительно большую группу в ней составляли представители «левых» взглядов. Число социалистов самых разных толков в кооперации росло по мере увеличения оппозиционных настроений в отношении правительства и, шире, правящего режима. Однако у российской кооперативной элиты отсутствовали общая идеология и понимание относительно дальнейших путей развития кооперации. Эти обстоятельства стали главными причинами, почему не произошло перерастание элиты в устойчивую общность.

Ключевые слова: Российская империя, кооперация, кооперативная элита, социальный слой, профессиональная корпорация, социальная мобилизация.

Эпоха Великих реформ Александра II дала импульс модернизационным процессам как в экономической, так и в социальной, а позднее и в политической сферах. Традиционный уклад жизни российского общества усложнялся, оказывая непосредственное воздействие на экономические отношения и социальную мобильность. Формировались новые социальные группы, появлялись нетипичные сферы профессиональной деятельности и, как следствие, профессиональные элиты. Одним из таких общественно-экономических феноменов, повлиявших на социальную сферу и приведших к возникновению нового слоя российской элиты, стало кооперативное движение.

Кооперация, возникшая в результате бурно развивавшегося рынка, превратилась к 1917 г. в самый массовый экономический институт России. Вместе с тем она представляла собой многоуровневый, стратифицированный социальный институт, включавший кооперированное население, исполнительное и органи-

зационное руководство из разных социальных групп. По некоторым данным, в это движение было вовлечено от 80 до 120 млн чел. [1, с. 62–63; 2, с. 58–59; 3, с. 173–174]. Одновременно с развитием кооперации происходил генезис ее элиты, формировавшей идеологию движения и определявшей ключевые направления его деятельности. Именно она была «умом и волей всего кооперативного движения» [4, с. 3].

Цель статьи – показать специфику генезиса и динамику развития кооперативной элиты. Задачи – определить особенности социального состава элиты на различных этапах развития движения; проанализировать то, каким образом и насколько кооперативная элита, ее теории и практики оказывали влияние на возникновение и становление кооперативного сектора и тем самым способствовали ускорению социальной мобильности в других слоях населения России.

Первыми представителями кооперативной элиты были либеральные помещики с достаточно распространенными в образованных слоях российского общества середины XIX в. гуманистическими воззрениями. Ядро кооперативной элиты 1860–1880-х гг. со-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01725).

ставил известный петербургский салон, или кружок, князя А.И. Васильчикова – представителя старинного рода и видного общественного деятеля. Члены салона обсуждали проблемы развития кооперации среди крестьян и особое внимание уделяли кредитным и ссудо-сберегательным товариществам. В его работе наиболее активно участвовали А.В. Яковлев – мировой судья, блестящий публицист, автор капитального сочинения «О народном кредите» (1868 г.), братья В.Ф. и С.Ф. Лунгины – организаторы первого в России ссудосберегательного товарищества в с. Рождественское Костромской губернии, Н.П. Колупанов – журналист «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Вестника Европы», видный деятель земства Костромской губернии, Е.В. де-Роберти – социолог и философ-позитивист, Э.Р. Вреден – экономист, профессор Петербургского университета, В.Н. Хитрово – видный государственный деятель, основатель Императорского Палестинского общества, и др. По мнению большинства «васильчиковцев», российское общество нуждалось в скорейшей социально-экономической трансформации. Выход они видели в широком развитии кооперативного движения или, как их тогда называли, «народных ассоциаций» [5, с. 27–29]. Помимо представителей салона князя А.И. Васильчикова к кооперативной элите того времени относились Н.В. Верещагин, чьи попытки развить в России маслодельную и сыроваренную кооперацию в России получили широкий общественный резонанс, Н.П. Баллин – книгоиздатель, один из пионеров российской потребительской кооперации, автор книги «Памятной книжки русских потребительских обществ» (1870), Н.П. Зибер – социолог, экономист, один из первых теоретиков российской потребительской кооперации и др.

Кооперативная элита в 1860 – 1880 гг. была довольно слабой. Связано это было с тем, что кооперативное движение находилось на начальной стадии формирования. К концу 1880 г. в стране функционировало лишь 902 кредитных ссудо-сберегательных общества, 262 сельскохозяйственных кооператива и 96 потребительских обществ [3, с. 125; 6, с. 81, 103.]. 1890-е гг. стали новым этапом в истории российской кооперации. Благодаря стечению объективных благоприятных для развития кооперации обстоятельств ее элита получила возможность реализовывать свои идеи на практике.

Ключевую роль в переосмыслении роли и места кооперации сыграли катастрофические последствия неурожая и голода 1891–1892 гг. Историк и теоретик российской кооперации А.В. Меркулов писал: «Голод пробил брешь в плотине, которая сковывала общественные силы, и они стали литься сперва слабой струей – чем дальше, тем сильнее, вплоть до катастрофического общественного наводнения 1905 г., после которого, как после разлива Нила, общественная нива дала обильные всходы. Оживление кооперации явилось лишь частью этой общественной мощной струи» [7, с. 43–44]. Российская власть изменила свое отноше-

ние к кооперации. Ее стали рассматривать не просто как одну из форм организационной помощи голодающим, но, прежде всего, как средство модернизации сельского хозяйства и всей торговой системы [5, с. 65]. Именно тогда многие видные теоретики и практики кооперации стали участвовать в правительственных заседаниях, посвященных проблемам развития этого движения.

Исключительную роль для всего кооперативного движения России сыграл торгово-промышленный съезд в Нижнем Новгороде 1896 г., во время которого состоялось первое всероссийское совещание кооператоров. На совещании были согласованы проект устава потребительских обществ, утвержденный правительством в 1897 г., и проект поправок к закону об артелях. Резолюции совещания послужили отправными точками при проведении съездов потребительских обществ в Прибалтике и на Урале (1897 и 1901 гг.) и организации Московского союза потребительских обществ (1898 г.) [8, с. 9]. Наконец, «нижегородское совещание» имело важное идейно-психологическое значение и способствовало сплочению кооперативной элиты.

И все же вплоть до Первой русской революции позиции кооперативной элиты в социально-экономической жизни России оставались еще слабыми. Политические потрясения 1905–1907 гг., вызвавшие небывалый рост общественной активности, послужили стимулом для подъема кооперативного движения. Хотя подавляющее большинство представителей кооперативной элиты к 1905 г. стояли вне политики, они максимально полно использовали революционную обстановку для укрепления своих позиций. Именно в те годы был задуман и в Москве в 1908 г. проведен Первый всероссийский кооперативный съезд. Он продемонстрировал широкой публике организационные и экономические успехи российской кооперации. Вместе с тем этот съезд, проведенный вопреки запретам властей, способствовал сплочению кооперативной элиты и возникновению новой профессиональной корпорации. Ее представители заметно различались по социальному происхождению, роду занятий и политическим взглядам. Большинство российской кооперативной элиты были представителями дворянства, духовенства и мещанства. Немалую роль играли представители титулованной аристократии. Это был упоминавшийся ранее князь А.И. Васильчиков, а также князь В.А. Черкасский и А.Г. Щербатов, барон П.А. Корф. Одни из них работали в различных отраслях экономики, преимущественно в сельском хозяйстве, другие занимались научной и преподавательской деятельностью, третьи находились на государственной или военной службе. Достаточно трудно определить, где было их основное приложение труда, особенно тогда, когда речь заходит о таких фигурах, как А.В. Чаянов, С.Н. Прокопович, С.Л. Маслов, М.И. Туган-Барановский.

Подавляющее большинство представителей кооперативной элиты занимали посты ответственных сотрудников, руководителей отделов и состояли членами правлений крупных кооперативных союзов. Одним

из таких практических работников был В.И. Анофриев – секретарь Московского союза потребительских обществ, про которого А.В. Меркулов писал, что это был «скромный человек, но одним из тех, на чьих плечах выносятся тяжелый, черный труд общественного строительства, такие люди сообщают общественному делу размах, огонь, идейный энтузиазм, такие люди, как Анофриев – из числа “незаметных героев”» [7, с. 72]. Другие совмещали работу в кооперативах со службой в различных сельскохозяйственных организациях, что давало им возможность глубже изучить крестьянское хозяйство. Например, А.Е. Кулыжный долгие годы служил участковым агрономом в Курской, Московской и Полтавской губерниях [9, с. 167]. Благодаря приобретенному опыту он стал крупнейшим специалистом в области кооперативного сбыта, одним из идейных вдохновителей и создателей таких сбытовых кооперативных союзов, как «Союз-картофель», «Коопяйцо», «Пенькосоюз» и другие. И.В. Емельянов, разработавший оригинальную кооперативную теорию, до 1917 г. работал в Харькове сначала энтомологом, а затем губернским агрономом [10, с. 182].

Большинство представителей кооперативной элиты были прекрасными журналистами и публицистами. А.И. Чупров – один из крупнейших политэкономистов России на рубеже XIX–XX вв. – в течение почти 30 лет публиковал передовицы в «Русских ведомостях», которые, по словам известного историка и социолога М.М. Ковалевского, создали «кинематографическое изображение нашей хозяйственной жизни» [11, с. VI]. В начале XX в. почти все крупные печатные периодические органы публиковали статьи В.Ф. Тотомианца – главного пропагандиста кооперативных идей в России в начале XX в. Это были издания самых различных направлений: народнические, «легально-марксистские», либеральные, консервативные и даже такие официальные издания, как «Петербургские ведомости». Статьи Тотомианца оперативно перепечатывались в различных провинциальных периодических печатных органах.

Довольно широко в элите был представлен профессорско-преподавательский состав многих университетов страны. Достаточно вспомнить профессора Московского университета А.И. Чупрова, читавшего курсы по политэкономии и статистике, или приват-доцента Петербургского университета М.И. Туган-Барановского. Многие преподавали в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского. В состав кооперативной элиты входили представители военной элиты и высших гражданских чинов. Например, генерал-майор Н.П. Гибнер был первым председателем Московского союза потребительских обществ и Совета директоров Московского народного банка, а действительный статский советник, начальник благотворительного отделения хозяйственного департамента Министерства внутренних дел и один из сподвижников великого князя Константин Константиновича Е.Д. Максимов (более известный под псевдонимом

М. Слободжанин) прославился как блестящий публицист и теоретик кооперации.

Кооперация объединяла людей разных политических взглядов. М.И. Туган-Барановский писал: «И консерватор, и либерал, и умеренный, и радикал являются в равной степени потребителями и в равной степени заинтересованы в том, чтобы их предметы потребления были хорошего качества и стоили дешевле» [12, с. 511]. Например, князь А.Г. Щербатов был убежденным монархистом, в прошлом даже членом «Священной дружины» и сторонником сохранения сословного строя. И.В. Емельянов поддерживал столыпинскую аграрную реформу, считал, что община и общинное владение сковывали, уничтожали самостоятельность и вырабатывали в крестьянине психологию опекаемого и просителя, лишённого чувства хозяйственной ответственности [10, с. 181].

Достаточно большую группу в кооперативной элите составляли представители «левых» взглядов. При этом число социалистов самых разных толков в кооперации росло по мере увеличения оппозиционных настроений в отношении правительства и, шире, правящего режима. Первый мощный всплеск «левых» настроений произошел в период русской революции 1905 – 1907 гг. В последующем наблюдался только рост числа кооператоров-социалистов, который достиг своего пика в Первую мировую войну. Не в последнюю очередь это происходило под влиянием обсуждения в 1915–1916 гг. кооперативного законодательства. Предложенный правительством законопроект кооператоры резко критиковали. Они считали, что власть стремится «поставить пределы, сузить, сдавить, сковать кооперативное движение, в котором усматривалась опасность государственным устоям» [13, с. 328]. Поэтому теории и практики кооперации выступали за скорейшее утверждение собственного более эффективного, с их точки зрения, проекта. Возникшее противоречие было разрушено лишь после Февральской революции. В марте 1917 г. Временное правительство утвердило общероссийский кооперативный закон.

Поддавляющее большинство российской кооперативной элиты вплоть до 1917 г. не принимало активного участия в политической жизни России. Лишь некоторые из них совмещали кооперативную и политическую деятельность. Так, в социал-демократическую фракцию III Государственной думы входили Б.Р. Фроммет и М.Л. Хейсин – известные публицисты и историки кооперации, неоднократно подвергавшиеся обыскам и арестам. Хейсин был даже выслан из Петербурга в Псков под гласный надзор полиции [14, с. 130]. Своеобразную политическую эволюцию претерпели взгляды С.Н. Прокоповича, который первоначально был близок к народничеству, затем к социал-демократам, позже примыкал к либералам и даже входил в состав ЦК кадетской партии, а затем объявил себя внефракционным социалистом. Представители кооперативной элиты достаточно активно участвовали в выборах в IV Государственную думу в 1912 г. Именно тогда впервые некоторые теоретики стали трактовать

«кооперативный аполитизм» как форму «самообороны и самозащиты против попыток политической власти подчинить себе кооперацию» [15, с. 33–34; 16, с. 14].

Представители кооперативной элиты в разных формах пропагандировали свои идеи в массах. В первую очередь они использовали небольшие популярные брошюры, в которых в доступной форме начинающим кооператорам из крестьянской или рабочей среды объясняли азы правильной постановки дела. Начало положило общедоступное массовое издание брошюры Ф.В. Девеля «Сельские и городские общества потребителей и общественные лавки, или как устраиваются покупатели, чтобы не терпеть от обманов и покупать все необходимое для себя по дешевой цене и хорошего качества», вышедшая в 1897 г. В ней в доступной форме давались советы, как открыть общество потребителей, выбрать руководство, закупить товар, распределить прибыль, вести отчетность. Не менее популярной была брошюра В.Ф. Тотомианца «Мощь кооперации», впервые изданная в 1900 г. В ней на примере западноевропейской кооперации автор побуждал потребителей самостоятельно налаживать производство товаров, устранять посредников и таким образом противодействовать капитализму [17, с. 15].

С конца 1890-х гг. появляется специализированная литература по кооперации: например, книга И.Х. Озерова «Что такое общество потребителей, как его основать и вести» (1896 г.) или работа И.Ф. Жеребтьева «Система счетоводства, специально приспособленная для употребления в промышленных и сберегательных (потребительных) обществах» (1898 г.). Как правило, первые такие издания были переводными с немецких, английских и французских пособий. Но довольно скоро появились и широко распространились русские кооперативные учебники. В потребительской кооперации наибольшей популярностью пользовались публикации В.Н. Зельгейма – «Краткие указания по счетоводству потребительных обществ» (1909 г.), «Организация и практика потребительных обществ в России» (1913 г.), а также книга А.В. Меркулова и М.Л. Хейсина «Как организовать и вести потребительское общество. Тексты, законы, уставы, формы счетоводства и прочее» (1910 г.).

С начала XX в. стали издаваться крупные теоретические работы, рассчитанные на интеллектуальную аудиторию. Одной из первых публикаций такого рода стала книга С.Н. Прокоповича «Кооперативное движение в России. Его теория и практика», вышедшая в 1903 г. В ней автор представил довольно взвешенный и убедительный взгляд на природу кооперации. Он утверждал, что такая форма организации экономических отношений не может служить средством борьбы с капитализмом, так как является производной капитализма. Главная задача движения – в «борьбе против эксплуатации трудящихся представителями денежного, товарного и производительного капитала» [18, с. 24]. Другой, не менее популярной, была двухтомная монография публициста А.А. Николаева «Теория и практика кооперативного движения» (1908). В ней

автор уделял особое внимание производственной кооперации, провозглашая ее высшей формой развития [15, с. 13]. Такая точка зрения была довольно широко распространена среди элиты. Наиболее активно ее поддерживали А.Г. Штанге – либеральный народник, организатор Павловской артели металлургов, а при советской власти первый председатель Всероссийского союза промысловой кооперации, Н.В. Левитский – писатель и журналист, организатор первой земледельческой артели в России и др. На III Всероссийском кустарном съезде под их влиянием была принята резолюция, согласной которой идеальной формой кооперативного единения в экономическом и организационном отношении объявлялась производственная артель [19, с. 54].

Под руководством кооперативной элиты стали выходить первые печатные периодические кооперативные издания, в том числе общероссийского значения – «Кооперативная жизнь», «Союз потребителей», «Кооперативный мир», «Вестник мелкого кредита». Особое место занял выходивший с 1909 по 1918 г. журнал под редакцией М.И. Туган-Барановского «Вестник кооперации» – одно из лучших кооперативных изданий теоретического и научно-прикладного характера не только в России, но и за рубежом. Всего к 1917 г. в России издавалось около 40 различных наименований кооперативной периодики [20, с. 216]. Широкое распространение периодики и научно-популярной литературы о кооперации способствовало тому, что ее идеи находили все больший отклик в различных слоях общества.

Особое внимание представители кооперативной элиты уделяли вопросу образования и формирования профессиональных кадров. В 1908 г. был открыт Московский народный университет им. А.Л. Шанявского, где готовили высококлассных специалистов в области кооперации. Здесь преподавали П.А. Садырин (один из основателей университета), М.И. Туган-Барановский, Н.П. Макаров, В.Ф. Тотомианц, А.А. Евдокимов – автор многочисленных социально-экономических исследований, В.А. Кильчевский – земский статистик, эсер, В.И. Анисимов – член Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах, энес, С.Н. Прокопович, В.В. Хижняков – секретарь Вольного экономического общества, А.В. Чаянов и др. Теоретические и практические знания подкреплялись экскурсиями в образцовые кооперативные заведения не только в России, но и за рубежом.

Идеологию русских кооператоров трудно квалифицировать в каких-то точных категориях. Для одних кооперативы по духу были близки христианским началам, другие следовали идеям социалистическо-утопистов XIX в., наконец, третьи видели в кооперации средство для революционной борьбы. Например, Е.Д. Максимов считал, что кооперативная организация общества близка к идеям «коммунистического анархизма» и «федерального социализма» [21, с. 66], а К.А. Пажитнов – обществовед и публицист, полностью отождествлял идеал кооперации с идеалом коммуниз-

ма [22, с. 50–52]. Наибольшее развитие среди элиты получили идеи «кооперативного социализма» – теории, в основе которой лежала возможность развития социализма мирным, эволюционным путем. «Кооперативный социализм» стал своеобразным сплавом мечты и реальности, в котором отразилась глубокая вера в творческий потенциал этого социально-экономического движения и его соответствие подлинно нравственным устремлениям людей.

Однако все эти идеи опережали жизнь, реальное развитие и возможности кооперативов. Не случайно сам М.И. Туган-Барановский признавался, что «социальный идеал кооперации полностью никогда не будет достигнут» [12, с. 449]. Российская кооперативная элита оказалась более «идейной» и романтической, чем западная. Ей был свойствен дух товарищества, солидарности, взаимовыручки. Еще А.В. Чаянов, сравнивая бельгийскую и российскую кооперацию, справедливо отмечал: «Давая общую характеристику кооперативным начинаниям, соприкасающимся со скотоводством, мы должны подчеркнуть, что, по нашему впечатлению, они, как и вся сельскохозяйственная кооперация Бельгии, представляют собой чисто практические предприятия мелких хозяев, с основания до вершины проникнуты коммерческим духом, и бесконечно далеки от тех идей взаимопомощи трудового народа, которые склоны навязывать российские приверженцы трудовой теории» [23, с. 44].

Формирование кооперативной элиты началось под влиянием Великих реформ, ее становление произошло на рубеже веков, но окончательно процесс так и не был завершен. В нее вошли представители различных социальных слоев, профессий, уровня образования, что было отражением ведущих тенденций общероссийского процесса социальной мобильности в конце XIX – начале XX в. Представители элиты, объединенные общностью интересов и идеей эффективности кооперации для российской действительности, успели возглавить профессиональную корпорацию и сосредоточить в своих руках важнейшие рычаги управления. Это позволило им в первое десятилетие XX в. решить первоочередные организационные проблемы, создать разветвленную структуру и наладить хозяйственные связи. Но в дальнейшем, столкнувшись с необходимостью совершенствования и развития кооперации, входившие в состав элиты деятели разошлись в концептуальном понимании ее перспектив. Отсутствие общей идеологии стало главным препятствием на пути консолидации элиты в устойчивую общность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фарутин А.И. Характер и особенности кооперативного движения в дореволюционной России // Уч. зап. Калинингр. ун-та. Калининград, 1970. Вып. 4. С. 42–104.
2. Кабанов В.В. Октябрьская революция и кооперация. М., 1973.
3. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк. 1861–1930. Иваново, 2002.
4. Макаров Н.П. Основные вопросы кооперативной идеологии. О многогранности кооперации как общественного явления // Вестник Московского областного кооперативного союза. 1919. № 7–8. С. 1–17.
5. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М., 2009.
6. Николаев А.А. Теория и практика кооперативного движения. М., 1908.
7. Меркулов А.В. Исторический очерк потребительской кооперации в России. М., 1919.
8. Кооперация. Страницы истории. М.: Наука, 2011. Т. 1. Кн. 3. Ч. 2.
9. Кабанов В.В. Андрей Евменьевич Кулыжный // Кооперация. Страницы истории. М., 1997. Вып. 6. С. 165–172.
10. Телицын В.Л. Иван Васильевич Емельянов и его исследование кооперации // Кооперация. Страницы истории. М., 1997. Вып. 6. С. 153–198.
11. Ковалевский М.М. Предисловие // А.И. Чупров. Речи и статьи. М., 1909. Т. 1. С. I–XXVIII.
12. Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1916.
13. Болотова Е.Ю. «В единении – сила». Потребительская кооперация в России в конце XIX – начале XX века. Волгоград, 2003.
14. Коновалов И.Н. Кооператоры в Государственной Думе России (1912–1917) // Кооперация. Страницы истории. М., 2003. Вып. 10. С. 112–148.
15. Пажитнов К.А. Популярны очерки по теории кооперации. Пг., 1918.
16. Кильчевский В.А. Кооперация и партии. Пг., 1919.
17. Тотомианц В.Ф. Мошь кооперации. СПб., 1900.
18. Прокопович С.Н. Кооперативное движение в России. М., 1918.
19. Кабанов В.В. Кооперация, революция, социализм. М., 1996.
20. Меркулов А.В. Вопросы кооперативного движения в России. Пг., 1918.
21. Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооператизма-артельности. Пг., 1919.
22. Пажитнов К.А. Кооперация и ее отношение к профессиональному движению, политическим партиям и социализму. Пг., 1917.
23. Чаянов А.В. Общественные мероприятия по скотоводству в Бельгии. Доклад соединенному заседанию Комитета скотоводства и Комитета ссудо-сберегательных и промышленных товариществ. Б.м., 1909.

Статья поступила
в редакцию 9.10.2014

УДК 947(57): 63

И.И. КРОТТ

НОВЫЕ ЗНАНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

канд. ист. наук,
Омский государственный педагогический университет
e-mail: ivkrott@mail.ru

В статье на основе архивных и опубликованных источников рассматриваются вопросы инноваций в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв., особое внимание уделяется деятельности сельских предпринимателей в области земледелия, которые не только транслировали, но и трансформировали новейшие знания и технологии. Теоретико-методологической основой исследования является концепция диффузионизма, согласно которой главным содержанием исторического процесса следует признать диффузию, контакт, заимствование, перенос и взаимодействие культур. Автор делает вывод о том, что модернизационные процессы на региональном уровне, экономическая и культурная «отсталость» России от Западной Европы объективно порождали общественную потребность в изживании устаревшего патриархального уклада. «Коммерциализация» изменяла повседневную жизнь, обыденное сознание и поведение представителей сельского социума, который все более вовлекался в активную экономическую деятельность. При этом проникновение и распространение инноваций в Сибири происходило в двух проекциях: «сверху вниз» и «от центра к периферии». Рационализация земледельческого хозяйства у сельских предпринимателей осуществлялась как за счет их собственного опыта ведения хозяйства, так и приобщения к достижениям передовой научной мысли. Местное крестьянское население активно интересовалось агротехнологической модернизацией земледельческого хозяйства у сельских предпринимателей, более того, оно пользовалось определенными достижениями последних.

Ключевые слова: модернизация, социокультурные изменения, коммерциализация локального сообщества, сельские предпринимательские хозяйства, диффузия инноваций, рационализация сельского хозяйства, Западная Сибирь, земледелие, сельскохозяйственные машины и орудия, технологические новшества.

Строительство Сибирской железнодорожной магистрали, увеличение «пришлого» элемента в структуре местного населения и, как следствие, социокультурные перемены в сибирском локальном сообществе актуализировали исследовательский интерес к таким вопросам, как изменения в образе жизни, формирование новых стратегий хозяйственного поведения представителей сибирского социума, диффузия социальных и технических инноваций в условиях трансформации локального сообщества в конце XIX – начале XX вв.

Модернизационные процессы, наиболее ярко отразившиеся в промышленности, торговле, развитии кредитно-финансовой системы, не могли не затронуть аграрную сферу, способствуя деловой активности сельского населения имперской окраины.

В условиях социокультурных изменений в регионе формы жизненной активности сельского сообщества развивались в основном в борьбе консерватизма, традиционной устойчивости деревенской жизни и нововведений, проникавших в крестьянскую среду. В современной научной сибиреведческой литературе имеется масса примеров, указывающих на рост производства товарных сельскохозяйственных культур, распространение новейших машин и орудий, форми-

рование и развитие предпринимательства в деревне, капиталистический характер промыслов и т.п. [1; 2].

Экономическая активность представителей сельского сообщества на микроуровне приводила к «рационализации» и «нововведениям», а в итоге к усвоению населением элементов предпринимательского ведения хозяйства. Поэтому изучение «традиций» и «новаций» в сельском хозяйстве Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. является одной из важнейших научных задач для специалистов, изучающих аграрную историю поздней имперской России. Следует отметить, что с учетом современных тенденций развития исторической науки, междисциплинарных исследовательских практик актуальным представляется переход от освещения истории социально-экономической сферы как таковой к изучению истории рационализма и новаторства в регионе, важнейшим звеном которой в конце XIX – начале XX вв. выступала «рационализация» аграрного предпринимательства.

Не претендуя на полноту раскрытия проблемы, так как историкам еще предстоит детально изучить каналы взаимодействия между модернизационными усилиями, инновационными изменениями и архаичным сознанием, мы рассмотрим в настоящей статье лишь отдельные нововведения и инновации, которые имели место в де-

ятельности сельских предпринимателей сибирского локального сообщества в области земледелия.

Данное исследование основывается на использовании в качестве методологической основы концепции диффузионизма. В рамках названной концепции в исследовательских практиках востребовано такое понятие, как «диффузия инноваций» – распространение уже однажды освоенной и использованной инновации в новых условиях или местах применения [3, с. 15]. Этот термин стал широко употребляться в экономической и управленческой литературе после выхода в 1962 г. работы Эверетта Роджерса (Everett M. Rogers) «Diffusion of Innovations» – «Диффузия инноваций», в которой он предложил модель описания этого процесса [4].

Применительно к России поздней имперского периода следует учитывать, что проникновение и распространение инноваций осуществлялось в двух проекциях: «сверху вниз» и «от центра к периферии» [5]. В Сибири ситуация была еще более сложной в силу ее месторасположения. На рубеже XIX – XX вв. полоса вдоль Транссибирской магистрали, с одной стороны, сама испытывала влияние и была открыта для «европейских» инноваций как из стран Западной Европы или Америки, так и из Европейской России, а с другой стороны, сама стала своеобразным «центром» распространения нововведений во все «медвежьи уголки» региона: Тобольский север, Киргизский край и др. Данная территория стала играть роль своеобразного посредника, не только транслируя, но и трансформируя знания и технологии [6, с. 32].

Известно, что российская аграрная колонизация края носила земледельческий характер, а главным земледельческим районом была западная ее часть, где находилось 78 % всех общесибирских пахотных земель [7, с. 123]. В конце XIX – начале XX вв. в условиях модернизационных изменений сельское хозяйство Западной Сибири стало подвергаться процессу товаризации. В этот процесс оказались вовлечены как крестьянские хозяйства, так и сельские предприниматели, значительная часть хозяйств которых в регионе специализировалась на выращивании товарного зерна.

В конце XIX в. преобладающей технологической системой в основных земледельческих районах Западной Сибири являлась парозалежная. Неизбежным спутником этой системы был экстенсивный характер земледелия и далеко не полное использование земельных богатств.

В большинстве предпринимательских хозяйств Западной Сибири применялась улучшенная парозалежная система полеводства с паровым и травяным клином [8, с. 83–84, 97–98, 106–107, 116–117]. В некоторых хозяйствах использовались трехпольная и даже четырехпольная системы [9, с. 6]¹. Сельские предприниматели уделяли внимание и удобрению полей, что

являлось, по мнению современников, «необходимым условием правильного хозяйства» и способствовало высоким и стабильным урожаям [10, с. 2]². Так, известный в регионе предприниматель Е. М. Красюков, удобряя навозом земли в своем хозяйстве, получал урожай более 300 пудов с десятины³.

Технологические инновации в возделывании зерновых культур в предпринимательских хозяйствах коснулись, прежде всего, способов обработки почвы. Востребованными оказались идеи и практики как представителей русской национальной агрономической школы (И.А. Стебут, Н.М. Сибирцев, А.Г. Дояренко, А.Я. Гордягин, А.Ф. Лебедев), так и зарубежной, в частности американской (У. Гарвуд, Ч. Скофильд, И.Б. Розен). Ярким свидетельством этому является опыт ведения предпринимательского хозяйства в Омском уезде Акмолинской области И. М. Карзиным. Незаурядная личность, известный в Западной Сибири коммерсант, общественный деятель, был еще и агрономом-практиком.

Основным способом обработки целины, получившим распространение как в Европейской России, так и в Сибири, был подъем пласта земли – «взмет» [10, с. 24]. И. М. Карзин путем личных опытов обнаружил прямую зависимость приема обработки целины от времени ее обработки. В связи с этим он популяризировал более современный способ обработки целины – «лушение». В этом случае обработка производилась так называемыми «культурными плугами с дерноснимами», которые способствовали наилучшему протеканию биохимических процессов, так как «дернина, подрезаемая дерноснимом, сбрасывалась на дно борозды и, прикрытая разрыхленным слоем, быстро перепревала» [11, с. 48–49].

При обработке почвы И.М. Карзин руководствовался принципом сбережения влаги. Поэтому после уборки урожая поле с осени не обрабатывалось в целях накопления снега «по жнивам» и сохранения структуры почвы. Участок с весны дисковался, чтобы с помощью поверхностного разрыхления задержать испарение влаги из более глубоких слоев почвы. После этого для уничтожения появившихся сорных трав поле обрабатывалось лушильниками, буккерами и производился посев дисковыми сеялками⁴. Такая технология подготовки почвы, соответствовавшая современному агрономическому знанию, позволяла И. М. Карзину иметь высокие урожаи [10, с. 25; 12, с. 8].

Хозяйство И.М. Карзина являлось «пилотным», в определенной мере даже базовым агрономическим участком для окружающего сельского населения, где оно могло «черпать» основы агрокультуры.

Отметим, что новации в технологии обработки почвы способствовали увеличению урожая в пред-

² ГУТО ГАТ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 56. Л. 973.

³ ГИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 735. Л. 8.

⁴ Лушильник – многокорпусное пахотное орудие плужного типа, не имеющее сеялки; буккер – многокорпусное пахотное орудие плужного типа, снабженное сеялкой.

¹ Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 67. Оп. 2. Д. 2659. Л. 27; Д. 2798. Л. 6; Государственное учреждение Тюменской области Государственный архив Тобольска (ГУТО ГАТ). Ф. 479. Оп. 5. Д. 6. Л. 1 об.

принимательских хозяйствах даже в засушливые годы. Так, коммерсанты братья Г.И. и Я.И. Шварц, применяя в своем хозяйстве особую технологию обработки земли (при помощи дисковых и простых борон, тяжелого катка) и снегозадержание для накопления влаги, получали урожаи в 130 пудов с десятины, в то время как урожайность на других полях, обработанных традиционным способом, была от 5 до 15 пудов⁵.

Достаточно распространенной инновацией в хозяйствах сельских предпринимателей Западной Сибири изучаемого периода стало применение для посева разнообразных «культурных» растений. Улучшенные сорта пшеницы, ячменя, овса предприниматели выписывали и привозили из Европейской России [8, с. 73, 84, 87, 102, 107, 116]⁶. Одним из таких «каналов культурной коммуникации» являлась печать. Так, И.Ф. Лобачев неоднократно узнавал в редакции популярного журнала «Сельский хозяин», где можно приобрести тот или иной сорт интересовавшей его культуры⁷. Все его просьбы были публично, с извещением на страницах издания, удовлетворены редакционным комитетом журнала. А.Ф. Памфилов выписывал семена для своего хозяйства в Москве, Пензенской губернии⁸. Н.С. Николенко засеивал пшеницу, выписанную из Саратовской губернии, а Е.М. Красюков – из Самарской [8, с. 73, 84].

Более того, некоторые предприниматели профессионально занимались семеноводством. Семенные хозяйства Л.Д. Смолина, И.М. Карзина, Ф.Ф. Штумпфа применяли размножение сортовых семян из Европейской России, и распространяли их в различные регионы империи⁹.

И.М. Карзин вывел в условиях своего хозяйства самый урожайный сорт посевной пшеницы – «Сибирский ноз», отличавшийся от других не только наибольшей урожайностью, хорошим качеством зерна, но и устойчивостью против заморозков¹⁰. Данный сорт до сих пор находится в банке коллекций ценных сортов, его «кровь» привита многим современным «сильным» сортам пшеницы, в том числе и в Канаде [13, с. 59].

Рационализация сельского хозяйства в Западной Сибири даже современниками тесно увязывалась с распространением новых сельскохозяйственных орудий. Сельские предприниматели региона использовали для обработки земли в своих хозяйствах технологически новейшее оборудование и машины, в частности «двигателя-самоходы» (так в начале XX в. называли тракторы). В сельском хозяйстве дореволюционной Сибири имелось около 15 тракторов [14, с. 3]. Точных данных по этому вопросу нет. Известно, что в 1913 г.

в России было 166 тракторов иностранного производства, в том числе один в Акмолинской области¹¹. Но эти сведения не являются полными. Данные Омского отдела Московского общества сельского хозяйства и справочной книги «Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России» подтверждают наличие и применение, по крайней мере, 6 тракторов в сельском хозяйстве региона [8, с. 117, 122]¹².

Впервые в регионе тракторы (паровые и нефтяные) были представлены на Первой Западно-Сибирской выставке, организованной в 1911 г. в Омске. Мощностные тракторы произвели сильное впечатление на зрителей, так как показала «во всей красе громадное значение паровой силы в области сельскохозяйственных работ»¹³.

Отметим, что перспектива использования новейшей техники, в частности тракторов, была интересна крупным землевладельцам и землепользователям в Западной Сибири еще до организации указанной выставки. Так, в начале 1908 г. один из предпринимателей Степного края, имевший до 5 тыс. дес. земли, интересовался возможностями приобретения трактора. Более того, он обращался за консультацией по этому вопросу к агенту российского Главного управления землеустройства и земледелия в США Ф. Крыштофовичу, находившемуся в 1908 г. по служебным делам в Омске. По мнению того же предпринимателя, он был не единственным крупным сельским хозяином, интересовавшимся тракторами в крае¹⁴.

В 1910 г. представители английской компании «Мак-Ларен» обратились к Ф.Ф. Штумпфу, известному в регионе предпринимателю и общественному деятелю, с просьбой продемонстрировать в его хозяйстве преимущества парового трактора и получить на это согласие. Фирма намеревалась экспонировать эту современную технику на предстоящей Первой Западно-Сибирской выставке. Этот шаг был направлен на привлечение потенциальных покупателей со стороны крупных сельских товаропроизводителей¹⁵.

Уже после выставки, в 1912 г. в Омском уезде Акмолинской области было запущено в работу 3 шестидесятисильных керосиновых трактора «Международной компании жатвенных машин» – в хозяйствах Ф.Ф. Штумпфа, братьев Г.И. и Я.И. Шварц, И.Ф. Лобачева¹⁶. Еще один трактор этой же фирмы находился в ведении Главной конторы сельскохозяйственных складов в Омске и использовался для распашки земли

¹¹ Гольдберг Я.М. Тракторное хозяйство России за 1917–1922 гг. // Сельское и лесное хозяйство. 1923. № 11–12, 13–14. Кн. 7. С. 181.

¹² ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 21. Л. 5; Ф. Р–209. Оп. 1. Д. 731. Л. 54 об.

¹³ Омский телеграф. 1911. 29 июня. С. 3.

¹⁴ Крыштофович Ф. Интересное начинание // Омский телеграф. 1908. № 30. С. 3.

¹⁵ Омский вестник. 1910. 4 февр. С. 3.

¹⁶ ГИАОО. Ф. 78. Оп. 1. Д. 110. Л. 14, 123; Ф. 209. Оп. 1. Д. 811. Л. 2.

⁵ ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2659. Л. 22–25, 28–32.

⁶ Там же. Д. 2289. Л. 4 об., 57–58 об.

⁷ Сельский хозяин. СПб., 1910. № 7. С. 236; № 14. С. 512.

⁸ ГУТО ГАТ. Ф. 479. Оп. 5. Д. 6. Л. 2 об.–3.

⁹ Там же. Ф. 147. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–9; ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 35; Ф. 67. Оп. 2. Д. 2532. Л. 19–20 об.

¹⁰ ГИАОО. Ф. Р–209. Оп. 1. Д. 731. Л. 25.

переселенцам¹⁷. Два трактора работали в хозяйствах Я.И. Романенко и С.Е. Острянина [8, с. 117]¹⁸.

Опыт применения тракторов показал предпринимателям, что стоимость механической обработки дешевле, чем обработка полей упряжками лошадей. Так, в хозяйстве Ф. Ф. Штумпфа себестоимость вспашки одной десятины с использованием трактора составляла 7 руб., тогда как при вспашке на лошадях 8–10 руб. [15].

Предприниматели стремились оптимально использовать передовую технику в своих хозяйствах. Так, у братьев Г.И. и Я.И. Шварц обработка полей на тракторе в посевную и уборочную кампании осуществлялась в две смены – с 6 ч утра до 18 ч и с 18 ч до 6 ч утра. Данный режим заметно увеличивал производительность сложной машины [15, с. 75].

Обращает на себя внимание то, что в предпринимательских хозяйствах на сельскохозяйственные машины приходилась значимая доля общих капиталовложений. По данным обследования хозяйства Я.И. Романенко, из общей стоимости построек, мертвого и живого инвентаря в 93,7 тыс. руб., примерно 35 тыс. руб., или 37,4 %, приходилось на разнообразный сельскохозяйственный инвентарь – многокорпусные плуги, кольчатые катки, бороны, сеялки, паровые молотилки, сортировки¹⁹. У братьев Г.И. и Я.И. Шварц доля сельскохозяйственной техники от общей стоимости хозяйства в 55 тыс. руб. составляла 20 тыс. руб., или 36,3 %²⁰.

Таким образом, большинство предпринимательских хозяйств были великолепно оснащены разнообразной современной сельскохозяйственной техникой – сеялками, окучниками, сенокосилками, буккерами, молотилками, сноповязалками. И не случайно именно в Омске, как главной артерии в распространении и торговле сельскохозяйственными машинами и орудиями Сибири, была организована в 1912 г. сельскохозяйственная машиноиспытательная станция²¹.

Интенсивные аграрные технологии в предпринимательских хозяйствах сопровождались комплексными мероприятиями, направленными на борьбу с сельскохозяйственными вредителями и болезнями культурных растений. Большой убыток посевам в Западной Сибири наносили головня (на злаках), саранча, а также суслики и мыши.

В исторической литературе неоднократно отмечалось, что первый опыт борьбы с головней был проведен в 1912 г. в Акмолинской области [16, с. 178]. Источники говорят о том, что первые шаги в этом на-

правлении были сделаны еще в 1905 г. – в хозяйстве И.М. Карзина²². Сельские предприниматели использовали самые современные способы борьбы в этих целях – обрабатывали зерно раствором формалина или медного купороса²³. Новые способы не только уничтожали грибок головни, но и повышали процент всхожести и энергию прорастания зерна, что не могло не сказаться на эффективности полеводства в природно-климатических условиях Западной Сибири²⁴.

Немало усилий отнимала борьба с сусликами и мышами-полевками. В местной печати предприниматели неоднократно поднимали этот вопрос, считая этих вредителей «чрезвычайно опасными и опустошительными». Публикациями предприниматели хотели привлечь внимание к данной проблеме региональной власти. Инициатором этого дела был Ф.Ф. Штумпф. При этом сельские предприниматели не просто поднимали проблему, а предлагали конкретные способы ее разрешения – от такого простого и общедоступного средства, как выливание вредителей водой, до новинок – применения сероуглерода и прививок «мышинного тифа»²⁵.

Таким образом, агрономические новинки и технологические новшества различными способами распространялись в сибирском локальном сообществе. Естественно, сведения о новациях намного опережали реальные изменения. В процессе восприятия «европейских» технических достижений можно выделить ряд последовательных трансформаций: полное неприятие нововведений – соблазн ознакомления – практическое их использование.

Мировой опыт показывает, что технические усовершенствования, новые приемы ведения хозяйства достаточно медленно внедряются в крестьянскую практику. Вначале их усваивают отдельные, наиболее предприимчивые хозяева, и только их опыт служит толчком для широкого распространения новшеств²⁶. Аналогичный процесс наблюдался в конце XIX – начале XX вв. и в Сибири. Крестьянское население активно интересовалось агротехнологической модернизацией земледельческого хозяйства сельских предпринимателей, стремилось использовать определенные достижения последних²⁷.

В заключение следует отметить, что новые приемы ведения земледельческого хозяйства, технологическая модернизация производства являются наиболее яркими проявлениями экономического рационализма и инноваций – неотъемлемых качеств предпринимательства. Культурное влияние, которое оказывали предпринимательские хозяйства Западной Сибири, проявлялось в распространении именно таких нововведений среди местного населения.

¹⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 5. Д. 1097. Л. 6.

¹⁸ ГИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1. Д. 731. Л. 54 об.

¹⁹ Там же. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2576. Л. 16 об. – 20 об. Подсчитано автором.

²⁰ Там же. Д. 2092. Л. 74, 78; Д. 2659. Л. 2–4, 22–25 об. Данные на 1911 г., когда тракторов у предпринимателей еще не было.

²¹ Косарев С. Омская сельскохозяйственная машиноиспытательная станция, ее задачи и организация // Нужды Западно-Сибирского сельского хозяйства. 1913. № 4. С. 10.

²² Карзин И.М. К борьбе с мокрой или вонючей головней (зона) на пшенице // Омский телеграф. 1910. № 246. С. 2.

²³ Омский телеграф. 1910. № 246. С. 2.

²⁴ Там же. 1911. № 121. С. 2.

²⁵ Там же. 1908. № 95. С. 3; 1909. № 98. С. 3.

²⁶ РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 357. Л. 23 об.

²⁷ ГИАОО. Ф. 67. Оп. 2. Д. 2636. Л. 334 об. – 398.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киселев А.Г. Фирма на рынках Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Ханты-Мансийск, 2008.
2. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. Омск, 2009.
3. Сунгуров А. Нововведения и среда: на пути к политическим инновациям. СПб., 2010.
4. Rogers E.M. Diffusion of innovations (4 th. ed.). N.Y.: The Free Press, 1995.
5. Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007.
6. Киселев А.Г. О чертах «пионерства» сибирского предпринимательства рубежа XIX – XX веков // Актуальные вопросы историко-культурного и природного наследия Тарского Прииртышья : Материалы V науч.-практ. конф., посв. памяти А.В. Ваганова. Тара, 2010. Т. 2. С. 31–34.
7. Винокуров М.А., Суходолов А.П. Экономика Сибири 1900–1928. Новосибирск, 1996.
8. Земли для коневодства и скотоводства в Азиатской России. СПб., 1913.
9. Зефирова Н. Крупные частновладельческие и арендаторские хозяйства в Акмолинской области. Омск, 1914.
10. Журналы заседаний съезда деятелей сельского хозяйства 1–12 августа 1911 года в г. Омске. Омск, 1912.
11. Карзин И.М. Изучение почвы и климата заселяемых районов Западной Сибири как одна из главных задач местной агрономии // Сельскохозяйственный сборник. Омск, 1913. С. 43–49.
12. Карзин И.М. Несколько слов по поводу неурожаев в Западной Сибири // Нужды западносибирского сельского хозяйства. Омск, 1913. № 2. С. 8;
13. Мороз А.А. Забытые страницы былого: историко-документальный очерк. Омск, 2010.
14. Дудников В.Т. Тракторное дело в Сибири. Омск, 1925.
15. Бобров И.М. Тракторы и применение их в некоторых хозяйствах Омского района // Сельскохозяйственный сборник. Омск, 1913. С. 75–76.
16. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1967.

Статья поступила
в редакцию 24.06.2014

УДК 94(5)+393

В.А. ИЛЬИНЫХ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ СИБИРСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА: ДИСКУРС 1920-х гг.*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: agro_iwa@mail.ru

В статье осуществляется анализ развернувшейся в Сибири в 1920-е гг. дискуссии о социальной мобильности крестьянства. Проблема имела острый политический характер. Ответ на вопрос о характере социальных сдвигов в деревне был связан с оценкой эффективности аграрной политики правящей партии. Сибирский дискурс по данной проблеме развивался в контексте общесоюзной полемики. Исходя из имеющейся источниковой базы, большинство аналитиков за основу определения социальной структуры крестьянства брали посевные группы, а с 1927 г. – группы хозяйств по стоимости основных средств производства. Социальная интерпретация групп зависела от политических и научно-теоретических позиций интерпретаторов.

Анализируя период конца 1910-х – начала 1920-х гг., большинство экспертов зафиксировали нивелировку сибирского крестьянства на более низком имущественном уровне. Дискурс середины 1920-х гг. разворачивался на фоне обострившейся внутрипартийной борьбы. Сторонники левой оппозиции заявляли о возрождении в условиях нэпа капиталистической дифференциации, которая достигла в Сибири «американских» темпов. Правые коммунисты фактически отрицали расслоение нэповской деревни. С ними были солидарны «неонародники», относившие абсолютно большую часть крестьянских дворов региона к бедняцким. Лидеры партийного большинства выдвинули концепцию осереднячивания деревни, согласно которой центральной фигурой нэповской деревни являлся середняк. Сторонники данной точки зрения считали, что ее доказательством являются материалы гнездовых переписей 1927 и 1928 гг., обработанные по методике В.С. Немчинова. Указанная методика была наиболее совершенной. Однако сделанные на ее основе выводы были также субъективными. В конце 1920-х гг. дискуссии по вопросу социальной мобильности деревни были свернуты. Единственно правильной признавалась официальная точка зрения.

Ключевые слова: социальная мобильность, крестьянство, сельскохозяйственные переписи, нэп, дискуссия о классовом расслоении деревни, осереднячивание, Сибирь.

Аграрные преобразования 1917–1921 гг., новая экономическая политика оказали существенное влияние на социальную мобильность сибирского кре-

стьянства. Определение базовых тенденций социальных сдвигов в деревне было одним из приоритетных направлений проводимого в регионе в 1920-е гг. ста-

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01725).

тистического мониторинга. Основным его методом являлись ежегодные выборочные сельскохозяйственные и гнездовые динамические переписи. Результаты выборки распространялись на всю генеральную совокупность. Параллельно со сбором информации осуществлялся ее анализ, в ходе которого решались две взаимосвязанные задачи – выявление направленности социальной мобильности и установление удельного веса основных групп крестьянства. Исходя из имеющейся источниковой базы, большинство аналитиков за основу определения социальной структуры деревни брали посевные группы, а с 1927 г. – группы хозяйства по стоимости основных средств производства. При этом социальная интерпретация групп зависела от политических, идеологических и научно-теоретических позиций интерпретаторов. Одной из центральных тем дискуссии являлся вопрос об определении количественных параметров кулачества (сельской буржуазии). Ответ на этот вопрос был напрямую связан с оценкой эффективности аграрной политики правящей партии.

Сибирский дискурс по проблемам социальной мобильности развивался в контексте общесоюзной полемики и был, как правило, вторичен. Для сибирских экспертов, рассматривавших социальные сдвиги в регионе в начале 1920-х гг., принципиальное значение имели суждения ведущего специалиста ЦСУ РСФСР А.И. Хрящевой и их политическая интерпретация В.И. Ленина. А.И. Хрящева сделала выводы о нивелировке крестьянства в центральных губерниях европейской части РСФСР в 1917–1920 гг.: уменьшении числа «безхозяйных» дворов и еще более сильном сокращении «крупнопосевщиков» [1, с. 133]. В.И. Ленин на X съезде РКП(б) заявил, что «деревня нивелировалась, выравнивалась, т.е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилося. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка». При этом кулак в Сибири «подрезан» меньше, чем в России [2, с. 59–60].

Одной из первых публикаций по проблеме социальной структуры советской сибирской деревни стала статья известного российского статистика М.П. Красильникова, который анализировал результаты переписи 1920 г. по Алтайской и Енисейской губерниям. Опираясь на используемые до революции методики, он разделил крестьянские дворы на шесть групп: 1) беспосевные; 2) с посевом до 1 дес.; 3) от 1 до 3; 4) от 3 до 9; 5) от 9 до 18; 6) свыше 18 дес. По его мнению, «так называемые кулацкие элементы сосредотачиваются отчасти в 5-й и целиком в 6-й группах» и составляют не более 5 % от общего числа хозяйств [3, с. 119, 123].

Д. Мерхалев предложил иную группировку крестьянских хозяйств: 1) беспосевные; 2) с посевом до 3 дес.; 3) от 3 до 6; 4) от 6 до 9; 5) от 9 до 15; 6) свыше 15 дес. Рассматривая социальные сдвиги между переписями в 1920 и 1921 гг., он сделал вывод о том, что процесс увеличения средних социальных групп за счет крайних в Сибири «протекал гораздо острее, чем в России». В сибирской деревне «произошло сокращение крайних групп, очень слабое – низшей посевной

группы – беспосевной и очень резкое – крайних многопосевных групп. Сильно уплотнилась группа сеющих до 3 дес.» [4, с. 70]¹.

Зафиксированная экспертами нивелировка российского и в большей степени сибирского крестьянства на более низком имущественном уровне (фактически обеднячивание) являлась следствием военной разрухи и глубокого сельскохозяйственного кризиса начала 1920-х гг., вызванного сверхнормативным обложением деревни в рамках продразверстки и первого продналога, а также неблагоприятными погодными условиями².

В 1922 г. в европейской части СССР, а в 1923 г. в Сибири началось восстановление сельского хозяйства на базе нэпа, которое сопровождалось наращиванием состоятельности крестьянства. Обратившись к ситуации в деревне, XII съезд ВКП(б) пришел к выводу, что создаваемые нэпом социально-экономические отношения, «затрудняя развитие значительной части маломощных крестьян и вызывая обеднение другой их части, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства. Начинает оформляться кулачество в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельскохозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых ростовщических условиях, взятия земли в аренду или путем торговли, путем производства и продажи самогона и т.п.». При этом удельный вес кулачества «все более и более растет» [5, с. 116].

Данную позицию не разделяли представители организационно-производственной школы российской аграрной науки («неонародники»), которые отрицали факт сколь-нибудь значимой капиталистической дифференциации крестьянства в условиях нэпа. Их точку зрения в Сибири поддерживал известный статистик И.В. Яровой. В 1924 г. была издана его работа об экономическом расслоении деревни, в которой указывалось, что рекомендованное ЦСУ деление сибирского крестьянства на три основные социально-посевные группы: бедноту (хозяйства без посева и с посевом до 4 дес.), середняков (от 4 до 10) и зажиточных (свыше 10 дес.) не отражает региональных особенностей. И.В. Яровой предлагал более дробную дифференциацию крестьянских хозяйств: 1) без посева и с посевом до 4 дес. («беспосевные и мелкопосевные»); 2) от 4 до 6 («маломощные»); 3) от 6 до 10 («середняки»); 4) от 10 до 16 («зжиточные»); 5) свыше 16 дес. («богатые»). Первые две группы он относил к бедноте, а кулаками считал лишь тех «зжиточных» крестьян, которые нанимали сроковых работников. В разряд кулачества в 1924 г. им было отнесено лишь около 1 % крестьянских хозяйств региона. Абсолютно же преобладающей

¹ Удельный вес групп дворов без посева, с посевом от 6 до 9 дес., от 9 до 15 и свыше 15 дес. сократился соответственно с 4,7 до 3,4 %, с 23,6 до 7,2, с 18,3 до 1,9 и с 6,8 до 0,1 %, с посевом до 3 дес. – увеличился с 17,5 до 0,1 %.

² В основных сельскохозяйственных районах Сибири два года подряд (в 1920 и 1921) засуха приводила к сильному недороду зерновых и трав.

группой деревни являлась беднота (71,7 % дворов). Анализируя социальную мобильность крестьянства в 1922–1924 гг., И.В. Яровой сделал вывод об увеличении удельного веса среднего крестьянства за счет «маломощного» и фактическом «замораживании» двух высших групп³. На основании этого он пришел к выводу о том, что «нэп не способствует возрождению зажиточного и богатого крестьянства», а «дифференциация в сибирской деревне совершается в весьма слабой степени» [6, с. 4, 20, 31, 33, 35].

Председатель Сибревкома М.М. Лашевич вывод об отсутствии дифференциации деревни и кулачества в ней не разделял, полагая, что в ряде районов СССР происходит рост числа кулаков и «некоторое» увеличение бедняцко-батрацких слоев. В Сибири в 1922–1924 гг., по его мнению, отмечается «если не рост, то, во всяком случае, стабилизация кулацких хозяйств, но с несомненной тенденцией к росту» [7, с. 7]⁴.

В 1926–1927 гг. обсуждение проблемы социальной мобильности деревни разворачивалось на фоне обострившейся внутривластной борьбы. Сторонники левой оппозиции заявляли о полномасштабном возрождении в условиях нэпа капиталистической дифференциации деревни. Правые коммунисты, напротив, фактически отрицали социально-классовое расслоение нэповской деревни. Данную точку зрения продолжали отстаивать «неонародники». Лидеры партийного большинства (в том числе Н.И. Бухарин и А.И. Рыков) с такими воззрениями согласиться не могли. Признание факта капитализации деревни ставило под сомнение правильность проводимой ими аграрной политики, а ее отрицание противоречило ленинскому постулату о том, что мелкотоварное производство «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежегодно, стихийно и в массовом масштабе» [8, с. 6]. Выходом из создавшейся коллизии стала формулировка, принятая XV конференцией ВКП(б): «В политических и экономических условиях СССР особенностью дифференциации крестьянства является то, что наряду с ростом кулацких элементов деревни и пролетаризацией некоторой части бедняцких хозяйств происходит экономический подъем другой части бедняцких хозяйств. Средняцкая масса деревни, пополняясь экономически поднимающимися бедняцкими хозяйствами, остается по-прежнему главной силой земледелия» [9, с. 77].

С критикой данной позиции применительно к Сибири выступили деятели левой оппозиции. Л. Клейтман, причислив к малопосевным хозяйствам с посевом до 4 дес., а к крупнопосевным – свыше 8 дес., доказывал, что, несмотря на рост удельного веса среднепосевных дворов (в 1924–1926 гг. в Рубцовском округе –

с 24,3 до 32,6 %), их доля в посевной площади снизилась (с 38,4 до 33,0 %). В то же время удельный вес крупнопосевных хозяйств в том же округе увеличился с 6,5 до 22,3 %, а доля в посеве – возросла с 22,3 до 50,4 %. Таким образом, расслоение в деревне «чрезвычайно усилилось». Несмотря на рост среднепосевных дворов, их удельный вес в посеве понизился. Составляющие лишь 22 % от общего числа дворов, крупнопосевные хозяйства владеют «половиной всей посевной площади» [10, с. 90]. Г. Сафаров на основании подобных выкладок заявлял об «американском темпе» капитализации сибирской деревни [11, с. 92].

С критикой левых «оппонентов» на страницах сибирских и центральных журналов выступили Е. Ковалев, С. Бергавинов и С.И. Сырцов. Е. Ковалев относил к мелкопосевной группе дворы с посевом до 4 дес., к среднепосевной – от 4 до 10, к крупнопосевной – свыше 10 дес. В 1925–1926 гг. в Юго-Западной Сибири удельный вес первой группы сократился с 68 до 55 %, второй – увеличился с 28 до 36,2 %, третьей – также увеличился с 4 до 8,8 %. В 1926 г. доля мелкопосевных хозяйств в общей посевной площади составляла 23,7 %, среднепосевных – 48,3, крупнопосевных – 28 %. Исходя из этого делался вывод о том, что процесс «рассасывания» среднего крестьянства, который является базовым маркером капиталистической дифференциации, в Сибири отсутствует. «Середняк является центральной фигурой деревни, определяющей общий подъем хозяйства в ней» [12, с. 37, 44].

К аналогичным выводам пришел С. Бергавинов, который делил крестьян на пять групп: 1) беднота (дворы бес посева и с посевом до 3 дес.); 2) «тоже беднота, но подбирается к середнякам» (от 3 до 4); 3) середняки (от 4 до 10); 4) крепкозачиточные (от 10 до 16); 5) кулаки (свыше 16 дес.). По его мнению, общим трендом социальной мобильности в деревне является «движение вверх». При этом основная масса хозяйств, посева и средств производства, в том числе сложного сельхозинвентаря, сосредоточена в середняцкой группе [13, с. 83, 84]⁵.

Более «убедительные» данные о превалировании в сибирской деревне середняков привел секретарь Сибкрайкома ВКП(б) С.И. Сырцов, который в качестве рубежа между бедняцкими и середняцкими хозяйствами избрал посев в 3 дес., а между середняцкими и зажиточными – в 10 дес. [14, с. 101].

В 1927 г. была опубликована статья, в которой процессы расслоения сибирской деревни в середине 1920-х гг. оценивались исходя из ретроспективного анализа социальной мобильности в предшествующий период. Ее автор С. Брике пришел к выводу, что в начале десятилетия в регионе произошла не реальная, а «фиктивная» нивелировка крестьянства. Зажиточные крестьяне и середняки резко сократили посев-

³ По данным И.В. Яровой, удельный вес дворов с посевом свыше 10 дес. в 1922 г. составлял 3 %, в 1923 г. – также 3, в 1924 г. – 3,3 %.

⁴ По данным М.М. Лашевича, удельный вес дворов с посевом свыше 10 дес. в 1922 г. составлял 2,5 %, в 1923 г. – 2,6, в 1924 г. – 2,6 %. При этом доля хозяйств, засевавших более 16 дес., выросла с 0,4 % в 1923 г. до 0,5 % в 1924 г.

⁵ По данным С. Бергавинова, доля бедноты в общей площади посева в 1926 г. составляла 14,1 %; хозяйств, входящих в переходную группу от бедноты к середнякам, – 9,6; середняков – 48,3; зажиточных хозяйств – 17,6; кулаков – 10,4 %.

ную площадь, но сохранили большую часть основных средств производства, прежде всего сельхозинвентаря. С 1924 г. началось их «возвращение домой». «Подавляющее большинство хозяйств, оставшихся в улиточно-свернутом состоянии в низших группах, при наличии достаточных средств производства для “большого плавания” начали разворачивать свой посев в соответствии со своими возможностями». Таким образом, в процессе дифференциации крестьянства в середине 1920-х гг. превалировало не новое накопление капитала, а его восстановление [15, с. 14, 20, 22].

До конца 1920-х гг. социальная структура деревни устанавливалась исходя из натуральных показателей хозяйственной состоятельности крестьянских хозяйств и прежде всего посева. В 1927 г. ситуация изменилась. Проведенная в этом году гнездовая динамическая перепись была обработана по методике В.С. Немчинова, в соответствии с которой в основу определения принадлежности крестьянского хозяйства к классовой группе была положена стоимость основных средств производства в комбинации с так называемыми социальными признаками (наем–сдача рабочей силы и сельскохозяйственных машин, патент на торговлю).

Используя данную методику, сибирские аналитики В. Каврайский и И. Нусинов, 6,3 % крестьянских дворов южной части региона отнесли к кулакам, 54,8 % – к середнякам, 29,3 % – к беднякам и 9,6 % – к батракам [16, с. 34, 44]⁶. Определив долю указанных групп в средствах производства, они пришли к выводу, что центральной фигурой деревни, «бесспорно», является середняк. «Средняцкая часть южносибирской деревни, включающая в свой состав большую половину крестьянства, владеет 7/10 всех средств производства». В то же время В. Каврайский и И. Нусинов отметили наличие в среде крестьянства экономического неравенства, которое нашло выражение в относительно высоком удельном весе кулачества и сельского пролетариата. Однако, по их мнению, это не является доказательством капиталистического расслоения. «В капиталистических условиях классовая дифференциация крестьянства происходила на фоне всеобщего обеднения деревни. Основным направлением развития деревни в советских условиях является ее экономический подъем в целом» [16, с. 95, 97].

Обратившись к материалам гнездовой переписи 1928 г., В. Каврайский и И. Нусинов нашли в ней подтверждение своим выводам. Согласно данным переписи, в южносибирской деревне удельный вес сельского пролетариата и полупролетариата снизился с 11,4 до 8,6 % и с 28,5 до 27,9 %, середняцких и мелкокапита-

листических хозяйств – вырос с 53,0 до 56,0 % и с 7,1 до 7,5 %. [17, с. 25, 39].

По мнению адептов тезиса об осереднячивании деревни, материалы гнездовых динамических переписей 1927 и 1928 гг. предоставили неопровержимые доказательства. Методика их обработки была, безусловно, более совершенной. Однако границы между группами и в этом случае оставались субъективными. В Сибири они были установлены решением созданной при Сибкрайкоме ВКП(б) «комиссии по методологии изучения классового расслоения в деревне»⁷. Естественно, полученные результаты полностью отвечали позиции правящей верхушки компартии в ее споре с оппонентами.

В конце 1920-х гг. в условиях перехода к «чрезвычайщине» дискуссии по вопросу социальной мобильности деревни были свернуты. Единственно правильной признавалась официальная точка зрения. Ее окончательная версия применительно к Сибири была сформулирована в опубликованной в «Сибирской советской энциклопедии» статье «Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне», авторами которой являются А.А. Ансон и Ф.А. Хоробрых. А.А. Ансон, описывающий классовое расслоение сибирской деревни в годы Гражданской войны, фактически согласился с мнением о фиктивной нивелировке кулачества. Он полагал, что «кулак начал приbedняться». Продолживший анализ Ф.А. Хоробрых признал нивелировку сибирской деревни в начале 1920-х гг. С 1923 г. начался подъем всех групп крестьянства, который продолжался до 1928 г. Развитие товарно-денежных отношений в условиях нэпа, по его мнению, привело к социальной дифференциации деревни. Однако политика советской власти существенно изменила ее характер. «Процесс пролетаризации бедноты происходил, но более медленным темпом. Значительная часть полупролетариата деревни переходила в середняцкую группу, которая благодаря этому не рассасывалась, как это было при капитализме, а увеличивалась. Средняк был и остался до года великого перелома центральной фигурой земледелия. Рост кулачества имел место, но политика ограничения кулака сдерживала его темпы». По приведенным Ф.А. Хоробрых данным, в 1929 г. хозяйственная мощь и удельный вес кулацких хозяйств стали снижаться. В этом году также продолжился процесс сокращения доли бедноты и роста средних слоев деревни [18, стб. 700, 701, 703, 704, 706]⁸.

Данная концепция, которая являлась региональной интерпретацией общесоюзной официальной пара-

⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 31. Л. 89.

⁸ По данным официальной статистики, полученным на основе обработки гнездовых переписей, в 1928/29 г., доля крестьянских дворов в Сибирском крае, относимых к «пролетарским», по сравнению с 1926/27 г. уменьшилась с 9,8 до 8,8 %, к «полупролетарским» – осталась неизменной (20,3 %), к середняцким – увеличилась с 63,2 до 69,1 %, к «мелкокапиталистическим» – сократилась с 6,7 до 1,8 % (Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами. Статистические сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927–1930 гг. М., 1931, с. 100).

⁶ В. Каврайский и И. Нусинов в 1927 г. основывались на результатах обработки переписи лишь по части территории Сибирского края. В статистическом справочнике «Сибирский край» (Новосибирск, 1930, с. 213), в который вошли данные по региону в целом, приводятся следующие данные об удельном весе пролетарских, бедняцких, середняцких и кулацких дворов в сибирской деревне: 9,8, 20,4, 63,1 и 6,7 % соответственно.

дигмы, долгие годы фактически воспроизводилась в работах сибирских историков и была поставлена под сомнение лишь в конце 1990-х гг. (см.: [19; 20]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Хрящева А.И. Крестьянство в войне и революции: статистико-экономические очерки. М., 1921.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 33.
3. Красильников М.[П]. Экономические группы в сибирской деревне // Труды Сиб. стат. упр-ния. 1922. № 2.
4. М[ерхалев] Д. Из итогов выборочного обследования крестьянских хозяйств в 1921 г. // Труды. Сиб. стат. упр-ния. 1921. № 1.
5. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 3.
6. Яровой И.В. Экономическое расслоение деревни и характеристика основных групп крестьянства Сибири. Новониколаевск, 1924.
7. Лашевич М.[М]. Ближайшие задачи партии в деревне // Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1925. № 1.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1967. Т. 41.
9. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4.
10. Клейтман Л. Капиталистические тенденции в сибирской деревне // На ленинском пути. 1927. № 4–5.
11. Сафаров Г.[И]. Наступление капитала в сибирской деревне (кричащие факты) // Большевик. 1927. № 13.

12. Ковалев Е.[И]. О расслоении в сибирской деревне по материалам динамической переписи 1926 г. // Стат. бюллетень Сибкрай-статуправления. 1927. № 9–10.

13. Бергавинов С.[А]. О темпе и характере расслоения сибирской деревни // Большевик. 1927. № 13.

14. Сырцов С.[И]. Неудачное выступление тов. Сафарова // Большевик. 1927. № 13.

15. Брике С. Экономические процессы в сибирской деревне // Жизнь Сибири. 1927. № 1.

16. Каврайский В.[А]., Нусинов И.[С]. Классовое расслоение сибирской деревни (Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне). Новосибирск, 1927.

17. Каврайский В.[А]., Нусинов И.[С]. Классы и классовые отношения в современной советской деревне. Новосибирск, 1929.

18. Ансон А.[А]., Хоробрых Ф.[А]. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне // Советская сибирская энциклопедия. М., 1931. Т. II.

19. Ильиных В.А. Крестьянское хозяйство в Сибири (конец 1890-х – начало 1940-х годов): тенденции и этапы развития // Крестьянская семья и двор в Сибири в XX веке: проблемы изучения. Новосибирск, 1999.

20. Ильиных В.А. Социальная мобильность сибирского крестьянства в конце XIX – первой трети XX в. // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. XVII–XX вв.: материалы Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1999.

Статья поступила
в редакцию 10.10.2014

УДК 930+94(47)+314(571)

В.И. ШИШКИН¹, А.И. САВИН²

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В РОССИИ В ЭПОХУ ВОЙН, РЕВОЛЮЦИЙ И РАДИКАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ*

¹д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: svi007@rambler.ru

²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
Новосибирск
e-mail: a_savin_2004@mail.ru

Статья посвящена анализу основных направлений и результатов изучения социальной мобильности российского общества первой половины XX в. в отечественной и зарубежной историографии.

Основоположником теории социальной мобильности стал П.А. Сорокин, сформулировавший базисное представление о том, что разнонаправленная социальная мобильность есть универсальное свойство всех общественных систем. До перестройки тема социальной мобильности была табуирована в СССР, несмотря на темпы и результаты социальной мобильности в России, не имевшие аналогов в мировой истории. Западные историки вплоть до середины 1970-х гг. также игнорировали тематику социальной мобильности, поскольку доминирование тоталитарной модели советского общества не оставляло места для анализа социальных перемещений.

Прорыв в изучении темы связан с деятельностью историков ревизионистской школы в США, уделивших особое внимание отдельным социальным лифтам советского общества, которые сыграли важную роль в создании опоры сталинизма. Кроме того, ими активно исследовался ряд социальных, гендерных и национальных групп, характеризовавшихся высокой мобильностью. Однако в последние годы под

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-01725).

влиянием интереса к ментальной истории наблюдается процесс смещения исследовательского интереса западных историков к анализу мобильности идентичностей.

Отечественные историки по-прежнему являются аутсайдерами в изучении социальной мобильности в России. Тем не менее имеется значительное количество монографий и статей, в которых нашло отражение функционирование социальных лифтов, обеспечивших нисходящую траекторию вертикальной мобильности в 1920-е–1930-е гг. В результате картина социальной мобильности оказалась существенно деформированной. Этот историографический «перекосяк» нуждается в серьезной корректировке за счет выявления и изучения тех лифтов, которые в России первой половины XX в. обеспечивали восхождение по социальной лестнице. Только объективный анализ социальной мобильности позволит составить реальное представление о том, каким в действительности являлся вектор общественной эволюции страны в первой половине XX в.

Ключевые слова: социальная мобильность, социальные каналы и лифты, Россия, XX в., зарубежная историография, отечественная историография.

В XX в. в мировой науке и в международном политическом сообществе возникло и постепенно утвердилось понимание того, что мобильность является неотъемлемой характеристикой и формой существования всех без исключения миров в диапазоне от материального до виртуального. Косвенным показателем признания в интеллектуальной среде универсальной роли феномена мобильности стало появление сначала в США, а затем и в СССР такой разновидности научной фантастики, как киберпанк (cyberpunk). Другим свидетельством осознания значения мобильности стала подготовка в 2009 г. по заказу Программы развития ООН группой международных экспертов специального доклада, посвященного значению мобильности для развития человека. В настоящее время мобильность, являющаяся свойством как живой материи, так и неживой реальности, служит предметом изучения почти всех естественных наук. Свою важнейшую задачу ученые-естественники видят в открытии в соответствующих предметных областях знаний законов функционирования мобильности, имеющих детерминистскую природу. Причем они решают эту задачу во всех мыслимых на сегодняшнее время сферах и масштабах: с одной стороны, пытаются приблизиться к пониманию происхождения Вселенной, а с другой – создают теоретические предпосылки для дальнейшего расширения объемов применения свойств и качеств мобильности в повседневных практиках.

Иное дело – социальная мобильность, свойственная такой сложноорганизованной системе, как общество. В силу того, что в обществе действуют люди, разделенные сознанием и волей, имеющие собственные индивидуальные и групповые интересы, мобильность является результатом взаимодействия множества факторов не только объективного, но и субъективного характера, учесть влияние всей совокупности которых при анализе невозможно. Последнее обстоятельство принципиально меняет природу общественных процессов и эвристические возможности тех наук, которые занимаются их изучением. Указанным объективным обстоятельством объясняется наличие нескольких теорий и концепций, предлагающих различные, иногда даже взаимоисключающие, трактовки как самого понятия «социальная мобильность», так и целей, задач и подходов к ее изучению.

Термин «социальная мобильность» ввел в научный оборот в начале 1920-х гг. П.А. Сорокин, кото-

рый понимал под ним любое изменение социальной позиции индивидов или страт. П.А. Сорокин разработал исходный категориально-понятийный аппарат, позволяющий исследовать данный феномен. Он сформулировал представление об основных типах социальной циркуляции (горизонтальная и вертикальная), ее индикаторах (интенсивность и степень охвата), социальных мембранах (перегородках) и детерминантах их капиллярности, конфигурациях социальной стратификации.

П.А. Сорокин первым обратил внимание на жесткую взаимосвязь между такими масштабными социальными катаклизмами, как войны, революции, голод и эпидемии, и резким изменением динамики и векторов социальной мобильности. Благодаря его публикациям в общественных науках сформировалось представление о том, что разнонаправленная социальная мобильность, обладающая своими ритмами, флуктуацией, периодичностью и цикличностью, является универсальным свойством всех общественных систем [1, с. 297–424]¹. Вслед за П.А. Сорокиным крупный вклад в разработку теоретических подходов изучения социальной мобильности, дифференциации и стратификации общества внесли американские социологи Т. Парсонс, Б. Барбер, Дж. Ленски, М. Тумин, С. Эйзенштадт. Специальным предметом исследования С. Липсета и Р. Бендикса стала мобильность в индустриальном обществе.

Однако инструментарий и методология западной социологической науки долгое время не были востребованы ни отечественными, ни зарубежными исследователями российского / советского общества. Это было тем более парадоксально, если учитывать исключительно высокие и не имеющие аналогов в мировой истории темпы и результаты социальной мобильности в России первой половины XX в. В это время Россия пережила несколько широкомасштабных и локальных войн, в том числе две мировые, несколько революций, включая Великую Октябрьскую, ряд радикальных реформ и «Большой террор», которые повлекли за собой неоднократные изменения государственных границ страны и строя, демографического потенциала, политической системы, экономики и социальной структуры. Но, как ни парадоксально, именно за это

¹ См. особенно главу «Социальная и культурная мобильность».

время Россия из преимущественно аграрной страны с традиционным обществом в кратчайшие – по меркам мировой истории – сроки превратилась в промышленную державу с индустриальным, радикально переструктурированным, обществом.

Более того, до перестройки в СССР тема социальной мобильности здесь была, по сути дела, табуирована, а соответствующий термин замещен понятием «перемещение». Как следствие, отечественные историки, философы и экономисты занимались главным образом изучением социальной структуры общества, ее динамикой, изменением численности и состава классов, реже – социальных слоев и групп. Особенно много внимания они уделяли, с одной стороны, ликвидации эксплуататорских классов (помещиков и буржуазии), отдельных слоев (кулачество) и групп (казачество, нэпманы), а с другой – социальным трансформациям ранее существовавших страт: превращению пролетариата в рабочий класс, единоличного крестьянства – в крестьянство колхозное, перевоспитанию «старой» буржуазной интеллигенции в новую «социалистическую».

Тем не менее в рамках марксистской исследовательской парадигмы увидел свет ряд фундаментальных публикаций советских историков, посвященных разным проблемам российского социума первой половины XX в.: его социально-классовой структуре (Ю.А. Поляков), демографической сфере (В.Б. Жиромская, Ю.А. Поляков), рабочего класса (В.З. Дробижев, А.А. Матюгин, С.Л. Сенявский), доколхозного (В.П. Данилов) и колхозного (Ю.В. Арутюнян, Ю.С. Борисов, Н.А. Ивницкий) крестьянства, интеллигенции (М.П. Ким, В.А. Ульяновская).

Довольно успешно изучением этих же проблем в советское время занимался большой отряд историков-сибиреведов. Заметный вклад в исследование народонаселения Сибири первой половины XX в. внесли В.В. Алексеев, Н.Я. Гушин и А.С. Московский, рабочего класса – Г.А. Докучаев, Д.М. Зольников и А.С. Московский, крестьянства – В.Т. Анисков, Л.И. Боженко, Н.Я. Гушин и Ю.В. Куперт, интеллигенции – Ф.А. Лукинский, И.И. Осинский и В.Л. Соскин, социальной структуры населения Сибири – Б.Л. Борисов, местных национальных меньшинств – Б.Б. Батуев, З.В. Гоголев, В.А. Демидов, Г.Л. Санжиев и др. Можно сказать, венцом их деятельности стали соответствующие тома многотомных изданий «Истории рабочего класса Сибири» (Новосибирск, 1982) и «Истории крестьянства Сибири» (Новосибирск, 1983).

Западные историки вплоть до середины 1970-х гг. также игнорировали тематику социальной мобильности в России. Ключевую роль здесь сыграло доминирование тоталитарной модели советского общества, практически не оставлявшей места для изучения социальных перемещений. Прорыв в изучении темы связан с именами А. Инкельса [2] и Ш. Фицпатрик [3] – одного из основоположников ревизионистской школы в США, оспоровившей основные положения и выводы адептов «тоталитаристского» подхода. Там, где пред-

ставители «тоталитарной» школы видели только принуждение, насилие и террор, «ревизионисты» сумели рассмотреть энтузиазм и активность целого ряда социальных слоев и групп, являвшихся «благоприобретателями» постреволюционных преобразований и служивших прочной опорой советской системы.

За последние тридцать лет в западной историографии советского общества обозначился явный прогресс в изучении феномена социальной мобильности. Появились монографии, выполненные на междисциплинарной основе, в том числе на стыке социологии, экономики, философии, психологии и этнологии, которые сочетают в себе конкретно-эмпирический материал и высокий теоретический уровень его обобщения. Особое внимание западные историки уделили изучению отдельных лифтов советского общества, сыгравших существенную роль в создании социальной опоры сталинизма: армии (М. фон Хаген, [4]), стахановского движения и феномена советского трудового героизма (С. Коткин [5]; М. Бакли [6]), движения активистов и ударников среди колхозников (Л. Зигельбаум [7]) и рабочих (К. Страус [8]; Д. Хоффман [9]; Х. Куромия [10; 11]; Д. Нойтатц [12]), а также колхозного «актива» и руководства (С. Мерль [13]).

Ряд публикаций зарубежных исследователей был посвящен изучению отдельных социальных, гендерных и национальных групп, характеризовавшихся высокой мобильностью: советской интеллигенции в целом (Д. Байрау [14]), инженерно-техническим служащим (С. Шаттенберг [15]), партийно-советской бюрократии (Г. Шрёдер [16]; Б. Штудер; Б. Унфрид [17]), женщинам (Б. Клементс [18]; С. Конце [19]), национальным меньшинствам (Т. Мартин [20]). Новым трендом в изучении проблемного поля социальной мобильности стал анализ формирования социальной идентичности у различных групп, возникших в процессе трансформации советского общества (Ш. Фицпатрик [21]; Й. Хеллбек [22; 23]; И. Халфин [24; 25; 26]; Г. Алексопулос [27]).

Социальная мобильность по-прежнему остается одной из приоритетных тем западной историографии российского общества первой половины XX в. Однако в последние годы ее проблемное поле претерпело заметные изменения. Эти изменения обусловлены рядом причин: дальнейшим снижением интереса к истории России и сокращением числа исторических кафедр соответствующего профиля; прекращением существования ревизионистской «исторической школы», являвшейся лидером изучения проблем мобильности в российском обществе; постепенным смещением исследовательского интереса историков, изучавших мобильность в социуме, к анализу мобильности идентичностей.

Такое сужение проблематики исследования социальной мобильности отнюдь не случайно. Оно объясняется ростом интереса к ментальной истории, «лингвистическим» поворотом в исторических исследованиях и целенаправленным использованием в связи с этим документальных источников личного

происхождения, прежде всего – дневников. Первым исследованием такого рода стала публикация Й. Хеллбека, основанная на дневниках «кулацкого» сына С. Подлубного, который сам себя «переделывал» в советскую личность [22]. Показательно, что одна из последних публикаций Ш. Фицпатрик, общепризнанного авторитета в сфере истории социальной мобильности советского общества, также посвящена изучению «новой» социальной идентичности тех слоев и групп населения, которые в результате своего перемещения оказались на иных ступенях социальной лестницы [21]. Все это позволяет констатировать, что конкуренция на данном научном поле снизилась, тогда как многие проблемы остались нерешенными.

В изучении проблем мобильности российского социума отечественные ученые значительно отстали от своих западных коллег. Только в 1970-е гг. появились первые исследования социологов-экономистов, посвященные селу и крестьянству, в которых эта тема нашла попутное отражение (Т.И. Заславская, 1970, 1974, 1977, 1980). Указанная тенденция заметно усилилась в условиях перестройки (И.Р. Пригожин, 1986; О.Н. Шкаратан, 1986; А. Ефимов, 1988; Н.Г. Ушаров, 1988; Р.В. Рыбкина, 1989; Е.Н. Стариков, 1989, 1990; Н.Ф. Туценко, 1989; В.И. Ильин, 1990).

Но только в постсоветский период социальная мобильность в России стала предметом специального исследования российских политологов и социологов (В.Ф. Анулин, 1993; В.Б. Пастухов, 1993; Е.Н. Стариков, 1994; И.В. Мостовая, 1995; М.Ф. Черныш, 1995; В.В. Радаев, 1996). Ее изучение велось преимущественно в хронологических рамках постсоветского времени. Однако в монографиях В.И. Ильина (Сыктывкар, 1996), А.А. Терентьева (Нижний Новгород, 2003) и М.Ф. Черныша (М., 2005) появились небольшие исторические экскурсы в 1920–1930-е гг. и были предприняты попытки анализа социальной мобильности в советском обществе, не давшие, однако, сколько-нибудь полной и ясной картины.

Что же касается отечественных историков, то в изучении социальной мобильности в России первой половины XX в. они по-прежнему являются явными аутсайдерами. До сих пор на эту тему нет ни одного специального исследования. Правда, имеется значительное количество статей и монографий, в которых попутно в научный оборот введен важный фактический материал и сделаны выводы, дающие представление об историческом фоне, на котором протекали процессы мобильности, а также приводятся ее результаты в различных социальных группах дореволюционной, революционной и постреволюционной России. Представляется, что ближе всех из отечественных историков к тематике социальной мобильности в дореволюционной России подошел Б.Н. Мионов (СПб., 1999), в революционной – С.А. Павлюченков (М., 1997), В.П. Булдаков (М., 1998, 2010) и С.М. Исхаков (М., 2003 и 2004), постреволюционной – Е.Г. Гимпельсон (М., 2000, 2001 и 2003), Т.М. Смирнова (М., 2003), С.Т. Минаков (М., 2004), А.Н. Чис-

тиков (СПб., 2007), О.М. Морозова (Ростов-на-Дону, 2010). Имеются также многочисленные публикации В.Н. Земскова, Г.М. Ивановой, Н.А. Ивницкого, Е.В. Кодина, О.Ф. Сувенирова, Н.С. Черушева и других, посвященные репрессивной политике советской власти, в которых нашло отражение функционирование социальных лифтов, обеспечивших нисходящую траекторию вертикальной мобильности в 1920-е и особенно в 1930-е гг.

В ряду современных исследований, близко примыкающих к тематике социальной мобильности и даже частично пересекающихся с ней, необходимо также назвать несколько крупных публикаций по истории Сибири. Это монографии В.А. Исупова (Новосибирск, 1991, 2000 и 2008) о народонаселении, В.Н. Уйманова (Томск, 1995 и 2013), С.А. Папкина (Новосибирск, 1997; М., 2012) и А.Г. Теплякова (М., 2007 и 2008) – о советских репрессиях в Сибири, В.А. Ильиных (Новосибирск, 1999, 2002 и 2003) – о единоличниках и политике раскрестьянивания, Л.И. Пыстиной (Новосибирск, 1999) – о бывших «буржуазных» специалистах, А.С. Шевякова (Томск, 2000) – о политотделах МТС и совхозов, А.И. Савина (Эссен, 2001; Омск, 2009), И.В. Нам (Томск, 2009) и А.В. Сушко (Омск, 2009; М., 2014) – о национальных меньшинствах, В.И. Исаева (Новосибирск, 2003), С.С. Букина и Р.Е. Романова (Новосибирск, 2013) – о молодежи, С.А. Красильникова (М., 2003; Новосибирск, 2008) – о крестьянской ссылке, В.А. Шулякова (М., 2004), П.А. Новикова и Г.И. Романова (Иркутск, 2009) – о казачестве. Сюда же нужно отнести коллективные монографии, посвященные положению маргинальных групп в сибирском обществе 1920-х – 1950-х гг. (Новосибирск, 2004 и 2010) и практикам отдельных социальных мобилизаций в 1920–1930-е гг. (Новосибирск, 2013).

Обращает на себя внимание явная асимметричность проблематики современных публикаций, посвященных изучению социальной мобильности в Сибири в первой половине XX в. Историки постсоветского времени сосредоточили основное внимание на исследовании лифтов, которые вели к понижению социального статуса как отдельных индивидов, так и целых социальных, этноконфессиональных и профессиональных групп, и выпустили из поля зрения социальное пространство в целом. В результате картина социальной мобильности оказалась существенно деформированной.

Безусловно, этот глубокий историографический «перекос» нуждается в серьезной корректировке за счет выявления и изучения тех лифтов, которые в России первой половины XX в. обеспечивали восхождение по социальной лестнице. Что касается советского периода, то в это время существовала и действовала целая система таких лифтов, наиболее эффективными среди которых можно назвать коммунистическую партию, Советы, Красную Армию, коммунистический союз молодежи, профессиональные союзы и другие общественные организации трудящихся, а также выдвиженчество.

Вопросы о совокупности и иерархии факторов, каналов, лифтов и институтов, благодаря которым в течение трех десятилетий социальная мобильность в России характеризовалась столь высокими показателями интенсивности и степени охвата, нуждаются в первоочередном изучении. В свою очередь, выяснение природы и типа социальных перемещений, их осевого направления и конфигурации позволит составить реальное представление об историческом метаконтексте указанной динамики: о том, каким был и каким стал характер стратификации российского социума, каким в действительности являлся вектор общественной эволюции страны в 1914–1945 гг.

Несомненно также, что только объективный анализ социальной мобильности 1914–1920 гг. позволит понять причины поражения России в Первой мировой войне, ее «срыв» в революцию 1917 г. и победу большевиков в Гражданской войне. Точно так же только изучение социальной мобильности 1920–1930-х гг. даст возможность осуществить реконструкцию и понять загадочную сущность социально-политического новообразования, получившего название советского сфинкса и оказавшегося способным одержать победу над фашистской Германией и ее союзниками во Второй мировой войне.

Ретроспективный анализ социальных перемещений также будет способствовать выработке более глубоких и объективных выводов по широкому комплексу ключевых проблем России тех лет, в первую очередь характеризующих власть и общество, а также взаимоотношения между этими двумя основными акторами. Нельзя исключить и того, что опыт недавней отечественной истории хоть в какой-то мере окажется востребованным и полезным в России для людей, наделенных сегодня властью, чтобы минимизировать ущерб от постсоветской мобильности, обернувшейся глубоким расслоением и маргинализацией российского социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
2. *Inkeles A.* Social change in Soviet Russia. // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. Vol. 13, N 1 (Spring, 1971). P. 111 – 113.
3. *Fitzpatrick Sh.* Education and Social Mobility in the Soviet Union, 1921 – 1932. Cambridge University Press, 1979.
4. *Hagen M.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917 – 1930 (Studies in Soviet History and Society). Cornell University Press, 1990.
5. *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1995.
6. *Buckley M.* Mobilizing Soviet Peasants: Heroines and Heroes of Stalin's Fields. Rowman & Littlefield, 2006.
7. *Siegelbaum L.* Stakhanovism and the Politics of Productivity in the USSR. 1935 – 1941. Cambridge, 1988.
8. *Straus K.* Factory and Community in Stalin's Russia: the Making of an Industrial Working Class. Pittsburgh, 1997.
9. *Hoffmann David L.* Peasant Metropolis. Migration to Moscow and the Politics of Social Identity, 1929 – 1941. Ithaca, 1994.
10. *Kuromiya H.* Stalin's Industrial Revolution: Politics and Workers, 1928 – 1932. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1988.
11. *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas: A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s – 1990s. Cambridge University Press, 1998.
12. *Neutatz D.* Die Moskauer Metro. Von den ersten Plänen bis zur Grossbaustelle des Stalinismus (1897 – 1935). Köln u. a., 2001.
13. *Merl S.* Sozialer Aufstieg im sowjetischen Kolchossystem der 30er Jahre. Über das Schicksal der bäuerlichen Parteimitglieder, Dorfsowjetvorsitzenden, Posteninhaber in Kolchosen, Mechanisatoren und Stachanowleute (Gießener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens, Bd 173). Berlin, 1990.
14. *Beyrau D.* Intelligenz und Dissens. Die russischen Bildungsgeschichten in der Sowjetunion 1917 bis 1985. Göttingen, 1993.
15. *Schattenberg S.* Stalins Ingenieure. Lebenswelten zwischen Technik und Terror in den 1930er Jahren. München, 2002.
16. *Schröder H.-H.* Industrialisierung und Parteibürokratie in der Sowjetunion: Ein sozialgeschichtlicher Versuch über die Anfangsphase des Stalinismus (1928-1934). Berlin, 1998.
17. *Studer B., Unfried B.* Der stalinistische Parteikader. Identitätsstiftende Praktiken und Diskurse in der Sowjetunion der dreißiger Jahre. Köln, 2001.
18. *Clements B.* Bolshevik Women. Cambridge University Press, 1979.
19. *Conze S.* Sowjetische Industriearbeiterinnen in den vierziger Jahren: die Auswirkungen des Zweiten Weltkrieges auf die Erwerbstätigkeit von Frauen in der UdSSR 1941 – 1950. Stuttgart: Steiner, 2001.
20. *Martin T.* The Affirmative Action Empire. Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923 – 1939. Ithaca, 2001.
21. *Fitzpatrick Sh.* Tear off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia. Princeton University Press, 2005.
22. *Hellbeck J.* Tagebuch aus Moskau 1931 – 1939. München, 1996.
23. *Hellbeck J.* «Self-Realization in the Stalinist System: Two Soviet Diaries of the 1930s», in Russian modernity: politics, knowledge, practices, eds. David L. Hoffmann and Yanni Kotsonis. N. Y., 2000.
24. *Halfin I.* From Darkness to Light: Class, Consciousness, and Salvation in Revolutionary Russia. University of Pittsburgh Press, 1999.
25. *Halfin I.* Intimate Enemies: Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928. University of Pittsburgh Press, 2007.
26. Language and revolution: the making of modern political identities / ed. Igal Halfin. Portland, 2002.
27. *Alexopoulos G.* Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926 – 1936. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2003.

Статья поступила
в редакцию 9.10.2014

УДК 94 (470) "19/20"

В.С. ШМАКОВ

СЕЛЬСКИЙ СОЦИУМ РОССИИ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ*

д-р филос. наук,
Институт философии и права СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: shmakov@philosophy.nsc.ru

В статье дан анализ влияния процессов модернизации на изменение социально-экономических условий жизнедеятельности жителей села. На материалах социологического мониторинга развития сельского социума разработана методология исследования поведенческих реакций населения села, определены основные адаптационные стратегии в условиях социально-экономических преобразований. Выделено три этапа трансформационных изменений социально-экономического развития сельскохозяйственного производства. Анализ динамики развития сельскохозяйственных регионов Сибири свидетельствует о росте влияния социальных и инновационных процессов на развитие сибирского села, на различные группы сельского населения, на формирование новых ценностных ориентаций, новых социальных стандартов. Институциональной основой социально-экономических трансформаций сибирского села послужило разрушение системы социальных общественных отношений. Либерализация, расширение социальных свобод, внедрение рыночных отношений, складывание новых форм собственности привели к изменению всего уклада жизни сельского населения, всей системы социально-экономической жизни. Результатом этих процессов явилось формирование многоукладной аграрной экономики, повышение производительности труда и рост валового продукта, развитие широкого рынка сельхозпродукции. В российском сельском социуме, на уровне массовых ориентаций, происходит отказ от пассивных адаптационных стратегий, которые исчерпали свой ресурс и не соответствуют вызовам изменившейся социально-экономической ситуации. Они не способны стимулировать население в полной мере задействовать имеющиеся ресурсы и реализовывать наиболее успешные адаптационные стратегии. В условиях снижения доли доходов от личного подсобного хозяйства, в связи с потерей его товарности, сельское население вынуждено искать новые источники выживания.

Ключевые слова: модернизация, трансформационные процессы, методология, сельский социум, социально-экономические процессы, адаптационные стратегии, традиции, инновации.

Процессы социально-экономической модернизации, затронувшие в большей или меньшей степени все сельскохозяйственные регионы Западной Сибири, оказались одним из важнейших факторов, определивших на долгую перспективу социально-экономическое развитие сельского социума Сибири. Слабо подготовленное реформирование сельскохозяйственного производства, как, впрочем, и всей экономики России, привело к кризису и разрушению системы сельскохозяйственного производства, резкому снижению производительности труда, уровня и качества жизни населения.

Определяя сельский социум в качестве объекта исследования, мы полагаем, что жители села имеют определенную самостоятельность, являясь субъектом, способным активно участвовать в регулировании процессов социально-экономического развития, противостоять изменениям социальной среды или поддерживать их активно, либо пассивно адаптируясь к ним. Мы полагаем, что изучение динамики развития сельскохозяйственных регионов, выявление социальных оснований модернизационных процессов и их влияния на различные группы населения села могут

способствовать активизации социального ресурса, формулированию целей и приоритетов развития, что в целом поможет оценить инновационный потенциал сельских поселений. Поскольку процессы социально-экономического развития сельскохозяйственных регионов Сибири носят достаточно стихийный характер, то сельский социум, естественно, поставлен перед необходимостью не менее стихийно адаптироваться к изменяющимся реалиям. Основная гипотеза нашего исследования предполагает, что процессы социальной адаптации сельского социума как открытой, саморегулирующейся системы представляют собой ответ, вырабатываемый сообществом на изменение условий его существования. Эти ответы напрямую зависят от изменений социально-экономического развития, носят различные формы и имеют определенные этапы в своем движении. Исходя из такой посылки, основной задачей нашего исследования будет анализ процессов социальной адаптации сельского социума в условиях социально-экономических преобразований сельскохозяйственных территорий Западной Сибири.

Проводимые нами социологические исследования позволили создать банк данных, отражающих процессы социально-экономического развития сельскохозяйственных регионов Западной Сибири. На основе факторного анализа выявлены основные внешние и

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 12-06-00277 «Моделирование динамики развития сельского социума на основе имитационной модели».

внутренние факторы, воздействующие на динамику развития сельских поселений. Прежде всего – это уровень урбанизированности территории; наличие рынков сбыта сельскохозяйственной продукции; природно-географические условия, способствующие занятиям сельскохозяйственным производством; ресурсы и структура экономики и т.д. Кроме того, к анализу развития социума привлечены и внутренние акторы: размеры поселения, его административный статус и др. С нашей точки зрения, именно эти основные акторы социально-экономического развития определяют динамику развития сельского социума и специфику форм и моделей адаптации.

Используемый нами историко-градуалистический подход с применением концепции модернизации дает возможность предположить, что произошедшие и происходящие процессы социально-экономического развития села необходимо анализировать и оценивать в контексте общеисторического развития, учитывая противоречивые социально-экономические и политические процессы, по-разному проявляющиеся на различных территориях, а также сопутствующие им стратегии адаптации. Методология исследования развития сельского социума учитывает при анализе модернизационных процессов: влияние глобальных мировых процессов (с учетом вступления России в ВТО), традиций, присущих данному социуму (с учетом этничности), включающих практики жизнедеятельности, репродуцируемых и институционализированных в данном сообществе, своеобразный «социальный порядок», совокупность природных комплексов, в которые вписан социум (формы природопользования, экологический фактор и т.д.). Используемая нами методологическая схема изучения структуры применяемых сельским социумом социально-экономических практик предполагает учитывать при анализе развития социума следующие основные составляющие:

- вековые традиции развития крестьянского образа жизни в сибирской деревне, выступающие своеобразной оппозицией разворачивающимся новым социально-экономическим процессам модернизации;

- структуры, сформировавшиеся в советский период и обладающие определенной «системной жизне-способностью»;

- переходные структуры, создаваемые современным этапом модернизации [1, с. 108–109].

Наши исследования в конце 1990-х – начале 2000 гг. показали, что проводимая государством социально-экономическая политика в отношении сельского хозяйства, земельная реформа, реорганизация колхозов и совхозов, развитие частного сектора аграрной экономики в целях повышения социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения, привела к формированию нового типа социально-экономических отношений, сочетающего в себе черты натурального хозяйства и неформальной экономики и существенно зависящего от государственной и региональной редистрибутивной политики. При этом предполагаемые надежды реформаторов на то, что рынок

отрегулирует все и вся, не оправдались. Получить в российской деревне классическое хозяйство рыночного типа не удалось. Вместо трансформации сельскохозяйственного производства и создания хозяйства рыночного типа, аграрная реформа привела к его архаизации. Это проявилось в экспансии мелкотоварного производства, основанного на архаической системе хозяйствования: преобладании тяжелого немеханизированного труда, высокой трудоемкости, натурализации и потребительском характере производства, вовлечении в его сферу всех членов сельской семьи, включая стариков и детей. Следствием неподготовленности реформ явилась не только архаизация социально-экономических отношений и всего сельского образа жизни, но и депрофессионализация кадров.

Сложившаяся в результате реформ кризисная ситуация превратила экономику села преимущественно в экономику натуральных семейных хозяйств. Форма хозяйствования натурального типа, не имеющая ни государственного регулирования отношений сельского производителя и рынка, ни государственной поддержки товаропроизводителя, не могла стать перспективной. Жители села вынуждены были развивать собственное производство, усиливать сетевую взаимопомощь и, естественно, включаться в неформальные экономические отношения и «черный рынок».

Необходимо также отметить очень важную отличительную черту натурализованной сельской экономики от традиционных натуральных экономик прошлого. Экономика личных подсобных хозяйств не является самостоятельным экономическим феноменом и зависит от внешних факторов. Для развития экономики села, воспроизводства социально-экономических условий жизнедеятельности, поддержания какой-либо инфраструктуры и минимального жизненного уровня (выживания) явно недостаточно ресурсов, получаемых в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ). Высокую значимость в экономике села в этот период приобретают крупхозы (бывшие колхозы и совхозы), бюджетные организации и сохранившиеся перерабатывающие промышленные предприятия. Крупхозы становятся своеобразным поплавком для поддержания личных подсобных хозяйств. Используя сохранившуюся материально-техническую и ресурсную базу крупхозов, жители села получают доступ к редистрибутивному механизму, присваивая в той или иной форме общественные ресурсы [2]. Таким образом, можно выделить две основных формы развития экономики села. Экономика сохранившихся крупных хозяйств (крупхозов) и отчасти зарождающиеся фермерские хозяйства и достаточно устойчивая натурализованная экономика личных подсобных хозяйств, имеющая мелкотоварный уклад. Эти экономические формы стали ведущими секторами сельскохозяйственного производства, что явилось своеобразным симбиозом сельской экономики на рубеже веков.

Отмечая высокую зависимость доходов жителей села от личного подсобного хозяйства, следует констатировать, что основными социальными инновациями, которые вырабатывает сельский социум в этот период,

становятся процессы ренатурализации, различные формы редистрибуции, архаизация социальных отношений. Как правило, выделенные нами социально-экономические инновации не являются параллельными и независимыми факторами. Эти инновации представляют собой различные стороны единого модернизационного процесса социального развития, поскольку обуславливают и являются следствием кардинальных преобразований сложившегося образа жизни жителей села.

На основе анализа развития экономики села мы выделяем три основных типа адаптационных реакций. Прежде всего, это натуральный тип, в его основе лежит сочетание традиционных форм жизнеобеспечения с определенной зависимостью от государственных трансфертов (включая пенсии, различного вида пособия, остаточные ресурсы сохранившихся крупхозов). Повсеместно происходит процесс переориентации всей жизни социума на ведение натурального семейного хозяйства, с целью простого воспроизводства. Еще один тип социальной адаптации, при наличии каналов сбыта производимой в ЛПХ сельскохозяйственной продукции, основан на широком распространении экономики «черного рынка». Мы в свое время охарактеризовали его как криминальный, поскольку говорить об учете произведенной и проданной продукции, а также об уплате налогов не приходится. Натуральный тип адаптации, в сочетании с полукриминальным способом реализации сельскохозяйственной продукции, – это наиболее типичная приспособительная реакция, обеспечивающая минимально приемлемый уровень жизни сельских жителей. Самым сложным, в буквальном смысле болезненным, является деструктивный тип адаптации, характеризующийся прогрессирующим распадом социальных связей, усиленной миграцией и, в конечном счете, заканчивающийся деструктуризацией локального сообщества. Эти типы социальной адаптации представляют собой различные стороны одной и той же, по сути, адаптационной модели, по-разному проявляющей себя в разных обстоятельствах и в разных регионах [3, с. 89–90].

Основными характеристиками развития первого этапа модернизации сельскохозяйственного производства, а также его социальных последствий является развитие симбиоза экономики крупхозов и мелкотоварного производства. В целом этот тип адаптации сельского социума можно охарактеризовать как пассивный. Стратегии поведения жителей села не нацелены на развитие, а являются своеобразной «ориентацией на выживание». Ситуацию усугубил и переход от патернализма к новой социальной политике, практически отменившей социальную поддержку и защиту сельского населения.

Реформы начала 1990-х – середины 2000-х гг. постепенно приводят к разрыву системы экономических и социальных связей, сложившихся в доперестроечный период. Воспроизводство материальных ресурсов, социального и человеческого капитала на селе, практически было пущено на самотек. Происходит процесс разорения крупхозов, с которыми население села постепенно теряет трудовые отношения и общественные

связи. Крупхозы вследствие отсутствия экономических резервов не в состоянии были поддерживать инфраструктуру поселения и оказались в роли дистрибьютора личных подсобных хозяйств. Многие крупные хозяйства просто разоряются или, хуже того, разворачиваются. Жители села вынуждены были изыскивать новые пути приспособления к сложившимся условиям.

К середине 2000-х гг. ситуация становится практически безысходной. Общество осознает, что развитие российского сельского хозяйства не только призвано решать проблему снабжения населения продуктами питания, но является основой продовольственной безопасности страны. Кроме того, в истории российского крестьянства всегда отмечалось, что оно не только производит продукты питания и сельскохозяйственное сырье, веками оно являлось в значительной степени хранилищем общественно значимых ценностей, поставщиком человеческих ресурсов. Это начинают понимать и представители государственной власти. В итоге была разработана и реализована Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг. (Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2007 г. № 446)¹. Ее результаты не особенно впечатлили сельское население.

Исследование социально-экономического развития середины 2000-х гг. показало, что социально-экономические механизмы стабилизации и поддержания социального равновесия в сельском социуме, основанные на пассивных стратегиях адаптации, оказались неэффективными, исчерпав свой ресурс, новым социально-экономическим условиям они уже не соответствуют. Пассивная адаптация не стимулировала жителей села активно задействовать свой сохранившийся адаптационный потенциал. В сельских регионах Сибири происходит прогрессирующее снижение роли и стабилизирующего фактора традиционного уклада, представленного сектором ЛПХ населения. К числу наиболее важных внутренних факторов социально-экономического развития села следует отнести наличие или отсутствие в сельском поселении крупного сельхозпредприятия, которое фактически являлось градообразующим, не только исполняло функции работодателя, предоставляющего возможности официального трудоустройства, но и поддерживало инфраструктуру села в целом, выделяло ресурсы для ведения подсобного хозяйства (корма, племенной скот и пр.), оказывало помощь в сбыте продукции, производимой в ЛПХ, хотя сами они испытывали негативные эффекты социально-экономических трансформаций.

Анализ динамики социально-экономического развития сельского социума позволил с начала 2000-х до

¹ Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы (Постановление Правительства Российской Федерации от 14 июня 2007 г. № 446). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150184/?frame=1

середины 2000-х гг. выделить в сибирской деревне два основных хозяйственных уклада: симбиоз экономики ЛПХ и крупхозов, сложившихся в конце 1990-х – начале 2000 гг., и зарождающаяся инновационная экономика, представленная крупным фермерством и агрохолдингами. Но развитие инновационных форм в сельскохозяйственном производстве привело к ослаблению социально-экономического потенциала ЛПХ, которое в начале постперестроечного периода обеспечивало выживание села. Развитие сельского социума становится крайне неустойчивым. Стихийно сформированные механизмы адаптации населения села подвергаются разрушению.

Тем не менее необходимо отметить главное и наиболее существенное в развитии аграрного сектора России с середины 2000-х гг. – это институциональные и социально-структурные преобразования. В экономику села внедряется инновационный хозяйственный уклад – активно развивающиеся агрохолдинги, интегрированные с финансовым капиталом. Изменения в экономике приводят к изменению социально-экономического поведения жителей села (проявляющегося, в первую очередь, в сокращении активности селян на личном подворье). Прежде всего это касается тех регионов, где сельскохозяйственное производство (или его отдельные отрасли) является прибыльным; здесь доля агрохолдингов увеличивается, а роль мелких производителей снижается.

Важным является то, что с внедрением в сельскохозяйственное производство финансового капитала и развитием агрохолдингов производительность труда и количество валового продукта увеличились. Но агрохолдинг не исполняет функции градообразующего предприятия в прежнем понимании. Его руководителей в последнюю очередь интересует социальные проблемы села, ими руководит прибыль. Новые собственники не заинтересованы в поддержке социальной сферы села, долгосрочных инвестициях в человеческий капитал, поскольку в первую очередь озабочены вопросами эффективности; как правило, владельцы сельхозпредприятий настроены на закрытие нерентабельных видов бизнеса и сокращение численности работников. Что касается социальной жизни – это прерогатива региональной администрации. Бесспорно, инновационный путь развития села, внедрение финансового капитала – это большой плюс для сельского социума, но социальные проблемы не решаются и даже обостряются. Применение новых технологий и новой техники способствует росту производительности труда, что приводит к увеличению числа незанятых в сельскохозяйственном производстве. Их положение усугубляется еще отсутствием в поселении другой работы. Жители села вынуждены мигрировать в город, где их не особенно ждут.

Таким образом, развитие агрохолдингов приводит к нарушению хрупкого равновесия, сложившегося в социальной сфере российского села, к истощению ресурсного потенциала сельского хозяйства, включающего не только инновационную инфраструктуру, но-

вые формы собственности, систему общественных отношений, новые технологии, учебно-технологические центры и т. п. Прежде всего, речь идет о человеческом потенциале социума, который не восстанавливается. Имеется еще одна сложная проблема, связанная с тем, насколько жители села способны воспринимать и осваивать инновационные способы социально-экономической деятельности, проявлять инициативу, творческий подход, желание повысить свой общий и профессиональный уровень образования и т.д.

На основе анализа экономического развития сельскохозяйственных регионов можно отметить, что характерной чертой адаптационных процессов сельского социума этого периода является формирование переходных моделей адаптации сельского социума: симбиотическая модель адаптации, с опорой на ресурсы крупхозов и экономику личных подсобных хозяйств; инновационная модель адаптации, характеризующаяся активным типом социально-экономического поведения, которое включает поиск новых форм жизнедеятельности и воздействия на изменение социальной среды. Данная модель базируется на экономике фермерства и крупных сельхозпредприятий, развивается преимущественно в сельскохозяйственных зонах [4, с. 93–94].

Проведенные нами исследования развития сельскохозяйственных регионов Западной Сибири в 2008–2013 гг., показывали, что развитие агропромышленного комплекса происходит достаточно медленно, поскольку процесс модернизации агропромышленного производства и внедрения инновационных технологий требует больших капиталовложений. Как отмечают жители села, о чем бы мы ни говорили, всегда говорим о деньгах. А это значит, что и собственно социальное развитие сельского социума, образования, медицинского обслуживания, состояние социальной инфраструктуры и т.п. требует денег. Продолжает оставаться низким и качество жизни жителей села. Не решены вопросы в сфере безработицы, улучшения демографической ситуации, подготовки и переподготовки кадров, устранения проблемы бедности, обеспечения устойчивости доходов населения и др. Все это свидетельствует о необходимости усиления внимания к проблемам села. Но было бы несправедливым по отношению к жителям села не отметить ряд существенных факторов, указывающих на начало нового этапа трансформации социально-экономического развития сельских территорий. Наиболее значимыми проявлениями этого процесса представляются модификация организационно-производственной структуры села, изменение социально-экономических практик населения, обеспечивающих адаптацию сельского социума к условиям реформ, в том числе сокращение значимости и социально-экономического потенциала подсобных хозяйств населения, корректировка социальной ситуации в целом.

Мы полагаем, что для более успешного развития сельского хозяйства был необходим выход на качественно новый уровень. Этому посвящена Государст-

венная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. [Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717 (ред. от 15.07.2013)], которая предусматривает финансирование отрасли в размере 1 509 745 406,93 тыс. руб.² С некоторой долей вероятности перспектива развития села имеется, но перспектива – это еще не решение если не всех, то хотя бы наиболее важных вопросов.

В итоге следует отметить, что институциональной основой социально-экономических трансформаций сибирского села послужило разрушение системы социальных общественных отношений. В результате либерализации, расширения социальных свобод, внедрения рыночных отношений, складывания новых форм собственности произошло изменение всего уклада жизни сельского населения, всей системы социально-экономической жизни. Результатом развития этих процессов явилось формирование многоукладной аграрной экономики, развитие частного сектора, повышение производительности труда и рост валового продукта, становление широкого рынка сельхозпродукции.

Самая важная проблема взаимодействия предельных адаптационных и инновационных элементов структуры сельского социума заключается в несовместимости укладных форм, возникших в рамках различных адаптационных стратегий. Сосуществующие уклады по своей внутренней социально-экономической природе разнополярны. Это можно объяснить тем фактом, что часть из них больше отражает общественно-коллективные интересы, а другая – частнособственные.

Результаты наших исследований позволяют сделать вывод о том, что социально-экономических механизмы стабилизации и поддержания социального равновесия в сельском социуме, основанные на пассивных стратегиях адаптации, в определенной мере исчерпали свой ресурс и на сегодняшний день не соответствуют вызовам изменившейся социально-экономической ситуации. Мы полагаем, что в российском сельском социуме, на уровне массовых ориентаций происходит отказ от пассивных адаптационных стратегий. Они не способны в должной мере стимулировать население задействовать в полной мере имеющиеся ресурсы и реализовать наиболее успешные адаптационные стратегии. В условиях снижения доли доходов от ЛПХ, в связи с потерей его товарности сельское население вынуждено искать новые источники выживания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шмаков В. С. Процессы социальной модернизации на постсоветском пространстве: методология исследования // Северный регион: наука, образование, культура. 2006. № 1. С. 107–111.
2. Шмаков В. С., Нечипоренко О. В. Сибирское село в условиях реформ. Новосибирск, 2008. 160 с.
3. Шмаков В. С. Моделирование процессов социальной модернизации в сельских локальных сообществах // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2008. Т. 6, вып. 1. С. 87–91.
4. Шмаков В. С. Инновационная составляющая развития сельских локальных сообществ // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2013. Т. 11, вып. 1. С. 90–95.

Статья поступила
в редакцию 21.08.2014

УДК [651+930.25]:.001.4"19/20"

В.А. БОНДАРЬ

СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПОНЯТИЯ «ДОКУМЕНТ»

Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург
e-mail: bondar1213@yandex.ru

В статье представлен обзор развития концептуальных подходов к понятию «документ», обозначающему его термину и документной термосистеме в целом с начала 1990-х гг. по настоящее время. Анализируются изменения во взглядах на документ по мере накопления теоретических и практических знаний и изменений внешней среды. Охвачена большая часть значимых подходов и направлений мысли как в рамках управленческого документоведения, так и в русле других концепций.

² Постановление Правительства РФ от 14.07.2012 N 717 (ред. от 15.07.2013) "О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_150184/?frame=1

Основным содержанием теоретических исследований в рассматриваемый период стали поиски выхода из методологического тупика, вызванного неоправданным сужением объема ключевого понятия документ почти до рамок официального документа. В русле управленческого документоведения были предложены институциональный подход и взгляд на документ как часть ноосферы, что может быть фундаментом для междисциплинарных исследований документа. Кроме того, были проведены исследования по истории понятия «документ» вообще и управленческий документ в частности.

Еще одним результатом стало появление новой версии документоведения, не представлявшего собой единого целого. Теория социальной коммуникации, появившаяся в данный период, рассматривает документ как инструмент одного из каналов социальной коммуникации с приобретаемым и временным статусом. В рамках данной версии разрабатывается взгляд на документ как результат документирования – теория документирования. Автор этой теории сделал вывод, что понятие «документ» перегружено смыслами и не настолько универсально, чтобы выступать в качестве определяющего.

На основе анализа данных концепций делается вывод, что несмотря на продолжающиеся теоретические исследования и активные дискуссии, пока не существует адекватной трактовки комплексного и междисциплинарного понятия «документ», а дальнейшее его осмысление потребует совместных усилий теоретиков и практиков.

Ключевые слова: документоведение, терминосистема, документ, понятие, определение, трактовка, подход, концепция.

Поскольку любые идеи, в том числе научные концепции, выражаются средствами языка, особую роль в науке играет специальная лексика. Из нее следует выделить термины, так как именно с их помощью становится возможным формировать теоретические концепции, систему понятий и оперировать ими. Ситуация осложняется, если теорий несколько; в этом случае определение одних и тех же терминов может не совпадать, и в результате множатся смыслы обозначаемого понятия. Это особенно актуально для таких терминов, как, например, «архив», «документ». По поводу их дефиниций зачастую ведутся оживленные дискуссии, поскольку существующая неопределенность осложняет не только научную, но и практическую деятельность.

В России документ как объект исследования находится в поле зрения многих дисциплин, среди них – источниковедение, дипломатика, информатика, документалистика, библиотековедение, книговедение и др. Для них термин «документ» если не главный, то один из важнейших, базовых. От его понимания зависят трактовки других, связанных с ним терминов.

Наиболее явно системный подход к теории документа реализуется в рамках документоведения. Однако и здесь нет единства мнений: больше всего споров вызывает само определение документа. Его изучение как теоретического понятия началось еще в середине XX в. и прошло достаточно длительный путь, что позволяет выделить ряд этапов, различавшихся методологическими подходами. Как минимум, это теории, выдвинутые в советское время, и современные подходы.

В советской науке к концу 1980-х гг., несмотря на проведенные теоретические исследования понятия «документ», не было выработано единого определения. Изначально были выдвинуты «широкая» и «узкая» трактовки понятия документ, последняя стала основой для определений, закрепленных в стандартах. Постепенно объем понятия «документ» в документоведении стал практически равным официальному или управленческому документу. В это же время теоретические исследования зашли в методологический тупик.

С начала 1990-х гг. во всех сферах жизни российского общества произошли серьезные изменения, выразившиеся в том числе в интернационализации сферы управления документами, необходимости соотнесения отечественной терминосистемы с международными стандартами. Наряду с очевидным методологическим кризисом, эти факторы вызвали необходимость в уточнении основных понятий документоведения, что и было сделано в рамках обновленных концепций документа. В задачи настоящей статьи входят рассмотрение основных научных направлений и оценка роли каждого из них в формировании современной терминосистемы.

Трактовка понятия «документ» и обозначающего его термина до сих пор вызывает оживленную дискуссию. Обсуждаемые вопросы, как правило, посвящены термину «документ» в определенном аспекте или связанном с ним терминам с позиций классического документоведения, книговедческих дисциплин и нового документоведения, синтезирующего документоведение, книговедение, библиотековедение и достижения информационных дисциплин (документалистики, информатики и др.).

В 1990-е гг. К.Б. Гельман-Виноградов, продолжая исследования в рамках управленческого документоведения, предложил трактовку документа как значимой части ноосферы и, следовательно, одного из важнейших носителей идей и памяти. Им же введен в научный оборот термин «документальная память ноосферы» [1]. Этот информационный подход к документу максимально широк и может быть основой для междисциплинарных исследований в рамках общей теории документа. Но есть разработки и прикладных вопросов. Так, в статье «О сложностях трактовки понятия «документ» и способах их преодоления» [2] проведен комплексный анализ истории этого понятия и толкования его в рамках различных наук, хотя новое определение не было предложено.

Еще одно новое толкование понятия «документ», точнее, его разновидности под названием «управленческий документ», было выдвинуто в 2003 г. Т.В. Кузнецовой. Оно предусматривает понимание документа как комплекса социальных институтов, включающих в том числе его форму, содержание, институты со-

здания, регистрации и хранения [3]. Под институтами здесь понимаются механизмы, обеспечивающие проведение вышеупомянутых действий по отношению к документу. Исходя из этой трактовки, было дано следующее определение: управленческий документ – сообщение, состоящее из содержательной части – текста (сведения о среде управления, для которой оно было создано) и справочной части (реквизитов), предназначенное для регулирования деятельности людей по достижению целей управления [3, с. 220]. В этом определении прослеживается преемственность с информационно-структурным подходом 1980-х гг., результаты которого переосмыслены в новых условиях.

История понятия «документ» неоднократно становилась объектом анализа ученых. В постсоветский период свой вариант анализа истории рассматриваемого понятия был предложен директором ВНИИДАД М.В. Лариным в статье «Развитие понятия “документ”» [4] и в более полном виде раскрыт в книге «Управление документацией в организациях» [5, с. 71–80]. По его мнению, проблемы эволюции понятия привязаны к управленческой среде. Отдельные разделы книги посвящены обобщению имеющихся точек зрения относительно управленческой [5, с. 80–87] и электронной [5, с. 87–102] документации.

Другим вариантом ответа на вызовы времени стало появление подходов и теорий, получивших известность под названием «новая версия документоведения» [6, с. 6]. Это направление сформировалось по большей части из переработки и развития книговедения и наук библиотечного цикла. «Новая версия документоведения» не представляет собой единого целого и включает несколько концепций.

Прежде всего, следует отметить теорию документной коммуникации, предложенную А.В. Соколовым, где документ понимается как разновидность сообщения [7, с. 118]. Это особенно актуально для электронной документации. Благодаря тому, что статус документа для сообщения не постоянен и приобретает в зависимости от роли в коммуникации [7, с. 39, 139–143], был выделен специфический тип – символичные документы [7, с. 119]. Такая трактовка позволяет распространить понятие «документ» практически на все объекты, с которыми работают науки информационного цикла, а также на музейные экспонаты и памятники старины. Предложенное А.В. Соколовым определение документа перспективно для проведения междисциплинарных исследований и разработок в рамках общей теории документа.

С позиций, близких к коммуникационному подходу, понятие «документ» и связанную с ним терминосистему изучают Ю.Н. Столяров, Н.Н. Кушнаренко, Н.Б. Швецова-Водка, С.Г. Кулешов и др. Ю.Н. Столяров предложил использовать термин «документология» для обозначения обобщающей теоретической науки о документе. Кроме того, ему принадлежит разработка, вероятно, наиболее логичной в настоящее время системы терминов, производных

от слова «документ». Изначально им было выделено семь терминов с рекомендуемыми трактовками и примерами словоупотребления [8], затем их стало значительно больше, с учетом понятия «документика» как название для дисциплины, изучающей электронные документы [9]. Практическая значимость проведенной им терминологической работы возрастает за счет разграничения понятий, употребляемых в литературе как синонимы.

Н. Н. Кушнаренко поддерживает подход Ю.Н. Столярова и предлагает опираться на определение документа как системы, имеющей определенную структуру [10, с. 34–35]. Документ и документная информация между собой не отождествляются [10, с. 47–48]. Документ включен в социальную коммуникацию как часть более крупной, чем он сам, системы. Кроме того, проводится четкая граница между терминологическими «документный» и «документальный». Первый используется для обозначения содержания документа, второй – информации, основанной на документах [10, с. 48].

В работах Н.Б. Швецово-Водка нашел отражение авторский подход к классификации определений понятия «документ», разделенных на семь групп [11, с. 79–82; 12, с. 16–22]. Каждое последующее толкование имеет более узкое значение по сравнению с предыдущим: начиная от трактовки документа как любого объекта, который может быть использован для передачи информации в обществе [12, с. 17] до определения документа как записи о юридическом факте, которая удостоверяет личность [12, с. 21]. Кроме того, она предложила «новую» редакцию базовых терминов и терминологических элементов документоведения (54 термина) [11, с. 336–341] с целью упорядочить систему, рекомендуя отказаться от некоторых из них. Например, по ее мнению, недопустимо употреблять «документный» вместо «документарный», «документирование» вместо «документаризация» [11, с. 337].

С точки зрения Н.Б. Зиновьевой, документ – это результат процессов, направленных на его создание (процессный подход), для изучения которых и предназначена специализированная дисциплина под названием «теория документирования» [13]. Понятие «документ», в ее представлении, терминологически размыто и условно, поэтому о едином толковании говорить не приходится, в отличие от документирования – направленного на результат процесса [13, с. 157]. На основании этих соображений был сделан вывод, что термин «документ» не настолько универсален, как представлялось ранее, в имеющихся определениях просматривается смысловая перегрузка. Поэтому в качестве основного предлагается термин «документированная информация» [13, с. 86–87].

Собственно документ понимается Н.Б. Зиновьевой как разновидность документированной информации, которой придан особый статус посредством признания достоверности содержащихся сведений и/или наделения полномочиями, позволяющими участвовать в социальных процессах [13, с. 87]. Этот ста-

тус временный, т. е. после реализации своих основных функций документ возвращается в состояние документированной информации. В этих положениях заключаются наиболее существенные отличия от предложенного К.Г. Митяевым в 1960-е гг. подхода к документу как результату процесса документирования.

К коммуникационному подходу близка позиция Е.А. Плешкевича, рассматривающего документы, прежде всего, как средство передачи информации в рамках определенной системы. В результате анализа трактовок понятий «документ» и «книга», их взаимосвязей в рамках книговедческих дисциплин и частично документоведения и архивного дела было предложено ввести термины «оперативный документ» и «диахронный документ» [14]. По его представлениям, информацию в оперативных документах создают и используют в рамках системы документационного обеспечения управления, затем оперативные документы либо трансформируются в ретроспективные, либо уничтожаются [14, с. 6]. В отличие от них, диахронные документы никогда не покидают соответствующую систему, так как их информация (или «знание») обладает не оперативной, а постоянной ценностью [14, с. 6]. Такое разделение отражает теоретические представления и прикладную специфику книговедческих дисциплин [14, с. 6] и представляется применимым для нового направления документоведения.

Развивая идею о том, что есть оперативные и диахронные документы как носители соответствующих типов информации [14, с. 5–6], он предлагает ретроспективную информацию и архивные документы расположить между вышеупомянутыми группами. Это три главные информационные системы, а документ, по мысли указанного автора, определяется как «социальная, семантическая, оперативная материализованная информация, имеющая форму сообщения и включенная с помощью системы реквизитов в определенную информационную систему» [15, с. 14], т.е. сообщение вне системы не может быть документом, как и информация без реквизитов. Кроме того, информационные системы взаимодействуют между собой и дополняют друг друга, в том числе на уровне конкретной организации. Благодаря такой трактовке сущности документа и структуры документированной информации становится возможным синтез наук о документе и в перспективе – общая терминосистема для этих наук.

Некоторые идеи нашли отражение в недавно выпущенных терминологическом словаре [16] и ГОСТ Р 7.0.8-2013¹. Например, были разведены фактически признанные синонимами в утратившем силу ГОСТ Р 51141-98 термины «документ» и «документирован-

ная информация»², последнему было придано более широкое значение³. Тем не менее упорядочение терминологической системы еще не проведено в достаточной для кодификации степени, поскольку большая часть терминов и их трактовок до сих пор находится на уровне мнений и гипотез исследователей.

Таким образом, исследование понятий и соответствующих им терминов в сфере управления документами направлено на построение общей теории документа и осмысление ключевого для нее термина «документ». В управленческом документоведении появились институциональный подход (Т.В. Кузнецова) и концепция о «документальной памяти ноосферы» (К.Б. Гельман-Виноградов), обобщены знания о документе (М.В. Ларин). Из новых концепций внимания заслуживают взгляд на документ как инструмент для социальной коммуникации (А.В. Соколов, Н.Н. Кушнarenко и др.) и процессный подход к нему как к результату документирования (теория документирования Н.Б. Зиновьевой). В книговедческих и библиотечно-библиографических дисциплинах много внимания уделяется теоретической разработке понятия «документ» в связи с соотношением трактовок документа и книги (А.Н. Столяров, Н.Б. Швецова-Водка).

В целом терминоведение в сфере управления документами – сравнительно молодое направление, и вопросов пока значительно больше, чем ответов. Налицо тенденция сделать понятие «документ» междисциплинарным и даже глобальным, но в практической деятельности имеется и противоположное стремление к его сужению, а также отказу от чрезмерной универсальности. Работа по нормализации терминов еще далека от завершения, в этом направлении требуется немало усилий как от исследователей, так и от практиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гельман-Виноградов К.Б. Документальная память ноосферы как новый объект познания (к постановке проблемы) // Международный форум по информации и документации. 1992. Т. 17, № 1. С. 8–16.
2. Гельман-Виноградов К.Б. О сложностях трактовки понятия «документ» и способах их преодоления // Делопроизводство. 2005. № 2. С. 16–24.
3. Кузнецова Т.В. Институциональный аспект управленческого документа // Документация в информационном обществе: унификация и стандартизация межведомственного и корпоративного документооборота: доклады и сообщения на девятой Международной научно-практической конференции. 5–6 декабря 2002 г. М., 2003. С. 219–220.
4. Ларин М.В. Развитие понятия «документ» // Делопроизводство. 2000. № 1. С. 5–9.

² ГОСТ Р 51141-98. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Гарант: информационно-правовой портал. – URL: <http://base.garant.ru/181655/> (дата обращения: 29.09.2011).

³ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Консультант-плюс: правовой сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (дата обращения: 04.06.2014).

¹ ГОСТ Р 7.0.8-2013. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения // Консультант-плюс: правовой сайт. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (дата обращения: 04.06.2014).

5. Ларин М.В. Управление документацией в организациях М., 2002. 288 с.
6. Плешкевич Е.А. Современные проблемы документоведения: обзор // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2006. № 11. С. 3–10.
7. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: учеб. пособие. СПб., 2002. 461 с.
8. Столяров Ю.Н. Термины, производимые от слова «документ» // Научные и технические библиотеки. 2000. № 10. С. 64–68.
9. Столяров Ю.Н. Развитие документологической терминологии // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 2004. № 8. С. 5–10.
10. Кушнарченко Н.Н. Документоведение: Учебник. 8-е изд., стереотип. Киев, 2008. 459 с.
11. Швецова-Водка Г.Н. Документ в свете ноокоммунологии. М., 2010. 381 с.
12. Швецова-Водка Г.Н. Общая теория документа и книги: учеб. пособие. М.: «Рыбари»; Киев: «Знання», 2009. 487 с.
13. Зиновьева Н.Б. Теория документирования: учебно-методическое пособие. М., 2011. 174 с.
14. Плешкевич Е.А. Новый подход к определению понятия «документ» в книговедческих дисциплинах // Научная техническая информация. Серия 1. 2005. № 3. С. 4–7.
15. Плешкевич Е.А. О понятии «документ» в документоведении и других науках // Научно-техническая информация. Сер. 1. 2004. № 4. С. 10–15.
16. Управление документами. Термины и определения: словарь / М. В. Ларин и др. М.: Росархив, ВНИИДАД. 2013. 120 с.

Статья поступила
в редакцию 27.07.2014

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 027:94(571.1)

Ю.В. ТИМОФЕЕВА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В БИБЛИОТЕЧНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: prankevich@mail.ru

Целью работы является конкретно-историческая характеристика благотворительной деятельности в сфере библиотечного строительства в Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв. Задачами данной статьи являются анализ и обобщение выявленных автором и другими исследователями фактов благотворительности в указанной области, введение в научный оборот новых источников, открывающих специалистам неизвестные ранее примеры такой деятельности и неизвестные прежде имена жертвователей на книжном поле. В работе характеризуются масштабы и формы благотворительности, выявляются имена столичных и местных меценатов, оказывавших материальную поддержку открытию и функционированию библиотек, определяется их конкретный вклад в создание и развитие библиотечной сети края.

На основе анализа архивных и опубликованных источников автором статьи установлено широкое распространение благотворительности в регионе на рубеже XIX–XX вв. Наибольший размах она получила в Томской губернии, в основном благодаря деятельности выдающегося сибирского просветителя, книгоиздателя и книготорговца П.И. Макушина. Он сам был щедрым жертвователем на устройство библиотек и сумел привлечь к этому важному делу столичных и местных благотворителей, последних – через создание Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален. На капитал, завещанный Ф.Ф. Павленковым, в крае было открыто почти четыре десятка сельских библиотек. Солидной укомплектованностью отличались библиотеки, устроенные на капитал, завещанный Д.Д. Полубояриновым. Открытием единичных или нескольких бесплатных библиотек, помощью в их комплектовании характеризовалась деятельность Н.М. Чукмалдина, А.И. Текутьева, В.А. Горохова и др.

Привлеченные автором источники убедительно доказывают присутствие на ниве библиотечного строительства в Западной Сибири местных и столичных благотворителей. Выявлена интересная особенность профессионального состава крупных благотворителей, многие из которых были книгоиздателями и книготорговцами.

Ключевые слова: библиотеки, народные библиотеки, благотворительность, масштабы и формы благотворительности, столичные меценаты, местные благотворители, финансирование, щедрость, завещанный капитал, книгопродавцы, книгоиздатели.

Развитие и процветание России невозможно без сохранения и приумножения культурного наследия страны. Внести свой вклад в развитие отечественной культуры могут и меценаты. В связи с этим полезным является ретроспективный обзор благотворительной деятельности в стране.

К рубежу XIX–XX вв. в России уже сложились богатые традиции благотворительности. Щедрая и, как правило, бескорыстная поддержка людей, церкви, образования, ее масштабы, формы и мотивы издавна привлекали внимание исследователей. Менее изученной оказалась благотворительность в библиотечной сфере.

Самым разработанным сюжетом меценатства в библиотечном строительстве в Западной Сибири является деятельность П.И. Макушина, которую уже давно и подробно изучают исследователи. Результаты этой кропотливой рабо-

ты изложены в многочисленных публикациях – от тезисов до монографий. Среди последних хотелось бы отметить, как наиболее полную, содержащую много интересных подробностей устройства библиотек П.И. Макушиным, работу Т.В. Сталевой [1].

Привлекательной для исследователей оказалась и тема создания библиотек на капитал, завещанный для этой цели Ф.Ф. Павленковым. Например, устройство и комплектование таких библиотек, открываемых на территории, ныне составляющей Кемеровскую область, подробно изложены Е.Ф. Сергеевой [2].

Малоизученной остается страница благотворительности, связанная с именем отставного полковника Д.Д. Полубояринова, также завещавшего свой капитал на устройство бесплатных библиотек. Упоминание об использовании это-

го капитала и устроенных за его счет библиотек Западной Сибири встречается, главным образом, у автора этой статьи [3].

Большой интерес историков и книговедов всегда вызывали источники финансирования и процесс комплектования библиотеки Томского университета – единственного в дореволюционной Сибири. Щедрое в этом деле участие сибиряков получило подробное описание в научной литературе, в том числе в хорошо известных «Очерках истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока» [4, с. 227].

Интересные, но в основном известные факты благотворительности в библиотечной сфере региона приведены в монографии Е.Б. Артемьевой [5]. Однако, не составляя специальный предмет ее исследования, они изложены в контексте заявленной темы в виде отдельных примеров, иллюстрирующих финансовые источники развития библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока.

Обобщающей работы, которая бы в полной мере характеризовала благотворительность в деле устройства библиотек, раскрывала ее формы, размах, мотивы и результаты, пока не создано. Принимая во внимание масштабность темы, ее сложность и междисциплинарный характер, место нашей работы в ней можно определить как участие, совместно с научным сообществом, в заполнении обозначенной лакуны. В связи с этим задачи статьи сводятся к анализу и обобщению выявленных автором и другими исследователями фактов благотворительности в сфере библиотечного строительства в Западной Сибири, введению в научный оборот новых источников, открывающих специалистам неизвестные ранее примеры такой деятельности и знакомые прежде имена жертвователей на книжном поле.

Самой масштабной, прежде всего, по конечному результату – числу открытых библиотек, целым явлением в социокультурной жизни Томской губернии необходимо, без сомнения, признать целенаправленную, энергичную деятельность П.И. Макушина, лично занимавшегося благотворительностью в сфере народного просвещения и привлекавшего к ней других людей, в том числе через работу им же организованного и возглавляемого Общества содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губернии (далее – Общество содействия). Главными заслугами П.И. Макушина и Общества содействия можно признать следующие.

Во-первых, устройство менее чем за два десятка лет в селениях Томской губернии около 600 бесплатных библиотек-читален, в коих к 1919 г. находилось около 300 тыс. книг, которыми пользовалось более 50 тыс. чел. [6, с. 41].

Во-вторых, пополнение действующих библиотек новой литературой, что являлось важным условием сохранения и увеличения контингента читателей. Так, в 1910 г. Общество содействия пополнило 18 библиотек, в 1911 – 28, 1912 г. – 64 библиотеки [7, с. 18].

В-третьих, умение привлечь к благотворительности в Сибири столичных издателей, книгопродавцев, деятелей народного просвещения. В 1910 г., находясь в Петербурге, Макушин выступил на собрании Русского общества книгопродавцев и издателей, рассказав о деятельности Общества содействия. Доклад произвел впечатление на присутствовавших лиц, высказавших свое сочувствие и оказавших под-

держку начинанию сибиряка. Помощь выразилась в единовременном пожертвовании книг (свыше 20 тыс. экз.), а затем в постоянном отчислении во все последующие годы в пользу библиотек 5 % с тех сумм, которые им П.И. Макушин выплачивал, приобретая их издания для своего книжного магазина в Томске [6, с. 41]. Сумма отчислений в пользу народных библиотек с 1910 по 1918 г. выразилась в 7–8 тыс. руб., сверх этих отчислений книгопродавец И.Д. Сытин, А.С. Панафидина, педагог В.П. Вахтеров пожертвовали единовременно по 1000 руб. [6, с. 41].

В-четвертых, привлечение к финансированию библиотек местных жителей. Согласно отчету Совета Общества содействия, из 205 чел., в разные годы вступивших в его состав, вносили членский взнос (3 руб.) в течение всех 12 лет, минувших со дня создания Общества, 7 чел., в течение одиннадцати лет – 1, восьми, семи, шести лет – по 1, пяти лет – 8, четырех лет – 14, трех и двух лет – по 20, одного года – 132 чел. По годам число членов, уплативших взносы (3 руб.), было: в 1901 г. – 108, 1902 г. – 50, 1903 г. – 40, 1904 г. – 26, 1905 г. – 15, 1906 г. – 10, 1907 г. – 21, 1908 г. – 43, 1909 г. – 23, 1910 г. – 24, 1911 г. – 23, 1912 г. – 42 члена. Помимо них было 10 пожизненных членов, сделавших единовременный взнос (50 руб.) [7, с. 6].

В-пятых, щедрость самого П.И. Макушина: при открытии Общества содействия он пожертвовал 500 руб. [7, с. 5]. Кроме того, он обязался образовать значительный капитал, проценты с которого ежегодно тратились бы на устройство сельских бесплатных библиотек [7, с. 8–9]. Свое обязательство Макушин выполнил: к моменту национализации этот капитал выражался суммой 40 тыс. руб. [6, с. 41].

Второй по масштабности можно признать благотворительную деятельность по устройству библиотек известного книгоиздателя Ф.Ф. Павленкова, завещавшего капитал на создание бесплатных библиотек для народа, и его душеприказчиков, с честью выполнивших возложенное на них поручение. Деятельность П.И. Макушина и душеприказчиков Ф.Ф. Павленкова оказалась тесно связанной, ведь по завещанию издателя устройство библиотек должно было осуществляться «вскладчину»: наполовину из завещанного капитала, наполовину – из средств земств. Поскольку в Сибири последние отсутствовали, их функции по устройству библиотек на капитал Павленкова взяло на себя Общество содействия. Результатом этого сотрудничества стало открытие к 1912 г. в Томской губ. 37 «павленковских» библиотек, книжное богатство которых оценивалось в 7867 р. 40 к., не считая стоимости пересылки и переплета книг [7, с. 10].

Заслуживает внимания и благотворительная деятельность Д.Д. Полубояринова. Из завещанного им на цели открытия бесплатных библиотек капитала, переданного в распоряжение Министерства народного просвещения, в ведение попечителя Западно-Сибирского учебного округа в 1910 г. было отпущено 3000 руб. на устройство 10 библиотек¹. На каждую библиотеку полагалось по 300 руб.: 250 руб. – на приобретение книг и 50 руб. – на первоначальное обзаведение².

¹ Государственный архив в г. Тобольске (ГАТ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

² Там же. Л. 1 об.

Десять библиотек, открытых на территории Западно-Сибирского учебного округа, включавшего в рассматриваемый период Томскую и Тобольскую губернии, Акмолинскую и Семипалатинскую области, могут показаться сравнительно малой цифрой на фоне почти 600 библиотек, устроенных Обществом содействия только в Томской губернии. Однако стоит обратить внимание на следующие факты.

Во-первых, все библиотеки Полубояринова были очень хорошо укомплектованы, их фонды были разнообразны и многочисленны: в них насчитывалось около 1000 названий книг³, в то время как в библиотеках Общества содействия примерно в 2 раза меньше.

Во-вторых, каждая новая библиотека становилась подарком для десятков и даже сотен сельских жителей, поэтому любая библиотека, ее организаторы и финансисты достойны упоминания, тщательного изучения и представления в публикациях для ознакомления широкой общественности с этими людьми и их филантропической деятельностью.

В-третьих, библиотеки открывались в Тобольской губернии, Акмолинской и Семипалатинской областях, где обществ, специализирующихся на устройстве библиотек, как в Томской губ., не существовало, потому их число было значительно меньше, и создание каждой новой библиотеки являлось более значимым событием.

Деятельность других благотворителей, чьи имена также называются в нашей статье, как правило, несопоставима с тремя вышеназванными по затраченным средствам, охваченной территории и масштабности результатов. Но устройство даже одной бесплатной библиотеки имело большое положительное значение для жителей этого населенного пункта, а порой и соседних с ним, поэтому должно стать предметом пристального внимания исследователей.

Рамки настоящей статьи не позволяют привести здесь большое число такого рода примеров, но некоторые из них представляются вниманию читателей. Так, в своей родной деревне Кулаковой Тобольской губернии Н.М. Чукмалдин, предприниматель и благотворитель, построил каменную двухэтажную школу и до конца дней своих содержал ее. При школе была создана библиотека, для которой он посылал книги из Москвы [8, с. 126]. Таким образом, он обеспечил сельской библиотеке и помещение, и книжный фонд.

Купец, долгое время занимавший в Тюмени должность городского головы, А.И. Текутьев, также известный своей щедрой благотворительной деятельностью, основал на свои средства Тюменскую Пушкинскую городскую библиотеку, ставшую центром культурной жизни города, и взял на себя расходы по ее содержанию [8, с. 135].

Для открытой Обществом попечения о начальном образовании в Томске в 1884 г. народной бесплатной библиотеки местный купец С.С. Валгусов построил каменное двухэтажное здание, в котором разместились также читальня и зал для устройства воскресных народных чтений и спектаклей [9, с. 50]. О факте строительства просторного красивого здания для библиотеки на средства почетного гражданина С.С. Валгусова упоминает в своем исследовании томского купечества В.П. Бойко, оценив это пожертвование как крупное [10, с. 251].

Ишимская общественная бесплатная библиотека, открытая в 1887 г., была устроена на капитал, образовавшийся из частных пожертвований и субсидии городской думы в 2900 руб.⁴

Городская публичная библиотека в Колывани была основана в 1887 г. благодаря инициативе городского врача Азарова и щедрым пожертвованиям И.М. Сибирякова (500 руб.), а также местных купцов Жернакова и Пастухова [11, с. 292–293]. Городская общественная библиотека в Барнауле была открыта в 1888 г. на пожертвования частных лиц – денег и книг, главным образом того же И.М. Сибирякова (1800 руб.) и В.Н. Сухова (400 руб.) [11, с. 289]. И если И.М. Сибиряков хорошо известен своей щедростью, то благотворительность других названных здесь местных купцов, своими пожертвованиями помогавших устройству библиотек, известна гораздо меньше, но также заслуживает благодарности и может служить положительным примером для современных предпринимателей.

С 1897 г. действовала бесплатная библиотека-читальня в с. Берском Барнаульского уезда Томской губернии, основанная чиновником по крестьянским делам В.А. Гороховым и поддерживаемая его наследниками [7, с. 2].

В конце 1900 г. мещанин С.Н. Быков, проживавший в пос. Новониколаевском Томской губернии, обратился с ходатайством о разрешении на открытие в названном населенном пункте общественной библиотеки и бесплатной читальни при ней⁵.

Железнодорожная библиотека для служащих на ст. Омск Западно-Сибирской железной дороги была основана на добровольные пожертвования служащих этой станции, а также лиц, пожелавших быть ее почетными членами и членами-учредителями [12, с. 162].

Частные лица внесли свой вклад в комплектование библиотеки Тобольского музея: «Лица, покидающие Тобольск, часто передают музею лишние книги. Три раза музей получил ценное приращение книгами по завещанию умерших его членов»⁶. К сожалению, фамилии конкретных жертвователей книг в этой заметке названы не были.

В 1916 г. состоялось открытие библиотеки Тобольского общества внешкольного образования. Она была устроена во многом благодаря щедрости двух человек: А.С. Суханова, вручившего свою библиотеку городу с тем, чтобы ее передали обществу внешкольного образования, и члена указанного общества Т.В. Власова, внесшего крупное пожертвование деньгами (450 руб.). Это дало возможность обществу без замедления принять библиотеку Суханова и открыть ее для публики⁷.

Устройству библиотек, как правило, помогали деньгами и книгами, реже – строительством зданий, а иногда – дарением зерна. Последнее было зафиксировано в с. Кочковском Барнаульского уезда Томской губернии, где учитель с группой учеников прошелся по дворам местных жителей и собрал 80 пуд. разного зерна. Пожертвования зерном были различными: давали от ковш до пуда. От продажи зерна

⁴ Сибирский листок. 1891. № 17. С. 2.

⁵ Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 2. Д. 4612. Л. 1.

⁶ Сибирский листок. 1907. № 85. С. 1.

⁷ Там же. 1916. № 122. С. 2.

³ ГАТ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 34. Л. 4–24 об.

выручили 60 руб. и употребили их на устройство библиотеки [13, с.161].

Таким образом, благотворительность в Западной Сибири в сфере устройства бесплатных библиотек в конце XIX – начале XX вв. получила широкое распространение. Наибольший размах она имела в Томской губернии благодаря активности Общества содействия и его председателя П.И. Макушина. Масштабной была работа душеприказчиков Ф.Ф. Павленкова, открывших в крае на его капитал почти четыре десятка библиотек. Хорошей укомплектованностью отличались библиотеки Д.Д. Полубояринова, также завещавшего свой капитал на устройство столь важного учреждения культуры. Открытием единичных или нескольких бесплатных библиотек или помощью в их комплектовании характеризовалась деятельность Н.М. Чукмалдина, А.И. Текутьева, В.А. Горохова и др. На ниве просвещения жителей Западной Сибири действовали местные и столичные издатели, книгопродавцы, просветители.

Интерес представляет профессиональный состав благотворителей, денежными средствами и книгами помогавших устройству и комплектованию библиотек: многие из них активно занимались книгоиздательской и/или книготорговой деятельностью. Среди таковых – П.И. Макушин, И.Д. Сытин, А.С. Суворин, А.Ф. Девриен и др. В качестве рабочей гипотезы в этой работе, оставив проблему для дальнейших научных изысканий, хотелось бы отметить, что путем создания и развития библиотечной сети региона и страны в целом, такие просветители, формируя у населения устойчивый интерес к книге, потребность к чтению, расширяли рынок сбыта своей продукции, увеличивая число потенциальных индивидуальных (в лице отдельных жителей края) и коллективных (библиотеки) покупателей. Но вряд ли столь эффективный синтез коммерческой и благотворительной деятельности, имевший глубокую гуманитарную направленность, можно ставить в укор этим деятелям, скорее – в признание их огромных заслуг в деле народного просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сталева Т.В.* Сибирский просветитель Петр Макушин. Томск: Кн. изд-во, 1990.
2. *Сергеева Е.Ф.* Очерки книжной культуры Кузбасса (XIX–XX вв.). Кемерово: КемГУКИ, 2008.
3. *Тимофеева Ю.В.* Библиотеки им. Д.Д. Полубояринова в Томской губернии в начале XX в. // Чукмалдинские чтения: библиофильские интересы российской провинции: тез. науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Г. Еманов. Тюмень: Мандр и К^а, 2010. С. 99–103.
4. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2000. Т. 1: Конец XVIII – середина 90-х гг. XIX в. / отв. ред. В.Н. Волкова.
5. *Артемьева Е.Б.* Эволюция библиотечной сети Сибири и Дальнего Востока в условиях культурно-исторических и социальных трансформаций (XVII–XX). Новосибирск, 2012.
6. *Макушин П.И.* Из «Автобиографии» // Сибирская старина. 2002. № 19. С. 35–41.
7. Краткий очерк возникновения и деятельности Общества [содействия устройству сельских бесплатных библиотек-читален в Томской губ.] за время его существования и отчет Совета Общества за 1910–1912 гг. Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1912.
8. *Беспалова Ю.М.* Западносибирские предприниматели второй половины XIX – начала XX в.: имена, биографии, судьбы (качественные исследования в социологии культуры). Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2002.
9. Краткие сведения по истории дирекции училищ Томской губ. Томск: Тип. Дома трудолюбия, 1913.
10. *Бойко В.П.* Томское купечество в конце XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск, 1996.
11. Алтай: историко-статистический сборник по вопросам экономического и гражданского развития Алтайского горного округа / под ред. П.А. Голубева. Томск: Типолит. Михайлова и Макушина, 1890.
12. Памятная книжка Акмолинской области на 1909 г.: адрес-календарь / под ред. Н. Домнина. Омск: Акмол. обл. стат. ком., 1909.
13. Памятная книжка Томской губернии на 1912 г. Томск: Изд. Том. губ. стат. ком., 1912.

Статья поступила
в редакцию 05.03.2014

УДК 329.14:655.4/.5:050(44)(=161.1)(091)''1919/1921''

Е.М. ЛБОВА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЭСЕРОВ В 1919–1921 гг. В ПАРИЖЕ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ «POUR LA RUSSIE»)

ГПНТБ СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: kate.lbova@gmail.com

В статье по архивным документам детально восстановлена история периодического издания «Pour la Russie», принадлежавшего социалистам-революционерам (эсерам): проанализирован редакторский и авторский состав газеты; выявлены проблемы, связанные с взаимодействием с типографией, с распространением, с ценообразованием.

«Pour la Russie», выходявшее под началом О. С. Минора, В. М. Зензинова, В. И. Лебедева и Е. А. Сталинского, было первым изданием, которое начали выпускать социалисты-революционеры в Париже после революции 1917 г. Газета создавалась для иностранного читателя и цель ее существования заключалась в пропаганде позиции партии эсеров относительно актуальных политических событий в России. Однако большим вниманием она пользовалась среди русских эмигрантов. В результате редакция приняла решение о выпуске газеты «Pour la Russie» на русском языке и одноименного информационного бюллетеня на французском. Неблагоприятные экономические условия помешали реализации замысла, русское издание в Париже так никогда и не вышло в свет, французское же с сентября 1920 г. стало информационным бюллетенем. Издание просуществовало недолго, но опыт, полученный сотрудниками «Pour la Russie», использовался в дальнейшем при редактировании и публикации эмигрантских газет «Воля России» и «Дни».

Восстановление истории печатного органа позволило выявить характерные сложности, возникавшие перед всеми русскими издателями эмигрантами во Франции после революции 1917 г. Прежде всего, это нехватка средств и постоянный рост цен на расходные материалы, а также низкий спрос среди читателей. Каждое из этих условий могло стать причиной прекращения выпуска издания или переноса его в другую европейскую страну.

Анализ данных, содержащихся в фондах редакции газеты «Pour la Russie», помогает проанализировать проблемы становления издательского дела русского зарубежья 1919–1921 гг.

Ключевые слова: эмиграция, русское зарубежье, издательская деятельность, периодика, газета, информационный бюллетень, партия социалистов-революционеров, эсеры.

В настоящее время существует множество трудов, описывающих издательскую и журналистскую деятельность партии социалистов-революционеров (эсеров) за границей до и после революции 1917 г. Среди таких работ можно упомянуть уже ставшую классической, на мой взгляд, монографию П.Н. Базанова «Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.)» [1], учебное пособие «Журналистика русского зарубежья XIX – XX вв.», вышедшее под редакцией Г.В. Жиркова в 2003 г. [2]. С 2010 г. по 2013 г. под редакцией О. Коростелева и М. Шрубы издавался сборник документов в четырех томах, посвященный деятельности редакции журнала «Современные записки» [3]. Однако, несмотря на подробное описание истории существования периодических изданий русского зарубежья, такие вопросы, как тиражи печатной продукции и условия их распространения, затрагиваются мало. Основной причиной этого является недостаток фактических сведений, вызванный непродолжительными сроками существования многих русских печатных органов за границей и отсутствием изначально у самих эмигрантов единого центра хранения документации, связанной с деятельностью культурных организаций русского зарубежья во Франции. Восстановить детальную историю существования печатных изданий можно по сохранившимся архивным и мемуарным свидетельствам, количество которых напрямую связано с активностью организации, выпускавшей издание, и с тем, насколько долго существовал тот или иной печатный орган.

История «Pour la Russie» является ярким примером того, как развивалась русская эмигрантская издательская деятельность в 1919–1921 гг. На этапе создания печатного органа редакторы и администрация сталкивались с наиболее распространенными проблемами времени: типографскими сложностями, нехваткой финансовых средств, отсутствием системы ценообразования и распространения, низким спросом среди читателей. В большинстве случаев подробности первых дней существования периодического издания не доступны, что необычайно затрудняет реконструкцию истории издательского дела в эмиграции. Материалы, хранящиеся в фонде Государственного архива Российской Федерации, помогут частично решить эту проблему. Изучение различных аспектов существования «Pour la Russie» поможет существенно дополнить историю книжного дела русского зарубежья.

Историю появления, издания и распространения «Pour la Russie» можно восстановить на примере документов фондов ГАРФ: Р-5883 (Редакция газеты «За Россию») и Р-6405 (Парижское отделение конторы газеты «Воля России»). В указанных фондах хранятся списки подписчиков; переписка редакции с различными газетами и агентствами, с типографией, с французской фирмой «Гашетт»; данные о распределении тиражей; ведомости на оплату содержания сотрудников и т. п.

Одной из самых успешных, в плане выпуска газет и журналов, являлась партия социалистов-революционеров. Еще до революции, нелегально, эсеры выпускали за границей в больших количествах печатные издания для дальнейшей их переправки в Россию. Партия располагала достаточными средствами и возможностями для того, чтобы осуществлять отправку газет и журналов. Она стремилась увеличить влияние в массах посредством пропаганды идей своего движения в печати. В отличие от других политических организаций, например, партии кадетов, эсеры практически не испытывали материальных трудностей при издании прессы. По признанию А.А. Аргунова, члена ЦК, ведавшего партийной кассой, денег было много: «Бюджета определенного не было, и давалось столько, сколько нужно» [2, с. 103]. Еще до революции 1917 г. эсеры имели огромный опыт в выпуске печатных изданий. В Париже выходили: «Революционная Россия», «Знамя труда», «За народ», «Почин» и др.

После революции издания эсеров существовали за счет финансовой помощи Чехословакии, пожертвований частных лиц и денег, вывезенных членами бывшего Временного правительства. Успех издательской деятельности эсеров выразился, прежде всего, в журнале «Современные записки». Тираж этого издания достигал 2 тыс. экз. и пользовался большим спросом наряду с «Последними новостями» П.Н. Милокова и крайне правым «Возрождением» П. Б. Струве [3, с. 52].

В составе редакций газет и журналов, принадлежавших партии социал-революционеров, числились не только любители, но и профессионалы, которые еще до 1917 г. участвовали в издании газет, были журналистами, писателями. После 1918 г. эсеры, вновь оказавшись в изгнании, захотели оправдать поражение Временного правительства и повлиять на мнение западного мира относительно событий в постреволюционной России. С этой целью в 1919 г. начинает выходить газета «Pour la Russie» на французском языке, которая

позднее, с августа 1920 г., трансформировалась в информационный бюллетень с одноименным названием.

Газета «Pour la Russie» стала первым печатным органом, который начали издавать эсеры в Париже после революции 1917 г. Многие сотрудники еженедельника позже участвовали в создании и публикации «Воли России» и «Дней». Создание «Pour la Russie» было инициировано А.Ф. Керенским. Первые редакторы, В.М. Зензинов, О.С. Минор и Е.А. Сталинский, оказались в Париже практически одновременно, в первой половине 1919 г., а с ноября того же года уже начала выходить газета. Редакция и администрация газеты располагались на улице Булар 42 (42, rue Boulard). По тому же адресу сделали небольшую библиотеку и издательство.

Документы, описывающие полный состав администрации и редакции газеты «Pour la Russie» до августа 1920 г., не сохранились. Из рекламных объявлений понятно, что редакторами этого периода были В.М. Зензинов, В.И. Лебедев, О.С. Минор, Е.А. Сталинский. Каждый из них имел опыт писательской или журналистской деятельности. Е.А. Сталинский до революции работал парижским корреспондентом журнала «Русское богатство» (Санкт-Петербург, 1876–1918), весной 1917 г. – в петроградских газетах. О.С. Минор с апреля по ноябрь 1919 г. публиковал свои воспоминания о революционной деятельности в парижской газете «Русский солдат – гражданин во Франции». В.М. Зензинов до революции издавал в Москве «Народную газету» (М., 1914), являлся автором ряда этнографических работ: «Старинные люди у холодного океана» (М., 1914), «Очерки торговли на севере Якутской области» (М., 1916) и др. Главным редактором еженедельника являлся О.С. Минор. Административную работу выполняли профессор Л.В. Россель и публицист Е.Ф. Роговский.

Коллектив авторов установить сложно. По архивным документам известно, что некоторые статьи присылала для еженедельника В.Н. Половцева, состоявшая в Объединенном комитете русских кооперативных организаций в Лондоне. Периодически поступали в «Pour la Russie» статьи члена редколлегии В.И. Лебедева¹. В фонде Р5883 не сохранилось ни одного экземпляра газеты до августа 1920 г., по которому представлялось бы возможным расширить список приведенных выше фамилий. Но скорее всего, как и в случае со многими эсеровскими изданиями начала XX в., авторами большинства статей выступал редакторский коллектив печатного органа.

В политическую программу издания входило несколько пунктов:

«1. Абсолютное отвержение соглашения с большевиками, отрицание возможности их нормальной эволюции и революционная борьба с ними.

2. Новое крестьянское землевладение должно остаться твердой исходной точкой дальнейших земельных отношений.

3. Обманутый коммунистами рабочий класс должен стать хозяином своего положения.

4. В создании новой России должны принять участие все граждане без различия пола, национальности и религии на условии всеобщего права голоса»².

¹ ГАРФ. Ф. Р-5883. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

² Там же. Д. 1. Л. 1.

Один из распространителей газеты «Pour la Russie» в Каире, А. Фишер характеризует ее как «единственный русский печатный орган, который ведет кампанию против блокады; выступает против объединенной интервенции» и «публикует все новости от наших братьев из России»³.

Вопреки сугубо иностранной ориентации газеты среди подписчиков чаще встречались русские эмигранты, чем французы. В редакцию нередко приходили письма с просьбой публиковать статьи на русском языке.

Первые несколько месяцев в Германии и Швейцарии издание быстро расходилось. Наметился даже круг постоянных читателей. Представление об интересе к газете дает письмо В.И. Лебедева в редакцию от 6 января 1920 г.⁴, из которого становится ясно, что первые номера газеты неплохо продавались в книжном магазине Менкиса, в Женеве, появились даже постоянные читатели: «клиентель на газету установилась, вполне определенная, берут те же самые лица, ждут газету, словом – поклонники»⁵. Однако дальнейшему успешному распространению издания мог помешать один существенный фактор: «...главное несчастье газеты – ее поздний приход. Бурцевская приходит раньше»⁶. Проблема крылась не только в сроках пересылки, но и в различных технических сложностях и ситуаций, постоянно возникающих в типографии Рираховского, в которой печаталась газета.

Сотрудничество с типографией Рираховского, на улице Гобелен, установилось еще в момент основания «Pour la Russie» в октябре 1919 г. и завершилось до августа 1920 г. Коллектив газеты постоянно оставался недоволен работой Рираховского. Частые поломки оборудования приводили к задержке выхода номеров и тем самым делали газету менее конкурентоспособной⁷.

Получая сообщение об очередной технической неисправности, редакция тут же пыталась заключить контракт с другой типографией. Так, вслед за сообщением Рираховского от 15 января 1920 г. о невозможности публиковать четыре статьи из-за «несчастливого случая, произошедшего с машиной», администрация направила запросы во французскую фирму «Imprimerie de Fontenay-aux-Roses»⁸. Однако, несмотря на такое решительное желание сменить типографию, этого сделано не было.

Кроме того, услуги типографии становились все дороже. Так, в письме Рираховского от 12 февраля 1920 г. говорится, что с «этой недели, ввиду повышения цен на материалы тираж вашей газеты будет стоить дороже на 30 фр. за тысячу» и «поскольку повышение продолжается, то мы рискуем не только платить больше за бумагу, но и испытывать ее недостаток. Поэтому необходимо запастись бумагой и как можно больше на 15 или даже 20 номеров»⁹.

Окончательное решение о разрыве отношений с типографией Рираховского находим в ответном письме редакции. Очередное повышение тарифов было уже немыслимым для «Pour la Russie», и 7 июня 1920 г., согласившись на послед-

³ Там же. Д. 4. Л. 23.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 51.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 51.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Д. 7. Л. 8.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 22.

ние условия типографии, редакция прямо обозначила, что желает сотрудничать с другой фирмой, что и произошло в дальнейшем¹⁰.

В переписке с типографиями содержится информация о тиражах издания. В среднем тираж одного номера составлял 4 тыс. экз., в некоторых случаях он мог превышать 5 или даже 6 тыс. экз. В «Гашетт» для дальнейшего распространения по киоскам Парижа направлялось 2200 экз., оставшаяся часть тиража поступала в редакцию, несколько экземпляров оставляли для архива¹¹.

В августе 1920 г. изменился формат издания «Pour la Russie» — газета преобразуется в информационный бюллетень, выходящий два раза в неделю (в среду и субботу) на французском языке. Перемена формата была связана с намерениями редакции создать газету на русском языке. Первоначально планировалось издавать и русскую, и французскую газеты в Париже, но по экономическим соображениям русское издание решили печатать в Праге. Так появилась знаменитая пражская газета русской эмиграции «Воля России». Об этом свидетельствует письмо, составленное редакцией для своего варшавского агента г-на Тенебаума от 10 августа 1920 г., в котором содержалась просьба «приступить к немедленной ликвидации наших счетов по продаже газеты (“Pour la Russie”)», поскольку «в ближайшем будущем в Париже начнет выходить информационный бюллетень «Pour la Russie» на французском языке, а в Праге — ежедневная русская газета под названием «Воля России»¹².

Большая часть редакции перешла в новое издание (В.М. Зензинов, В.И. Лебедев, О.С. Минор). В Париже при этом было решено продолжать выпуск «Pour la Russie», но уже в другом формате.

В информационном бюллетене состав редакции был другим. Судя по «Ведомостям на оплату содержания сотрудников газеты», с 15 августа 1920 г. редактором становится член Земгора Я.Л. Рубинштейн, а чуть позже, с 25 августа 1920 г., в этой же должности значится Е.А. Сталинский. Последний был также соредактором пражской «Воли России». Также в бюллетене сотрудничали французский корреспондент Гийом (в штате с 1 сентября 1920 г.), сотрудник по экономическому отделу С.О. Загорский, счетовод, посыльный. С таким штатом «Pour la Russie» продолжал работу вплоть до февраля 1921 г.

О содержании «Pour la Russie» можно судить по единственному доступному в ГАРФе номеру информационного бюллетеня от 11 сентября 1920 г.¹³. Под названием, в левом углу указана цена за подписку: во Франции 1 месяц — 3 фр. Есть постоянные рубрики: «Советская Россия», «В Крыму», «Экономическое обозрение». На первой странице статьи: «Поражение Врангеля»; «Патриоты короля» (диалог А. Герцена с французским роялистом М. Кинсона); «Союзники и Рига» (о попытке советского правительства и поляков договориться о сотрудничестве с Ригой). На второй странице материал, осуждавший большевиков за попытку списать все неудачи на Гражданскую войну, — «Большевики и Граждан-

ская война», а также статья — «Злоупотребление доверием» — о том, как вводили в заблуждение французских делегатов и Москве. Можно сказать, что материалы подбирались согласно политической программе издания и носили в основном антибольшевистский характер.

Наименее изученным вопросом при рассмотрении истории книжного дела, как правило, является распределение тиражей изданий и их количество. Распространением как газеты «Pour la Russie», так и информационного бюллетеня во Франции занималась фирма «Hachette» (в документах фигурирует как «Гашетт»¹⁴). В фонде Р-6405 сохранилась справка по делу Гашетт¹⁴, позволяющая судить не только об обязательствах французской фирмы по распространению «Pour la Russie», а также о динамике изменения цены и читательского спроса. Переписка с французским агентом началась еще в октябре 1919 г. Первоначально фирма «Гашетт» брала на себя обязательства по распространению получаемых номеров, в Париже, в провинции и за границей (Бельгия, Швейцария). Спустя год, с 15 октября 1920 г. «из сферы влияния “Гашетт” изъеются киоски Парижа»¹⁵. В мае 1920 г. расходы по распределению и рассылке газет были следующими: 1 фр. 50 сант. на кг (1 кг — примерно 59 номеров). В «Гашетт» ежемесячно доставляли в среднем 4400 экз., следовательно, расходы по рассылке отнимали каждый месяц по 80 фр. Затраты по возвращению непроданных экземпляров составляли 30 сант. за 1 кг. В случае продажи французское агентство удерживало 30 % с проданного номера. Всего передали фирме «Гашетт», начиная с 30 октября 1919 г. по 1 февраля 1921 г., — 158 270 номеров. Возвратилось обратно за тот же период около 137 тыс. номеров.

В архивном деле хранятся и более подробные справочные сведения о распространении периодического издания «Pour la Russie». В таблице административного отчета четко прописано, сколько и по какой цене было сдано и возвращено номеров в 1920 г.¹⁶ Прежде всего, отражен рост цен на издание. С апреля 1920 г. цена одного номера составляла 30 сант., а не 20 сант., как было до этого, что неизбежно привело к падению спроса. Так, с января по декабрь распространение сократилось втрое, 93 % тиража стоимостью 30 сант. за номер вернулось в издательство.

Из переписки с Тенебаумом узнаем, что агенты брали 33 % в свою пользу¹⁷. В письме редакции от 4 февраля 1920 г. расписано подробное распределение суммы. Если номер стоил, например, 20 сант., то из этой цены 8,5 сант. уходило продавцу и 11, 5 сант. поступало в редакцию. Пересылка зачастую осуществлялась за счет агента¹⁸.

Помимо «Гашетт» посредниками в распространении «Pour la Russie» выступали французские и заграничные книжные магазины, частные лица. С января по август 1920 г. агентом «Pour la Russie» в Ницце был книжный магазин «Librairie Rosanoff (I Wilkomirsky, Succ)». Переписка с представителем книжного магазина показывает наличие спроса

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-5883. Оп. 1. Д. 7. Л. 52.

¹¹ Там же. Л. 54.

¹² Там же. Д. 4. Л. 1.

¹³ Там же. Д. 17. Л. 3–4.

¹⁴ Там же. Р-6405. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 10б.

¹⁷ Там же. Д. 4. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 5.

на газету в феврале 1920 г.¹⁹. В последних числах февраля агентом в редакцию было направлено сообщение с просьбой «высылать больше номеров из-за увеличения спроса среди читателей». Однако уже в апреле интерес к изданию существенно снизился. Из письма редакции в «Librairie Rosanoff» становится известным, что в из 130 высланных апрельских экземпляров было продано всего 24²⁰.

Своего агента газета имела и в Каире. Письмо от «Librairie d'art» из Каира от 8 мая 1920 г. также свидетельствует о снижении спроса. Из 65 номеров удалось продать лишь 10. В связи с этим представитель «Librairie d'art» попросил прекратить высылку газеты²¹.

Как видно из приведенных свидетельств, внимание к газете в первой половине 1920 г. постепенно снижалось, а к середине лета издание потеряло многих своих подписчиков. Нарастающее падение спроса, а также финансовые трудности стали причиной закрытия «Pour la Russie» в дальнейшем.

Таким образом, краткая история печатного органа «Pour la Russie» дает нам более полное представление о деятельности редакций и издательств русского зарубежья, а также о трудностях, с которыми они сталкивались в первые годы послереволюционной эмиграции. Основные проблемы заключались в нехватке денежных средств и источников информации. Кроме того, добавлялись сложности с типографией. В силу указанных причин спрос на газету «Pour la Russie» довольно быстро упал. Кризис издательского дела, вызван-

ный удорожанием материалов и работы, привел к тому, что в Париже эмигрантские издания прекращали свое существование или переносились в другие столицы Европы.

Пример «Pour la Russie» показал, что эмигрантским печатным издателям не следовало ориентироваться на иностранцев. Даже при публикации новостей на французском языке, большую часть читательской аудитории составляли русские эмигранты, которые выражали желание увидеть новости на родном языке; однако этого не происходило, и постепенно интерес к изданию угасал. Отметим, что в дальнейшем ни эсеры, ни другие политические партии не издавали газет и журналов на иностранном языке. Опыт, полученный в процессе издания и распространения «Pour la Russie», был использован эсерами в пражской «Воле России», выходившей в течение нескольких лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917–1988 гг.) / науч. ред. И.А. Шомракова. СПб., 2004. 431 с.
2. Журналистика русского зарубежья XIX–XX веков: учеб. пособие / А.Ф. Бережной, Н.Л. Волковский, Л.П. Громова и др.; под ред. Г.В. Жиркова. СПб., 2003. 320 с.
3. «Современные записки» (Париж, 1920–1940): из архива редакции. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2011. Т. 1. 952 с.

Статья поступила
в редакцию 01.08. 2014

GEDENKBUCH: Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой. 1942–1946 / В.М. Кириллов, С.Л. Разинков, Л.И. Бородин, Г.А. Гончаров, М.В. Гонцова, В. Кригер, А.Я. Нахтигаль, Н.П. Палецких, А.А. Цепкалова, Б.Д. Шмыров, С.В. Аминова. М.: МСНК; Нижний Тагил: НТГСПА, 2014. Т. 4. 1030 с.

Проблема изучения истории политических репрессий в СССР настолько велика, что ни одно из бывших государств СССР самостоятельно, без объединения их информационных и интеллектуальных ресурсов решить ее не сможет. Такая задача была поставлена на международной научно-практической конференции

по проблемам создания Единого электронного банка данных о репрессированных в СССР, проведенной в мае 2000 г. лабораторией «Исторической информатики» Нижне-Тагильского государственного педагогического института. Участники конференции инициировали международный проект по созданию Единого банка данных «Возвращенные

имена»¹. В том же году Общественной академией наук российских немцев был утвержден проект «Gedenkbuch». Однако по сию пору такие проекты остаются общественными.

Деятельность по изданию Книг памяти, посвященных российским немцам, является частью общей работы по увековечению памяти жертв политических репрессий. Российские немцы – этнос, который подвергся тотальным репрессиям. Как известно, в 1939 г. в СССР проживало 1,427 млн этнических немцев, из них к 2003 г. реабилитировано около 1,3 млн чел. К концу 2012 г. в серии Книг памяти проекта «Gedenkbuch» обнародованы имена более 68 500 чел. (21,6 %) из 316 000 находившихся в трудармии и учтенных в картотеках с названием «трудмобилизованные немцы».

Рецензируемое издание завершает многотомную публикацию по крупнейшему лагерю принудительного труда на Урале, через который прошло более 37 тыс. трудмобилизованных советских немцев. Научно-публицистическое четырехтомное издание основано на материалах архива ИТЛ Бакалстроя (Бакалметаллургстроя)-Челябметаллургстроя

¹⁹ Там же. Л. 37а.

²⁰ Там же. Л. 38.

²¹ Там же. Л. 41.

¹ Бабий А.А., Кириллов В.М., Кузовкин Г.В., Хвостенко В.И. «Возвращенные имена». Программа и проблемы ее реализации // Вопросы истории. 2005. № 1. С.24–40.

(БМК-ЧМС), Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного архива Российской Федерации (фонды ГУЛАГа) и воспоминаниях немцев-трудармейцев. В трех первых томах содержатся списки репрессированных. В четвертом томе помещены аналитические статьи ученых, касающиеся различных аспектов использования принудительного труда трудмобилизованных российских немцев, историографии и источниковедения репрессивной политики, проблем реабилитации и увековечения памяти жертв политических репрессий. В книге представлен обширный комплекс документов фонда ИТЛ, воспоминания и биографии трудармейцев. В приложении помещены: фотографии к 767 персоналиям трудармейцев, а также фотографии по строительству и функционированию лагеря, карты ИТЛ БМК-ЧМС и спецпоселений, сведения об авторском коллективе, даны именной и предметный указатели, список сокращений.

Новизна предпринятого исследования заключается в научном анализе документов богатейшего архива ИТЛ и десятков воспоминаний трудармейцев. Частично эта тема была затронута в работах Г.Я.Маламуда, Г.А.Гончарова, Б.Д.Шмырова, Е.П.Туровой и публициста Г.Вольтера². Однако подобное комплексное исследование ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой выполнено впервые. Издание является результатом многолетней работы сотрудников проблемной лаборатории «Историческая информатика» НТГСПА во главе с д-ром ист. наук, профессором В.М.Кирилловым. Им же принадлежит авторство такого рода изданий по Тагиллагу и Богословлагу³. В подготовке рецензируемой книги участвовал представительный коллектив историков-профессионалов: д-р ист. наук Л.И. Бородин, д-р ист. наук Г.А. Гончаров, канд. ист. наук М.В. Гонцова, д-р ист. наук В.М. Кириллов, доктор философии В. Кригер (ФРГ), журналист А.Я. Нахтигаль, д-р ист. наук Н.П. Палецких, канд. ист. наук С.Л. Разинков, канд. ист. наук А.А. Цепкалова, аспирант Б. Д. Шмыров.

Полнота и достоверность приводимых в монографии исторических фактов не вызывают сомнений. Исследователи строго придерживались принципов объективности и историзма в анализе непростого и политически острого материала.

² См.: Маламуд Г.Я. Заключенные, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 50-х гг.: дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. 201с.; Гончаров Г.А. Трудовая армия на Урале в годы Великой Отечественной войны: дис... д-ра ист. наук. Челябинск, 2006. 483с.; Вольтер Г. В зоне полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее. Свидетельства очевидцев. Изд. 2-е, доп. и испр. / под ред. В.Ф.Дизендорфа. М., 1989. 416 с.; и др.

³ Gedenkbuch: «Гордое терпенье». Книга памяти советских немцев – узников Тагиллага / Авторы-составители: В.М. Кириллов, П.М. Кузьмина, А.Я. Цейзер, С.Л. Разинков. Екатеринбург, 2004. 716 с.; «Gedenkbuch: Книга памяти немцев-трудармейцев Богословлага. 1941–1946 гг.» / Авторы-составители: В.М. Кириллов, П. М. Кузьмина, Н. М. Паэгле и др. М., 2008. Т. 1. 520 с.; Т. 2. 920 с.; Gedenkbuch: Stolze geduld. Zum Gedenken der Deutschen der Sowjetunion den Gefangenen des Tagillag.: W.M. Kirillov, P.M. Kusmina, A.J. Zeiser, S.L. Razinkov. Übersetzung aus Russischen von Sophie Wagner. Übersetzung der Gedichte von Lilia Miller. Hamburg, 2010.

Глубина постановки и решения заявленной авторами цели исследования объясняется комплексом сложнейших задач: реконструкции истории создания лагеря принудительного труда; формирования его контингента; анализа форм сопротивления спецконтингента и его взаимоотношений с лагерной администрацией и вольнонаемными; условий жизни и труда (в сравнении с вольным городским населением); физического состояния, динамики смертности и производительности труда; реконструкции социального портрета трудмобилизованных; анализа историографии репрессивной политики, реабилитации и увековечения памяти о российских немцах; анализа источниковой базы; сбора и анализа источников личного происхождения; создания фотогалереи трудмобилизованных и их труда на строительстве металлургического комбината; реконструкции карты ИТЛ, лагерей и спецпоселений Челябинской области.

Авторы коллективной монографии успешно решили поставленные задачи: проанализирована проблема организации и использования принудительного труда в рамках военно-мобилизационной модели экономики при строительстве крупнейшего металлургического предприятия страны; убедительно доказано, что трудармейцы были той рабочей силой, которая составила основную часть контингента ИТЛ «Челябметаллургстрой» и выполнила большую часть работы на строительстве металлургического завода и его социальных объектов; глубоко исследованы формы сопротивления и протеста в ИТЛ, особенности репрессивной политики в лагерной зоне, взаимоотношения администрации лагеря и вольнонаемных с трудармейцами; обоснован вывод о непропорционально высокой доле ИТЛ БМК-ЧМС в уголовно-судебной статистике ГУЛАГа; всесторонне описаны и проанализированы условия жизни и труда различных категорий спецконтингента, его физическое состояние и производительность труда, показатели смертности, представлен социальный портрет трудмобилизованных, проведено сравнение с повседневной жизнью вольного населения Челябинска; глубоко проанализирована отечественная историография репрессивной политики против российских немцев и источниковедческая основа исследований по проблеме; реконструированы уникальные карты ИТЛ и спецпоселений Челябинской области. Данный труд является ценным вкладом в отечественную историографию исследования тоталитарного советского режима 1940-х гг., а также механизма функционирования военно-мобилизационной модели экономики в целом.

Практическая значимость проделанной работы заключается в значительном продвижении по пути решения проблемы создания объединенного банка данных жертв политических репрессий. Кроме того, рецензируемое издание имеет большую ценность для просветительской и учебной деятельности.

Монография снабжена тщательно подготовленным научно-справочным аппаратом, документальное приложение оформлено по стандартам, принятым для публикации исторических источников.

д-р ист. наук Г.Е. Корнилов,
Институт истории и археологии УрО РАН
(г. Екатеринбург)

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТНАЯ ШКОЛА – НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В ОБЛАСТИ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

С 1 по 7 августа 2014 г. в кемпинге в д. Ерестная Ордынского района Новосибирской области состоялась III Караканская экспертная школа. Эта очередная летняя сессия проведена в рамках научно-образовательной инициативы «Гуманитарная экспертная школа», которая реализуется при поддержке Научно-образовательного центра «Историческое сибиреведение», созданного Новосибирским государственным университетом, Институтом истории СО РАН и Институтом археологии и этнографии СО РАН.

Данный инициативный проект берет свое начало в 2011 г. У его истоков стояли преподаватели и студенты гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета, сотрудники Института истории СО РАН и Информационно-методического центра Новосибирского района Новосибирской области, такие как доцент В.В. Журавлев, методолог-методист Б.Ф. Бидюков, методист Н.А. Приходько, студенты, аспиранты и молодые научные сотрудники А.Б. Аникина, В.А. Слугина, И.Н. Никаноров, Д.Л. Шереметев, В.В. Введенский, А.С. Попов и др.

В ходе реализации проект опирался на поддержку НОЦ «Историческое сибиреведение», Управления молодежной политики Министерства региональной политики Новосибирской области, фондов «Эндаумент НГУ» и «Технопарк Академгородка», его участники вступили в кооперативное взаимодействие с ИМЦ Новосибирского района, Новосибирским областным центром информационных технологий, факультетом журналистики НГУ и другими структурами. За прошедшие годы в работах и мероприятиях Гуманитарной экспертной школы приняли участие более 90 студентов и магистрантов различных факультетов НГУ и других вузов Новосибирска, аспирантов и молодых научных сотрудников институтов СО РАН.

Инициаторы, организаторы и участники проекта уверены, что происходящие трансформации мирового гуманитарного знания, все еще не преодоленный методологический кризис отечественной исторической науки, а также противоречивые процессы в реформировании образовательной и научной систем Российской Федерации являются принципиальным вызовом сообществу профессионалов, несущих ответственность за состояние общеинтеллектуальных, исследовательских, педагогических и научно-прикладных практик в России. Новосибирск, в силу его культурного потенциала, уникальных традиций реализации масштабных технологических, научных и социальных экспериментов, геополитического значения, выступает в качестве оптимального пространства в поисках прорывного, авангардного ответа на данный вызов.

Поставив перед собой задачу – способствовать существенно обновлению теоретических и инструментальных основ исторического знания, инициаторы и участники проекта

уверены, что для российской науки достичь этого возможно не столько на путях популярной сегодня формальной «локализации» мирового опыта, сколько с опорой на критический, кропотливый и творческий анализ отечественной интеллектуальной традиции. При этом особое внимание уделяется синтезу потенциала исторического мышления с интеллектуальными средствами СМД-методологии.

Инновации, столь востребованные российским обществом, могут быть обеспечены только особым типом специалистов. Цель Гуманитарной экспертной школы – подготовка профессионалов, готовых успешно действовать в турбулентной, проблемной современной ситуации и в равной степени способных к стратегическому, исторически фундированному мышлению и активной инновационной практической деятельности.

Гуманитарной экспертной школой проведено три «летних» (сентябрь 2012 г., август 2013, август 2014 гг.) и одна «зимняя» (январь 2013 г.) сессии с полным погружением. Их участники интенсивно осваивали методологический инструментарий, приобретали навыки коллективной интеллектуальной работы, решали исследовательские и методологические задачи. Непрерывность в деятельности Гуманитарной экспертной школы обеспечивается семестровой работой в форме проводимых дважды в неделю образовательных и исследовательских семинаров в Институте истории СО РАН.

Все более тесным становится взаимодействие с Советом молодых ученых Института истории СО РАН. При участии Гуманитарной экспертной школы проведены два круглых стола по темам «Идеологическое в исторической науке: проблема и преодоление» (в рамках III Всероссийской молодежной научной конференции, август 2013 г.), и «Традиции и новации в исторической науке, “старая” и “новая” история: состояние проблемы сегодня» (в рамках I Международной молодежной научной конференции, август 2014 г.). Оба мероприятия вызвали большой интерес у участников, оценивших их как полезные по содержанию и инновационные по форме.

Расширяя сферы применения своего инструментария, Гуманитарная экспертная школа стремится к дальнейшей интеграции исторической науки и образования в рамках единого научно-образовательного пространства.

В.В. Журавлев, канд. ист. наук

В.В. Введенский,

Институт истории СО РАН

г. Новосибирск

Д.В. Ильина,

В.А. Слугина,

Новосибирский государственный университет

г. Новосибирск

SUMMARY

Ananyev D.A. Problems of History of the Russian Arctic Development in the XIX – Early XX Centuries as Depicted by the English – and German – Language Authors

At the turn of the XIX – XX centuries the foreign authors paid increasingly greater attention to Russia's successes in the Arctic territories development. This topic was covered mostly by periodicals published in the United States, Great Britain and Germany – the leading naval powers of the time. The present article attempts at reviewing major works published by the English- and German-language researchers in order to reveal main trends in studying the history of the Russian Arctic development in the XIX – early XX centuries. Describing Russia's activities in the Arctic (F.Schwatka, G.Melville, A. Hrdlicka) Western authors contributed to the overall picture of the imperial expansion and power of Russia. The first decades of the XX century were marked by the growing activities of European countries in the Arctic region raising a topical question of these territories' legal status. One of the ways to claim the rights to these areas was to organize expeditions (described in the works by R. Bartlett, V. Stefansson, N.A. Transehe, H.Abel, W. Barr). The history of the Northern Sea Route exploration and development was studied by C. Crypton, T.Armstrong, W.E. Butler. In the 1990s – early 2000s the Arctic policy of the Russian empire in the pre-revolutionary period was analyzed by P. Horensma, J. McCannon, D. Dahlmann. Problems of relationships between the Russian population and aboriginal peoples of the Far North were discussed by A.Kappeler, Yu.Slezkine, D.Anderson. The contemporary research is focused on the negative aspects of the Russian "paternalist" policy and tends to reject the "russocentric" approach and to describe the history of indigenous small-numbered peoples of the North from their point of view.

Key words: Arctic, Russian empire, indigenous peoples of the Far North, Western historiography.

Lamin V.A., Kuznetsova Ya.A. Roads of Life in the Jaws of Cold

The paper presents two opposing views on evaluation of economic potential of the North and prospects of its development shared by representatives of political elite, metropolitan and Siberian business communities in the late XIX - early XX centuries. This period of history was marked not only by fundamental internal transformations in the country, destruction of the Russian empire's foundations and establishment of Soviet power, but also by a difficult foreign policy situation caused by the Russo-Japanese War and World War I.

Having analysed various ideas, initiatives, plans and undertakings in regard to the Russian Arctic development the authors showed that the government remained passive and estranged itself from the problems of Northern territories

that could be explained not only by the lack of funds and resources along with harsh climatic conditions, but also by the short-sightedness of administrators and policy makers. Throughout most of the XIX century the Russian North remained economically neglected. Mechanisms preventing its economic development acted throughout the entire territory of the country. Local administration being in the custody of the central government supported its policy and in every possible way interfered with the attempts and initiatives of the Siberian entrepreneurs and public figures who were ready to invest millions of roubles in the projects of transportation and economic development of the North. Great importance in these projects was given to developing the network of railway communications. Its lines were to be built to the Murmansk Coast - the future ocean port opening to Russia a gate to the transoceanic trade links. However, private funds were insufficient for the large-scale development of the Northern territories.

In the 1920s the establishment of Soviet power and concentration of all financial resources of the country gave a real chance for implementation of projects of railroads and sea ports construction not only along the Murmansk Coast but in the Far East as well.

Key words: projects, development of the North, Russia, railway construction, concession policy.

Elert A.Kh. On the History of Studying the Samoyedic Peoples of the North-Western Siberia in the XVIII Century

The paper analyzes expeditionary materials of a member of the Second Kamchatka expedition (1733-1743) G.F. Müller characterizing the ethnic structure of the Samoyedic peoples of the North-Western Siberia as well as some specific features of their material and spiritual culture. For the first time in historiography the author introduces into scientific use facts from the previously unstudied G.F. Müller's manuscripts written in German language and comprised of the scholar's field book, draft materials and rough copies later used in his "Description of the Siberian peoples". It is shown that these sources significantly contribute to the dictionaries compiled by G.F.Müller, especially in terms of ethnonymics of the Samoyedic peoples and their dialect clusters. It is proved that G.F.Müller (a century before M.A.Castren) was the first to determine that the Selkup language ("Ostyaks of Narym language") belongs to the Samoyedic languages and not to the Finno-Ugric group. The author gives some unique data on ethnonymics of the peoples of Mangazeya uyezd revisiting the problem of autoethnonim of "tavgi" (Nganasans) and putting a question whether Yurak Samoyeds were a separate ethnos or just a dialect group of the Nenets. Wide array of data collected directly from the indigenous population of Mangazeya uyezd allowed the scientists to define the Yuraks as a separate ethnos speaking its own language. The paper considers G.F. Müller's

materials on the ethnography of Samoyedic peoples that are of great importance for researchers. Unlike many previous authors who had compared Samoyeds and Finno-Ugric peoples with wild animals G.F. Müller argued that their anthropological parameters were very close to those of Europeans, that they were notable for kindness of heart, inability to hurt someone deliberately, mercifulness and sentimentality. These and other arguments of G.F. Müller demonstrate that he not merely stood at the origins of ethnographic studies on Samoyedic and Finno-Ugric peoples of the North, but also showed goodwill, impartiality and eagerness to see the best human qualities in the nomads of the tundra.

Key words: the Second Kamchatka expedition, G.F. Müller, the Samoyedic Peoples of the North-Western Siberia, ethnography, linguistics.

Shilovskiy M.V. Administrative-Territorial Units and Administrative Staff of the Northern Areas of Asiatic Russia in the Second Half of the XIX - Early XX Centuries

The paper analyzes the ultimate administrative-territorial division of the Arctic territories in the Northeastern part of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century, that resulted in creation of the Kamchatka Oblast in 1909. The situation on the Chukotka peninsula is considered in terms of integration of the Chukchi population under the Russian patriality by establishment of Anadyr District in 1888 and Chukotsky District in 1909. The author also studies projects of administrative reorganization of Northern territories, in particular, by means of uniting the Kamchatka and Yakutsk Oblasts into a new general-governorship centered in Yakutsk. Another issue under consideration is the administrative system in the territorial units of the Arctic Zone of Asiatic Russia, first of all in the Yakutsk Oblast. The author pays attention to the administrative staff (Yakutsk governors, district and uyezd police officers - "ispravniks"); states that the key position of the Yakutsk civil governor was held by the officials who had previously served in Siberia for a long time, demonstrating initiative and ability to make their own decisions. Among such governors one should mention Yu.I. Stubendorf, V.N. Skripitsin, I.I. Kraft. The policy of "indigenization" of the administrative staff (aimed at engagement of the native-born Siberians) had some positive effects. Northern territories were always under control of the West-Siberian (before 1882) and East-Siberian (Irkutsk) governors-generals who regularly made inspection visits.

Key words: Arctic, Yakut oblast, governor, ispravnik, district, uyezd.

Dameshek L.M., Kushnareva M.D. The Role of Representatives of the Firm «Kokovin and Basov» in the Development of the North-East of Siberia in the Early XX Century

Based on the previously unstudied sources the article attempts to identify specifics of development of remote areas in the north-eastern Siberia by representatives of large firms. The authors analyze the merchant correspondence of V. I. Fefelov, the authorized representative of the trading house «Kokovin and Basov», coming to conclusion that in the harsh conditions of the North the clerk managed to organize, in a very short period of time, an uninterrupted supply of tea and other goods from the ports of the Sea of Okhotsk to the central regions of the Yakutsk

region, Chukotka and Kamchatka. Fefelov organized overland transportation through its own transport company. Appointing such an experienced salesman as V.I. Fefelov to serve in the Department of Ayan provided the firm «Kokovin and Basov» an opportunity to develop in a very short time gold deposits, as well as to acquire new resources for timber trade. V.I. Fefelov played a considerable role in arranging the trading business. Besides that, at the beginning of the XX century, he created a detailed map of Aldoma and the territory adjacent to the Bay of Ayan.

The authors show the dynamics of development of commercial affairs conducted by the Ayan department of the firm «Kokovin and Basov». It is noted that within the period of 1908-1910, the turnover of trading business at Ayan department grew, both in tea trade and in furs. Moreover, in order to attract fishermen, V. I. Fefelov introduced a system of credit for cash instead of barter.

The authors concluded that the development of commodity-money relations in the North-Eastern Siberia resulted not only in the expansion of areas of large firms' trade operations, but also in the strengthening of their economic positions at strategic locations on the coast of the Sea of Okhotsk. Agent activities of trustees of large firms included trading in goods, developing the northern territories, and gold and timber resources. At the same time, trading business infrastructure was formed and new means of communication were developed.

Key words: north-eastern Siberia, large firms, Ayan department, the fur trade, the tea trade, the counterman, trading business, land development, trucking industry, development of gold.

Matkhanova N.P. Participation of West-Siberian Administrators in the Development of Northern Territories in the XIX Century

The article considers the role played by certain West-Siberian administrators in the XIX century, both military and civilian, in implementation of the policy aimed at development of the Northern territories under their jurisdiction. It is noted that they demonstrated mostly passive or indifferent attitudes towards the North, greed for gain, toadied to their bosses for promotion. However some of these administrators adhered to the ideas of paternalism and modernization. The author addresses concerns brought up by the governors and governors-general of Western Siberia: low level of economic development, sparsity, poverty, ignorance and diseases of population, difficulties in collecting the yasak (fur tribute). They proposed their own solutions foreseeing the improvement of means of communication, Christianization and enlightenment, development of fishing industry, regulation of the relationships between the indigenous population ("inorodtsy") and the Russian fishery managers, revision of personnel policy and improvement of the system of administration. The author deals with several specific proposals: participation of V.A. Artsimovich in the attempt to implement the project of V.N. Latkin and M.K. Sidorkin on the construction of the Ob-Pechora Canal and participation of N.G. Kaznakov in investigating the possibility of a sea route to Siberia; D.N. Bantysh-Kamenskiy's decision to send doctors to the Northern territories; G.Kh. Gasford's quest for a compromise in the controversies between the Russians and the natives. Special attention is paid to the appointment of G.A. Kolpakovskiy, head of

the military district, to the Beryozovskiy district and his activity. The author notes the significance of geopolitical situation and the government's choice between the policy of preserving the special system of "inorodtsy" administration or its unification with the general imperial administration. It is emphasized that personal qualities of administrators affected the intensity and range of their participation in the Northern territories development.

Key words: Northern areas of West Siberia, Arctic, XIX century, Beryozovskiy district, indigenous population, administration, officials, G.Kh.Gasford, V.A.Artsimovich, G.A.Kolpakovskiy.

Komleva E.V. State Policy and Private Initiative in Colonization of the North-East of Russia in the Late XVIII – First Half of the XIX Century

The article considers main directions of governmental policy aimed at the development of the North-Eastern territories of Russia and their incorporation into the economic and social life of the state in the late XVIII – first half of the XIX century. The author studies cooperation between the government and private individuals in this sphere; analyzes solutions for such problems as settlement of the North-East regions, construction of transport networks, providing food for population, policy towards the indigenous peoples. It is concluded that during the period under investigation there was no long-term state strategy for the development of North-East areas of the Empire; any measures taken by the government were implemented within the plans of general development of Siberia. The paper focuses on colonization of key strategic regions in the North – Kamchatka and Okhotsk coast. Projects on colonization of the remote Northern territories proposed by the officials or merchants proved that both civil servants and private entrepreneurs clearly realized that the majority of problems connected with colonization of Northern territories could not be solved without the state's active participation. Special attention is paid to the largest project implemented during this period of history – the Russian-American company's activities. However there had been no considerable accomplishments by the middle of the XIX century – largely due to the lack of systematic efforts aimed at colonization of North-Eastern areas.

Key words: the North-East of Russia, economic and socio-cultural development, government policy, private capital.

Nikolaev A.A. Consumers Society of the Village of Khe in the Northern Ob Region: Membership and Organization of Trade in the Early 1920s

The paper analyzes historical experience of consumers cooperatives in the sphere of organization of trade and provision of food and manufactured goods to the population of the North. The author draws attention to one of the most important prerequisites for cooperative societies' formation in hard to reach regions – and namely, activities of cooperative unions located in the southern agricultural areas of Siberia where they created their own networks and used the river and sea transportation routes. In August-September, 1919 a large union of consumer co-operative societies (Zakupsbyt) organized exchange of commodities between Siberia and Western Europe via the Ob river and the Northern Sea Route.

The consumers society of the village of Khe was formed in the Obdorskiy district of the Tobolsk Okrug of the Ural Oblast in

February 1920, on the initiative of the local population leading a settled or nomadic life in the basin of the Gulf of Ob. Specifics of commercial and economic activities of the society was determined by the natural and geographical factors and national composition of population, its lifestyle and needs. The area of its operations covered the villages within the jurisdiction of Soviets of the Khe and Taz settlements and the nomadic population in the tundra of Yamal and Lower Ob regions. This area included 20 rich fisheries while the tundra abounded in fur-bearing animals.

Consumer cooperative reached out to a significant share of adult population. By July 1st, 1925 it had 257 members-shareholders, most of them belonged to the small numbered peoples of the North – the Samoyeds and Zyryans (222 people or 86.4%) who practiced reindeer herding, trapping and fishing and led a nomadic life in tundra. In the consumer cooperative all managerial functions were performed by representatives (15 out of 33 people) of the Russian settled population. The society spent considerable sums on cultural work among the masses that was a reliable indicator of successful economic activities. Despite the difficult economic situation during the first years of NEP and the district's geographic remoteness the society proved to be quite viable and complied with principles of cooperative organization.

Key words: consumer society of the village of Khe, consumers' co-operation, cooperative unions of Siberia, trade, Northern Sea route.

Timoshenko A.I. Specific Features of Public Administration in the Arctic in the 1920s-1980s

The article considers problems connected with development and implementation of the models of state administration in the Arctic during the Soviet period; analyzes basic principles of regulation of the socioeconomic and political processes in the Arctic territories. Since the public administration in the Soviet Arctic and its specific features remain understudied by historians, the present paper is mainly restricted to the statement of this question. The author attempts at determining the main factors and priorities of the Soviet state policy in the Northern regions of the country. This work led to a conclusion that problems of Soviet state administration can be considered, on the one hand, within the framework of methodological and conceptual approach postulating the existence of the world circumpolar civilization; on the other hand – in the context of dynamics of the Russian state's development. It is stated that practically all vital processes in the Arctic were largely affected by changes in the state strategy aimed, first of all, at the Northern territories' incorporation into the national economic complex of the USSR. In so doing the state used mostly the methods and mechanism of mobilization that proved to be most efficient in accomplishing the stated goals.

It is noted that the mobilization model of administration in the Soviet Arctic remained practically to the end of the Soviet period. The specific forms and methods varied, while the basic goals set from the Center of state administration were invariable. As a result the Soviet models of state administration in the Arctic reflected the need to use the mineral and other resources of the region, both to meet the country's domestic needs and to strengthen its positions on the international stage.

Key words: Arctic, models of state administration, administrative-territorial system, mobilization solutions, mineral resources.

Kupershtokh N.A. Contribution of the Siberian Scientists to the Study of Arctic's Petroleum Potential in the Second Half of the XX Century

At the present time the Russian Federation carries out the state complex program of studying and development of the Arctic's resource base for the purpose of meeting Russia's demand for hydrocarbon resources. The study of Arctic is becoming a topical issue in the light of many objectives. One of them is preparation of the National Atlas of the Arctic, which is to embrace all scientific knowledge about the region, including geological substantiation of the resource potential of its subsoil.

Many academic organizations participated in the geological study of the Arctic zone. The article considers results of activities of the Siberian scientists working at the West Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, the Institute of geology and geophysics (Novosibirsk) and the Institute of geology (Yakutia) of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences. These researchers provided prognosis and rationale for exploration of the largest mineral deposits in the Arctic zone of Siberia, realization of projects on development of hydrocarbons in the Arctic. After establishment of academic institutes in Siberia the coordination of research activities related to hydrocarbons in the Arctic reached a new level. This large-scale research was conducted in the framework of the program «Siberia». Many leading scientists-geologists including Academicians A.A. Trofimuk, N.V. Cherskiy, V.S. Surkov, A.E. Kontorovich and Corresponding Members V.N. Saks, I.I. Nesterov were among the program's coordinators. Investigations carried out within the framework of «Siberia» increased the level of fundamental and applied research. The conclusions drawn by the Siberian scientists served as the basis for planning the oil and gas fields exploration in the region. For the first time the perspectives of the Siberian Arctic zone's development were comprehensively studied and exploration of the nature resources was regarded in close connection with solving socio-economic and environmental problems. The overall contribution of the SB RAS institutes to organization of fundamental research in the Arctic zone of Russia, solving the problems of socio-economic development of the Polar regions and studying the Arctic geology, biology and ecology has been tremendous and still awaits comprehensive study.

Key words: Arctic, hydrocarbon resources, Institute of geology and geophysics of Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of geology of Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, the Program «Siberia», A.A. Trofimuk, N.V. Cherskiy, V.S. Surkov, A.E. Kontorovich, V.N. Saks, I.I. Nesterov.

Panich T.V. The Theme of Advocacy of the Orthodoxy in the Writings of the Authors from the Patriarch's Circle of the Second Half of the XVII Century

The article discusses the literary heritage of the writers of the Patriarch's circle, adherents of the Greek-Byzantine Orthodox tradition in the development of the Russian culture (Euthimius of Chudov, Athanasius of Kholmogory, Ignatius Rimsky-Korsakov, hierodeacon Damascene and others). The works of this group of authors are studied in regard to the theme of advocacy of the Orthodoxy. The theme became a topical issue and was responded to in the Graecophiles' writings in the second half of XVII century, which was a reaction to the cultural and historical

situation when the Church reforms, growing secularization, expansion of foreign religious denominations and influence of Western European culture resulted in significant changes in the life of the state, while the authority and dominance of the Orthodox church declined. In the Graecophiles' opinion, all those changes posed a threat to the Orthodoxy. The research is based on a number of writings of these authors that have somehow touched upon the issue of advocacy of the Orthodoxy, its protection against the influence of the Western confessions. These writings include the anti-Latin book "The shield of Faith" (Schit very), devoted to the polemics between the Graecophile and the Latin supporters on when to apply the consecrated elements during a liturgy; the manuscript collection of writings associated with Petr Artem'ev and Grigorii Skabinskii; last wills and testaments of Patriarchs Joachim and Adrian, and of Metrophanes, the bishop of Voronezh; patriarch Adrian's letter on publication of the book "The Shield of faith" (Schit very) and others. The author determines sources of the analyzed texts, reveals their relation to the tradition and to the book heritage of Old Russia (foreign books translated into Russian as well as the original Russian writings). The analysis of the literary heritage of the writers of the Patriarch's circle shows that one of the main elements of their strategy was the idea of protecting the Orthodoxy against the influence of the Catholic and Protestant churches; they strived to support and to consolidate the influence of the Orthodox Church, to save the Orthodox traditions, its values and principles through their literary works.

Key words: Orthodoxy, XVII century, the writers of the patriarch's circle, anti-Latin polemics, publicistic manuscript writings

Starukhin N.A. Unknown Composition of the Siberian Belokrinitskiy Writer G.A. Strakhov "Justification of the Old-Believers Hierarchy From Prophet Ezra"

The article introduces into scientific circulation the original essay written by the peasant writer G.A. Strakhov in the 1890s. It addresses eschatological views of the Belokrinitskiy apologist, their specificity. Analysis of eschatological issues allows to better represent the original manner of G. Strakhov, his historiosophical views and ideological origins as well as to better understand the inter-confessional polemic, literature and ideology of this consent in the second half of the XIX century. The author concludes that the Siberian writer's work was influenced by his own experience of belonging to other confessions as well as by the literary heritage of some of the Belokrinitskie writers, particularly, an ordained monk Arseniy (Shvetsov). The latter's works were met with a mixed reception by his coreligionists in a period under review and from time to time caused heated disputes which, supposedly, had definite consequences for Strakhov himself. The apologist expanded the range of traditional literary sources by adding secular writings and synodal editions what is considered a specific feature of his work. The new sources used by the writer were perceived somewhat differently among the Old-Believers. Actualization of the past with due regard to the contemporary developments was typical of Strakhov's works (as of the Old-Believers' literature in general). The writer correlated the Bible texts with the Russian reality infusing his writing with social and political topicality. The paper shows that Strakhov reckoned with the general situation in the Belokrinitskiy Consent that came

about by the time of creating his work. That period of time was marked by the the metropolitan merchants' growing influence over the "Austrians". On the other hand, the government pressure on the leaders of the Belokrinitskie communities increased and they had to resort to the tactics of compromises which affected the ideology of the group.

Key words: Old-believers, group of Belokrinitskie believers, eschatology, apologetics, polemic, the third Book of Prophet Ezdra.

Savenko E.N. "The Power and Freedom to All People": the History of the Illegal Youth Organization in the Late 1920s: Based on Investigation Documents

The purpose of the article based on the previously unknown sources is to study the history of a clandestine student organization that existed in Omsk under the name of the Russian National Party Rights. Investigation materials stored in the archives of the Federal Security Service in the Omsk region allow us to clarify the views existing in the historical literature on personal composition, organizational structure and purposes of the association. Documents show that young people focused on the democratic traditions of revolutionary populism in creating an underground organization. The article presents fragments from proclamations published in the underground press giving the idea of Siberian students' protest moods at the end of the 1920s. The keynote of the youth protest was dissatisfaction with the ideological and political monopoly of the Communist party. The rejection of Soviet reality and resistance to the dictates increased in proportion to the strengthening of authoritarian tendencies in the government policy. Slogans of illegal proclamations issued by the youth were accordingly transformed. Initially appeals focused on the need for consolidation of the student youth in order to resist the dictates of the Komsomol minority. Over time, the main slogan of the leaflets turned into the call for armed struggle against the dictatorship of the Communist party and for the establishment of a free People's Republic. The protest activities of the illegal student groups, whose members were natives of villages, reached a peak in 1929 in connection with the beginning of the state repressive policy in the village. Based on the investigation materials the author comes to conclusion that youth protest actions were spontaneous and of local significance. However, the security organs, relying on a thesis about the sharpening of the class struggle, used student protests for large-scale repressions against members of the politically unreliable social groups.

Key words: youth, protests, illegal organizations, clandestine printing, leaflets.

Lizunova I.V. National Press in Siberia and the Russian Far East in the Context of Russian History of the XX - Early XXI Centuries

The paper describes specific features of the national press in Siberia and the Russian Far East throughout the XX – the first decade of the XXI centuries; carries out a categorial analysis of the concept of «national press». The author considers in detail the process of formation of national periodicals among the peoples of Siberia, the Far East and the Far North, from the release of individual pages to publication of specialized newspapers and magazines in the indigenous languages of these peoples and

within their traditional territories. The paper analyzes problems connected with the national periodical press, highlights the benefits of its creation.

Since its inception, and at different stages of its history, the national press performed important social and cultural tasks. It served as a universal means of information and education for the indigenous population of Siberia and the Far East. The press was a catalyst for development of national script, education and national literature. Newspapers and magazines published in national languages contributed to preservation of ethnic traditions and identity, played certain role in cultural interaction of different ethnoses of Russia.

The given statistical data on the output in the printed periodicals at the beginning of the XXI century testifies to the fact that the institution of national press has achieved a certain level of solvency and maturity; it also points out some growing problems connected with further expansion of the mediaspace of the country. The author analyzes different views on the state's role in development of national printed media, their influence on evolution of national cultures of various ethnoses. The paper considers the current stage of the national media development, determining whether it is a revival or take-off, crisis or collapse. The author advocates the need for greater independence of the national press; shows its significance for the cultural interaction of ethnoses living beyond the Ural; gives arguments for greater use of languages of the indigenous peoples of Siberia and the Far East in the press.

Key words: national press, newspapers, magazines, periodicals, Siberia, the Far East, mediaspace.

Mankova I.M. The Men's Monastery in the Russian Orthodox Landscape of Tobolsk in the XVII Century

The aim of the article is to check the concept of "Russian orthodox landscape" against the historical record of the Tobolsk men's monastery in the XVII century. By "orthodox landscape" the author means a system of religious objects arranged on a certain area and forming its territorial integrity. The monastery with the Church of Saints Zosima and Savvaty of Solovki is believed to be built on the right bank of the river Irtysh in 1595/96. Change of location led to renaming the monastery – the Uspenskiy (since 1609/10), the Znamenskiy (since 1624). The author proves that it is erroneous to suppose that the men's monastery was established in Tobolsk before 1595/96, and expresses doubts about the existence of the Zosimo-Savvatievsky monastery. These doubts are based on the fact that according to the documents of the first quarter of the XVII century the tradition of honoring Zosima and Savvaty is not traced in the churches' names and iconostasis of the Uspenskii and the Znamenskii monasteries. It originated in the monastery only in the second quarter of the XVII century and was reflected in the fact that a side-chapel of the Znamenskaya church was dedicated to these saints. In the last quarter of the XVII century a chapel dedicated to the saints of Solovki appeared in the Kazanskaya church. In the authors' opinion it was connected with creating a tale about the Znamenskiy priory as a predecessor of the Zosimo-Savvatievsky monastery. The monastic community faced the need to identify its historical roots when the monastery changed its status within the sacred space of Tobolsk. Previously it had been a resting place for the feeble veterans of the civil service and a place for exile

of the disgraced monks. After the establishment of the Siberian diocese it began to play the role of an ecclesiastical centre closely connected with the Tobolsk archbishops. The important step in that process was the discovery of the miraculous icon Our Lady of Kazan in the Znamenskii monastery in 1661. According to the author's hypothesis, the Tobolsk monastery rose from a hermitage which appeared near Tobolsk before 1609/10. It was a home to a few monks and, most likely, there was no church. In 1609/10, they moved to the Uspenskii monastery, which was built by the service people preparing a shelter for their old age.

Key words: Tobolsk Znamenskii monastery, Russian Orthodox landscape, Siberian diocese, the development of Siberia in the XVII century.

Dobzhansky V. N. New Documents on the Name of Upper Chulym River and Location of the Kizyl Volost' in the XVII Century

In 1641, service class people from Tomsk, Tara, Tyumen, Tobolsk and Kuznetsk built Achinsk Ostrog under the direction of Ya. O. Tukhachevsky. It was constructed for collecting yasak tax and protecting upper Chulym yasak people from the Yenisei Kyrgyz people. From Tukhachevsky notes, it is known that Achinsk Ostrog was built on the Iyus River and the lake Syzyrim. For a long time, the Iyus River had been associated with the river Belyi Iyus. Therefore, the lake Syzyrim was supposed to be the modern lake Bilyo. K. N. Serbina located Achinsk Ostrog of 1641 at the confluence of Belyi and Chernyi Iyus on the map appended to the 2nd Volume of "The History of Siberia". This location determined the positioning of the Russian-Kyrgyz border of the middle XVII century by V. S. Sinyayev. D. Ya. Rezun agreed with Sinyayev's suggestion in general, but he believed that the lake Syzyrim and Achinsk Ostrog location should have been searched near Belyi Iyus and the lakes Bilyo and Shira. However, all attempts to locate Achinsk Ostrog in the present-day river basin of Belyi Iyus yielded no result. In 1988, Elert published a historical and geographical description of Tomsk Uezd written by G. F. Müller in October 1734 clarifying which Iyus is mentioned in the documents. In his another work the Siberian historiographer located the lake Syzyrim as well. Based on the data presented by G.F. Müller Elert concluded that Achinsk Ostrog of 1641 was located not on Belyi Iyus near the lake Bilyo, but on the modern Chulym. However this fact couldn't explain that according to different documents, Achinsk Ostrog had been built either on Iyus or Belyi Iyus. In the Siberian Prikaz records of the Russian State Archive of Ancient Acts the author of the present article found a document which resolves this contradiction. In the XVII century the Yenisei Kyrgyz people used the name Belyi Iyus for the upper part of Chulym River up to the Meletsk Ostrog. This name was accepted by the Russian service class people who abbreviated it to Iyus. The precise location of Kysil Volost' is also determined.

Key words: Achinsk Ostrog, Kysil Volost', Achinsk Volost', Belyi Iyus River, Chulym River, Iyus.

Pivovarov N.Yu. Formation of the Cooperative Elite in Russia in the Late XIX – Early XX Centuries

The article reviews genesis and development of a cooperative elite in Russia. Formation of this elite was paralleled by the establishment and development of a cooperative movement

in the Russian Empire. It started in the years of reforms of Alexander II. However, the underdeveloped cooperatives sector in Russia determined weakness of its elite. In the 1890s significant socioeconomic changes led to increase in the number of cooperative societies.

Since that time cooperative elite had a real opportunity to implement its ideas in practice. The cooperative meeting in 1896 in Nizhny Novgorod and the First All-Russian cooperative Congress in Moscow in 1908 played an exceptional role in ideological and psychological consolidation of the elite. Thus up to 1917 the elite managed to take control over the key leverage of Russian cooperation. Representatives of the cooperative elite differed in their social origins, professions and political views. In terms of social background its majority consisted of the members of nobility, priesthood and petty bourgeoisie. Most of them held key positions, served as heads of departments and members of the boards of large cooperative unions. Some members combined service in cooperative societies with different government and public agricultural organizations. Others worked as journalists and publicists advocating ideas of cooperative movement. The cooperative elite members also included university lecturers, representatives of higher ranks of the Russian army and civil administration. Cooperation brought together people with different political views. Most of them expressed leftist political views. The number of socialists of various types increased in proportion to the growing opposition to the government and, in the broader sense, to the ruling regime. However the Russian cooperative elite lacked common ideology and understanding of further evolution. This was the main reason why it didn't turn into a stable community.

Key words: The Russian Empire, cooperation, cooperative elite, social groups, professional corporation, social mobility.

Krott I.I. Diffusion of European Innovations: Developing Agriculture in the Entrepreneurs Farms of Western Siberia in the Late XIX – Early XX Centuries

Based on the archival and published sources the article discusses the issues of innovations in agriculture in Western Siberia in late XIX - early XX centuries emphasizing activities of rural entrepreneurs who not merely borrowed but transformed knowledge and technology. Theoretical and methodological basis of the study is the concept of "diffusionism" that characterizes historical process in terms of diffusion, contact, borrowing, transfer and interaction of cultures. The article concludes that the need for eradication of outdated patriarchal attitudes was objectively caused by economic and cultural «backwardness» of Russia compared to Western Europe as well as by modernization processes occurring at the regional level. «Commercialization» changed everyday life, consciousness and behavior of the rural society, that became increasingly involved into economic activity. The author concludes that in the Siberian region innovations infiltrated and spread in two projections – «downwards» and «from the center to the periphery». Rationalization of entrepreneurial agriculture was stipulated by the rural entrepreneurs' farming experience and exposure to the ideas of advanced scientific thought. Local peasants actively concerned themselves with agrotechnology and modernization in the rural entrepreneurs' arable farms; moreover, they even borrowed some of these innovations.

Key words: modernization, socio-cultural changes, commercialization of the local community, rural entrepreneurial households, diffusion of innovations, rationalization of agriculture, agricultural machines and implements, technological innovations, Western Siberia.

Ilyinikh V.A. Social Mobility of Siberian Peasants: Discourse of the 1920s

The paper analyzes the discussion on the social mobility of peasants that took place in Siberia in the 1920s. This issue was of high political relevance. Social transformations in the rural areas could be characterized only in connection with evaluation of the ruling party's agrarian policy. In Siberia the discourse on this problem evolved in the context of the nationwide polemics. Judging from the available source base the majority of analysts defined the peasantry social structure on the basis of seeding groups, and since 1927 – on the basis of groups of peasant households formed according to the value of durable means of production. Social interpretation of these groups depended on political, scientific and theoretical principles of interpreters.

Having analyzed the period of the late 1910s – early 1920s the majority of experts stated that the Siberian peasant household had been evened out at a lower wealth level. The discourse of the 1920s evolved in the context of a heightened political struggle. Adherents of the left opposition argued that NEP led to restoration of capitalist differentiation which achieved in Siberia the “American” rate of growth. The right-wing Communists in fact denied any stratification in the NEP village. They were supported by the “neo-populists” who defined the vast majority of peasant homesteads as poor. The Party's majority leaders proposed the concept of leveling-out the village according to which the key figure in the NEP village was a “middle peasant”. Supporters of this idea believed that it was proved by the cluster censuses data obtained in 1927 and 1928 and processed by V.S.Nemchinov's methods. These methods were more adequate; however conclusions drawn upon such data processing were also subjective. In the late 1920s any discussions on the peasant social mobility were stopped. The official opinion was considered to be the only true point of view.

Key words: social mobility, peasantry, agricultural censuses, NEP, discussions on the class stratification in the village, leveling-out, Siberia.

Shishkin V.I., Savin A.I. Social Mobility in Russia during the Wars, Revolutions, and Radical Transformations of the First Half of the XX Century: Discourses and Research Results

This article analyzes the main trends and results of studies in social mobility in Russian society during the first half of the XX century in the national and foreign historiography. The founder of the theory of social mobility, P.A. Sorokin, formulated the basic idea that the multidirectional social mobility is a universal attribute of all social systems. Before Perestroika, social mobility as a subject of study was taboo in the Soviet Union, despite the fact that pace and results of social mobility in Russia had been unparalleled in world history. Western historians until the mid-1970s also ignored the subject of social mobility, because the dominance of the totalitarian model of Soviet society left no room for the analysis of social movements.

A breakthrough scientific research on this topic was performed by the historians of the revisionist school in the United States, who paid particular attention to certain means of social mobility in the Soviet society which played an important role as a pillar of Stalinism. Besides, they actively studied a range of social, gender and ethnic groups with high mobility. However, in the recent years, influenced by the history-of-mentalities approach, Western researchers shifted to analysis of the identities mobility. Russian historians still remain outsiders in the study of social mobility in Russia. Nevertheless, there is a considerable amount of books and articles on mechanisms of social mobility that provided the downward trend of vertical mobility in the 1920s-1930s. As a result, the picture of social mobility was significantly deformed. This historiographic “skewness” is in need of serious adjustment through the identification and study of those social lifts that provided climbing up the social ladder in Russia in the first half of the XX century. Only an objective analysis of social mobility allows getting a realistic view of what was in fact a vector of social evolution of the country in the first half of the XX century.

Key words: social mobility, social channels and lifts, Russia, XX century, foreign historiography, domestic historiography

Shmakov V.S. Rural Socium of Russia: Historical Resource

The article analyzes the effects of modernization on the changing socioeconomic living conditions of rural population. On the materials of sociological monitoring of the development of rural society the author has developed methods for studying behavioral reactions of the rural population; determined the main adaptation strategies under the conditions of socioeconomic transformations; revealed the three stages of transformational changes in the socioeconomic development of agricultural production. Analysis of the dynamics of development of Siberia's agricultural regions shows that social and innovation processes have increasingly influenced the development of the Siberian village, life of different groups of rural population, the process of formation of new value orientations and new social standards. Institutional basis of socio-economic transformations in Siberian village was provided by the destruction of the whole system of social relations.

Liberalization, expansion of social freedom, introduction of market relations, development of the new forms of property changed the entire way of life of the rural population, the entire system of social and economic life. These processes resulted in formation of a mixed agricultural economy, increase in labor productivity and GDP growth, development of a broad agricultural market. In the Russian rural society, on the level of mass orientations, the passive adaptation strategies are being rejected, since they have exhausted their resources and have not met the challenges of a changing socio-economic situation. They are not able to encourage the population to make full use of available resources and to implement the most successful adaptation strategies. In the context of reducing share of revenues from personal farms, due to the loss of their marketability, the rural population is forced to seek the new sources of survival.

Key words: modernization, transformation processes, methodology, rural socium, socioeconomic processes, adaptation strategies, traditions, innovations.

Bondar V. A. Conceptual Research Approaches to the Term "Document" At the Present Stage

The article reviews the development of conceptual approaches to the notion of "document", the term designating this notion as well as the document term system as a whole over a period of time from 1991 to the present. It analyzes changing views on a document and related concepts due to accumulation of theoretical and practical knowledge and environmental changes. Most of significant theories and trends of thought are covered within the scope of both administrative scientific discipline of documentation and other concepts.

During the period under study theoretical research was focused on the attempts to resolve a methodological impasse caused by unjustified reduction of key concept "document" denotation almost to a volume of the notion "official document". Institutional approach and perception of a document as part of noosphere were suggested within the scope of administrative scientific discipline of documentation. Besides, there has been conducted research on the history of notion "document" on the whole and "administrative document" in particular. One of the results of this process was the formation of a "new" version of records management, which had not been a comprehensive whole. The theory of social communication that appeared in this period regards a document as a tool of one of the channels of social communication with temporary and acquired status. According to this approach "document" is any object under study in information science, museology or publishing. The theory of documentation (in its "new" version) develops an approach to a document as a result of documenting process. Considering the concept "document" the author of this theory comes to conclusion that the concept's meaning is overloaded and is not universal enough to be used as a determinative notion. Based on the analysis of various conceptions it is concluded that there is no appropriate definition for the complex and interdisciplinary concept "document", and its further conceptualization requires integrated efforts from theoreticians and practitioners.

Key words: scientific discipline of documentation, term system, document, concept, definition, interpretation, approach, conception

Timofeeva Yu.V. Charity in Library Construction in Western Siberia (Late XIX – Early XX Century)

The article is aimed at revealing concrete-historical features of charitable activities in the sphere of library construction in Western Siberia in the late XIX – early XX century. The main objectives include analysis and generalization of the facts revealed by the author and other researchers of charity actions in the specified area; introduction of new sources revealing to the researchers new facts about the previously unknown examples of such activities as well as discovering new names of philanthropists who were active in the sphere of libraries. The author characterizes scale and forms of charity, identifies the names of metropolitan and local philanthropists, who provided material support for the creation and maintenance of libraries; determines their actual contribution to the development of the library network. Based on the analysis of archival and published sources, the author stated that the philanthropy became widespread in the region at the turn of XIX-XX centuries. The largest-

scale charity was noted for the Tomsk province, mainly due to the activities of an outstanding Siberian educator, publisher and bookseller P.I. Makushin. He was a generous contributor to the creation of libraries and managed to attract metropolitan and local philanthropists to this very important activity. It became possible owing to the establishment of the *Society of assistance to creation of rural free libraries and reading-rooms*. Four dozens of village libraries were created with the capital left under the will of F.F. Pavlenkov. The well-stocked libraries were established with the money left by D.D. Poluboyarinov. N.M. Chukmaldin, A.I. Tekutiev, V.A. Gorokhov and many others helped to create one or more free libraries, assisting in book acquisition. Sources used by the author convincingly demonstrate that metropolitan and local philanthropists participated in library construction in Western Siberia. The author points to an interesting feature of the professional composition of major philanthropists – many of them were book publishers and booksellers.

Key words: library, national library, charity, the scope of charity, forms of charity, metropolitan philanthropists, local philanthropists, financing, generosity, bequeathed capital, book-publishers, booksellers.

Lbova E. M. Publishing activities of Social Revolutionaries in Paris in 1919 – 1921 (As Exemplified by the Periodical «Pour la Russie»)

Based on the archival materials the article reconstructs the history of *Pour la Russie*, a periodical published by the Socialist Revolutionaries; analyzes its editorial stuff, team of authors, cooperation with printing houses, distribution and pricing of the newspaper. *Pour la Russie* supervised by O. S. Minor, V. M. Zenzinov, V. I. Lebedev, E. A. Stalinskiy was the first edition published by the members of Socialist Revolutionary party in Paris after the October Revolution of 1917. This newspaper was designed for foreign readers and aimed at reviewing and analyzing the social and political situation in Russia from the editors' point of view. However, it was much more popular among Russian emigrants which forced the editorial staff to issue *Pour la Russie* in two languages: French and Russian. Unfortunately, the conditions of economic instability hampered the implementation of this idea. Thus, the Russian-language version was never published while the French version since September 1920 became an information bulletin. *Pour la Russie* existed only for two years but the former staff successfully used this experience for editing and publishing the following issues: *The Will of Russia* and the *Days*. An attempt to reconstruct the history of *Pour la Russie* allowed to reveal typical problems the Russian emigrants faced in France after the October Revolution. The main problems were as follows: shortage of money, persistent increase in prices of expendable materials, and lack of demand among potential readers. Any of these factors could lead to transfer of the edition to another country of Europe or its shutdown. Analysis of the archival materials from the fond of editorial board of *Pour la Russie* helps to understand problems of development of the Russian emigrants' publishing business in 1919-1921.

Key words: emigration, Russian Emigration, publishing activity, periodical, newspaper, information bulletin, Socialist Revolutionary Party, S.R.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ **(Требования к статьям и сообщениям)**

1. Представляемые в журнал статьи должны излагать новые, еще не опубликованные результаты гуманитарных исследований по направлениям:

- отечественная история;
- археология;
- этнография, этнология и антропология;
- историография, источниковедение и методы исторического исследования;
- история науки и техники;
- история международных отношений и внешней политики.

Принимаются статьи, документальные публикации, материалы обзорного и информационного характера, рецензии.

2. Автор представляет:

- заверенную рецензию доктора или кандидата наук по специальности;
- статью в файле в формате Microsoft Word (кроме Word-2007) (файлы с расширением doc или rtf);
- идентичный текст в печатном виде;
- краткую аннотацию (700–850 знаков с пробелами) на русском и английском языках, которая должна включать: фамилию автора, название, цель статьи, характеристику проблемного поля, перечень основных проблем, затронутых в статье, основные научные результаты, ключевые слова (не более 10);

Титул статьи должен содержать фамилию, имя, отчество, должность, ученую степень, место работы, служебный адрес, электронную почту, индекс УДК. Объем статьи не должен превышать 0,5 п.л. (20 тыс. знаков) с учетом пробелов, примечаний и объема аннотации, а также таблиц и рисунков; объем информационных заметок и рецензий – 0,2 п.л.

3. Статья оформляется со следующими параметрами:

- стандартный набор шрифтов Windows, кегль 14;
- если автор использует дополнительные шрифты, не входящие в основной набор Windows, эти шрифты должны быть записаны в электронном виде и переданы со статьей;
- межстрочный интервал – 1,5;
- не использовать макросы и стилевые оформления Microsoft Word;

Список литературы оформляется в конце статьи:

- названия работ приводятся в порядке упоминания;
- ссылки в тексте на упомянутые труды оформляются в квадратных скобках [1], при необходимости с указанием страницы [1, с. 21].

– сноски пояснительного характера, а также ссылки на архивы, рукописные собрания даются постранично с использованием последовательной нумерации (1...10 и т.д.), причем в тексте статьи номер сноски печатается в верхнем регистре;

- в публикациях документов могут быть использованы буквенные постраничные ссылки.

Графики и диаграммы представляются отдельными файлами, выполненными в Microsoft Excel 6.0/7.0/97/2000; иллюстрации в формате JPG.

4. От автора к публикации принимается не более одного материала в год. Рукописи, не удовлетворяющие указанным выше правилам, а также не принятые к публикации, авторам не возвращаются. Плата с аспирантов за публикацию не взимается. Статьи, поступившие в редакцию, проходят экспертизу членов редколлегии и при необходимости направляются на внешнее рецензирование. Мотивированный отказ в публикации отправляется автору по электронной почте после заседания редколлегии по очередному номеру. Корректурa не высылается. Гонорар за публикуемые материалы не выплачивается.

Полная текстовая версия выставляется <http://e-library.ru>

Web-страница журнала: www.sibran.ru/gumnw.htm; www.history.nsc.ru/hum.htm.

Рукописи направлять по адресу:

*630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301.
Редакция журнала «Гуманитарные науки в Сибири».
E-mail: gumnauki@gmail.com*